

А. Н. Сахаров

Русская деревня XVII в.

*По материалам
патриаршего хозяйства*

Москва

2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С 22

Сахаров А. Н.

С 22 Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 231 с.

ISBN 978-5-4458-5708-2

История русского крестьянства XVII в. – важный момент для понимания столетия, ставшего началом «нового периода русской истории». Что является важнейшим моментом определения пути социально-экономического развития русской деревни? Есть ли связь между этой эволюцией и генезисом капитализма в России?

Ответы на эти и другие вопросы читатель может поискать вместе с автором в предлагаемой публикации.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4458-5708-2

© Сахаров А. Н., 2014
© Издательство «Директ-Медиа», 2014

Введение

Есть в исторической науке проблемы, котрым, кажется, не суждено стареть. И происходит это потому, что их решение проливает свет не только на события того или иного периода истории, но и помогает понять путь народа на отдельных крупных ее этапах. Именно к таким проблемам принадлежит история русского крестьянства XVII в.— столетия, явившегося началом «нового периода русской истории», который характеризовался, по словам В. И. Ленина, «постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок», «созданием связей буржуазных» в стране¹. Определить пути социально-экономического развития русской деревни того времени — значит дать ответы на вопросы, связанные с эволюцией феодального строя в этот переходный в истории России период, уловить связь этой эволюции с генезисом капитализма в России.

Советская историческая наука в лице Б. Д. Грекова и других ученых внесла огромный вклад в разработку многих проблем истории русского крестьянства, в том числе и истории русской деревни XVII в. Главное направление исследования шло по линии анализа тех перемен, которые претерпевало русское крестьянство под воздействием изменений феодальной земельной собственности, формирования помещичьего класса, укрепления Русского централизованного государства, развития крепостного законодательства. Безусловно, такой подход

¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 4, стр. 153—154.

к изучаемым проблемам дал возможность советской исторической школе с марксистско-ленинских позиций вскрыть неправильные взгляды буржуазной историографии на русский феодализм, добиться успехов в изучении феодального общества в России.

На основании исследований в этой области складывалось четкое представление о русском крестьянстве, в том числе крестьянстве XVII в. как о закрепощенной части населения страны, эксплуатация и дальнейшее закрепощение которой усиливались с каждым десятилетием. И этот основной вывод советской историографии не вызывает никаких сомнений.

Однако ставшая традиционной линия исследования не достаточна для того, чтобы исчерпывающе осветить многие стороны жизни крестьянства: внутренние процессы, происходившие в рамках крестьянской общины, эволюцию крестьянского хозяйства в этот период, социально-экономические условия этой эволюции. Почему крестьянское хозяйство, несмотря на тяжесть феодального гнета, держалось на относительно постоянном экономическом уровне, обеспечивая в рамках феодализма медленное, но неуклонное развитие производительных сил страны. В чем источник этой жизнеспособности? В каком взаимодействии находятся такие факторы, как эволюция ренты в XVII в., рост отходничества, развитие наемного труда, классовой борьбы?

Если попытаться ответить на все эти вопросы в духе рассуждений, говорящих о том, что крестьянство являлось лишь объектом эксплуатации и приложения крепостнических юридических норм, и если не акцентировать внимания на том обстоятельстве, что во все периоды русской истории, даже в период самого тяжелого крепостного гнета, русский крестьянин являлся одновременно субъектом истории, имел собственные социально-экономические интересы, постоянно проявлял инициативу в духе этих интересов, которые находились в перманентном противоречии с интересами феодального собственника и, несомненно, влияли на общее развитие русской жизни, то линия исследования, о которой только что шла речь, оказывается недостаточной, чтобы всеобъемлюще осветить историю русской деревни. Особенно это бросается в глаза при изучении истории XVII в. и более позднего времени, когда в жизни крестьянства под влиянием складыва-

ющего всероссийского рынка происходили существенные перемены, на которые неоднократно обращали внимание советские исследователи.

Для дальнейшей всесторонней разработки истории русского крестьянства на всех его этапах, по-видимому, придется отказаться от взгляда на крестьянство только как на объект эксплуатации и вернуть ему истинное место, учитывающее его активное влияние на развитие социально-экономической и политической жизни страны. Не претендуя на разработку данной проблемы на всех этапах русской истории, что под силу лишь большому коллективу исследователей, автор предполагает поставить эти вопросы применительно к истории XVII в. И здесь в первую очередь требует коррективов точка зрения, согласно которой крестьянство XVII в. в России — это лишь сплошная закрепощенная масса, страдавшая от все усиливающейся эксплуатации, только забитая и задавленная часть населения страны.

О различных путях развития «капиталистического» Запада и «крепостнического» Востока писалось много. При этом отмечалось, что в то время как развитие капиталистических элементов в западноевропейских странах расплывало феодальные производственные отношения, в России появление тех же элементов приводило к укреплению этих отношений и усилению феодальной эксплуатации². Термины «усиление крепостничества», «усиление эксплуатации» применительно к XVII в. без всяких оговорок и часто без разграничения юридической и экономической сторон вопроса прочно вошли в конкретные исследования, а также были признаны правомерными в различных дискуссионных статьях. Эти представления об историческом развитии русского крестьянства основывались по существу на двух комплексах фактов: во-первых, на распространении в России в этот период отработочной ренты в качестве преобладающей формы повинности (наряду с наличием ренты денежной и продуктовой), во-вторых, на пристальном изучении развития юридических норм, оформивших закрепощение крестьян. Сочетание этих

² См., например: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, стр. 5; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 31, 43; «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958, стр. 4.

комплексов и зависимость крепостнического законодательства от развития барщины и явились исходным моментом для упомянутых обобщений. Известно положение Б. Д. Грекова о том, что «с конца XV в. ясно намечается дальнейший путь развития сеньории, тенденция к переходу от оброчной системы к барщинной», и именно в XVI—XVIII вв. в России начинает завоевывать «главствующее место и, наконец, одерживает победу барщина». «Экономическое положение крестьянина не могло при этих условиях не ухудшаться и весьма серьезно. И так как на эту перемену в своем положении крестьянин не только не соглашался добровольно, но, несомненно, против нее протестовал, то в интересах землевладельца был усилен правовой нажим на крестьянина: крепостническое государство полностью поддержало помещика, принеся ему в жертву крестьянина»³. На увеличении барщины в конце XV и в XVII вв. как одну из причин усиления эксплуатации крестьян в тот период указывали Н. В. Устюгов⁴, А. Г. Маньков⁵; Д. П. Маковский откровенно говорит о том, что в России XVI в. происходило «насаждение» барщины, способствовавшей усилению эксплуатации крестьянина⁶. Подобные взгляды нашли отражение и в обобщающих трудах⁷, включая школьные учебники. При этом сам факт появления в каком бы то ни было месте барщины считался уже достаточным для того, чтобы сказать об усилении в данном месте эксплуатации крестьян. Причем, как правило, за этим утверждением не следовало анализа положения крестьян до и после введения барщины, а также экономических устремлений в этом районе барского и крестьянского хозяйства и изменения

³ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 1. М., 1952, стр. 532; кн. 2, стр. 231—232.

⁴ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.— «История СССР», 1961, № 6, стр. 78.

⁵ А. Г. Маньков. Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI века как источник по истории крестьян.— «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 286.

⁶ Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке, изд. 2. Смоленск, 1963, стр. 32.

⁷ См., например: «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 52; А. М. Сахаров. Очерки истории СССР. XVII в. М., 1958, стр. 33.

уровня хозяйского потенциала (а иначе говоря, динамики) крестьянского хозяйства. Однако это точка зрения не является единственной. Еще в 1915 г. С. Б. Веселовский обратил внимание на развитие в Русском государстве со второй половины XVI в. денежного обложения и одновременное сокращение и ослабление натуральных платежей и повинностей⁸. Критические замечания встретила точка зрения Б. Д. Грекова в период своего оформления. Так, Л. В. Черепнин отмечал, что уже в XV в. «увеличивается удельный вес денежной ренты в феодальном хозяйстве»⁹. Позднее, развивая это положение, Л. В. Черепнин писал о сосуществовании на Руси XIV—XV вв. различных форм ренты¹⁰. Этой же точки зрения придерживаются А. П. Пьянков¹¹, А. Д. Горский¹², А. А. Зимин¹³. Но и те, кто ясно видел несообразность утверждений о повсеместном распространении в России XV—XVII вв. барщины лишь на основании данных одного или нескольких хозяйств, не могли — то ли в силу традиционных взглядов, то ли в силу чисто внешних впечатлений — не подчеркнуть, что рост товарно-денежных отношений в стране, развитие денежной ренты приводило в любых вариантах к усилению эксплуатации крестьян. Получалось, что и развитие барщины, и развитие денежной ренты, и недостаток развития товарно-денежных отношений и их развитие приводили к усилению эксплуатации крестьянства. Цитировать все касающиеся этого вопроса положения было бы весьма утомительно. Классическим в этом смысле является утверждение Д. П. Маковского о том, что «развитие товарно-денежных

⁸ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 1. М., 1915, стр. 23.

⁹ Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в.— «Проблемы источниковедения», т. IV, стр. 322.

¹⁰ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 227.

¹¹ А. П. Пьянков. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках.— «Ученые записки» Могилевского государственного педагогического института, вып. I. Минск, 1955, стр. 28.

¹² А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 233—242.

¹³ А. А. Зимин. А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.— «История СССР», 1962, № 4, стр. 171—172.

отношений сказалось на состоянии повинности крестьян и степень эксплуатации непрерывно возрастала»¹⁴.

Что касается юридического оформления крестьянской крепости и его влияния на судьбы русского крестьянства, то на этот счет существует твердое мнение, что XVII в. явился столетием, когда окончательно завершается закрепощение, и после 1649 г. крестьянство представляется уже как закрепощенная масса, эксплуатация которой продолжала усиливаться. Впервые идею о сближении отдельных социально-экономических и юридических категорий русского крестьянства в XVII в., происшедшего под влиянием воздействия крепостного законодательства, выдвинул в конце XIX в. М. А. Дьяконов¹⁵. В дальнейшем эта идея была развита Б. Д. Грековым, писавшим о том, что с 80-х годов XVI в. начался «процесс слияния различных групп зависимого населения в однородную крепостную массу»¹⁶. Эта точка зрения нашла отражение и в более поздних исследованиях¹⁷. С этих же позиций оценивается развитие крестьянства в XVII в. и в «Очерках истории СССР», где в качестве основных явлений данного периода характеризуются «законодательное прикрепление крестьян к земле, к феодальным владельцам и систематическая борьба с крестьянскими переходами и побегам», «начало слияния различных категорий сельского населения в единую закрепощенную тяглую массу и одновременно рост имущественного расслоения крестьянства», а также «распространение крепостничества на новые слои населения и новые территории»¹⁸. А. Г. Маньков вообще сетует на то, что для некоторых авторов оказывается достаточным словесное признание усиления феодально-крепостнических отношений в этот период «без показа в ходе конкретного исследования их воздействия на базис, на развитие ремесла и торговли и на такие явления, как вольный наем»¹⁹. Более того, «новые явления» в русской жизни он советует рассматривать сквозь призму изучения «фео-

¹⁴ Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 208.

¹⁵ М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 240.

¹⁶ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 232.

¹⁷ См., например: Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, стр. 105.

¹⁸ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 198.

¹⁹ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. Л., 1962, стр. 5.

дальной собственности, крепостнических отношений, внутренней политики феодального государства и развития крепостного права периода позднего феодализма»²⁰. Процесс усиления крепостничества в деревне А. Г. Маньков переносит и на русский город²¹. Таким образом, во всех этих положениях, хотя бы авторы или нет, при определении судеб русского крестьянства акцент делается на решающей роли государственно-юридических факторов.

Эти устоявшиеся взгляды, возникшие в результате важного и глубокого, но несколько одностороннего исследования истории русского крестьянства, давно вызвали критические замечания советских историков. «Известное положение об „усилении крепостнической эксплуатации“ и даже „крайнем усилении“, — писала М. В. Нечкина, — подчас одинаково применяются и к XVI, и к XVIII, и к первой половине XIX века. Эксплуатация все усиливалась и усиливалась. Это верно. Но отличался ли один этап усиления от другого? И где же предел роста эксплуатации при феодализме?» Переводя рассмотрение вопроса в диалектическую плоскость, М. В. Нечкина предлагает «отказаться от одинакового применения термина „крайнее усиление эксплуатации“»²². В. К. Яцунский также упрекал аграрную историографию в односторонности, отмечая, что без конца речь идет лишь о разорении и эксплуатации крестьянства и нигде не говорится ни слова об улучшении его положения²³.

Необходимость широкого и разностороннего подхода к изучению истории русского крестьянства XVII в. приобретает особенно важное значение в связи с попытками современной буржуазной историографии воспользоваться односторонними оценками советских историков, фальсифицировать эту историю, спекулируя на недостаточной разработанности некоторых ее проблем, и на основе этого делать политические обобщения, обращенные своим острием против советской действительности. Акцентируя внимание на наиболее мрачных картинах крепостного

²⁰ Там же, стр. 6.

²¹ Там же, стр. 249.

²² М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. — «Вопросы истории», 1958, № 7, стр. 106.

²³ В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения земледельческого крестьянства в дореформенной России. — «История СССР», 1963, № 1, стр. 137—138.

права в России, буржуазные авторы обходят стороной те самые явления «нового периода русской истории», о которых писал В. И. Ленин и которые могут хоть в какой-то мере напомнить об общности исторических судеб народов Западной и Восточной Европы, поднимают на щит лишь те работы советских историков, которые посвящены исследованию истории закрепощения крестьян, и старательно игнорируют труды, в которых идет речь о генезисе капиталистических отношений в феодальной России.

Это направление в сегодняшней зарубежной буржуазной медиевистике не возникло на пустом месте. Первые фальсификации истории русского крестьянства совершались немецкими феодальными юристами, которые, выполняя политический заказ своих правящих кругов, старались доказать, что будто крепостное право на Руси является вообще принадлежностью «податливой природы славянства»²⁴. Развивая в новых исторических условиях старые фальсификации, старательно представляли Россию отсталой крепостнической страной остфоршеры XIX и XX вв.²⁵ На этом же пути снискали себе сомнительную славу и некоторые современные американские²⁶ и английские историки²⁷.

В новых работах возрождает свои старые взгляды на историю России американский историк Г. Вернадский, утверждающий, что в то время, когда на Западе крепостное право как типичный институт средневековья исчезло, в России оно достигает к началу XVIII в. своего апогея²⁸.

Идея развития и укрепления в России «традиционно-го» крепостничества, установления власти в духе «азиатского деспотизма» со всеми вытекающими для народа

²⁴ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе.— «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 106—107.

²⁵ См. об этом: В. Т. Пашуто. Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма.— «Вопросы истории», 1959, № 3; он же. Истоки немецкой неофашистской концепции истории России.— «Вопросы истории», 1962, № 10.

²⁶ См. об этом: Л. В. Данилова. Русское средневековье в современной американской историографии.— «Вопросы истории», 1962, № 3.

²⁷ См., например: В. Н. Sumner. Peter the Great. London, 1958, p. 1—8, etc.

²⁸ См. Н. М. Дружинин. Проблемы истории СССР на X Международном конгрессе историков в Риме.— «Исторические записки», т. 55, стр. 9.

печальными последствиями проводится в работах американского историка М. Чернявского²⁹. В плане противопоставления Русского централизованного государства, образование которого совпало с установлением в России деспотизма «азиатского типа», западноевропейским государствам, перешедшим тогда к эре «свободы» и «гуманизма», трактуется русская история в вышедшей в Нью-Йорке «Истории мировой цивилизации»³⁰. Наиболее полно подобные взгляды на историю русского крестьянства выражены в фундаментальном труде американского историка Д. Блюма³¹. Итог развития Русского государства в XIV—XVII вв. автор видит в установившемся к этому времени и существовавшем вплоть до 1861 г. «крепостном праве для массы сельского населения России», которое сопровождалось «подавляющим увеличением повинностей и налогов с крестьянства, их недоимкой и нищетой, дальнейшим ограничением свободного передвижения, усилением сеньориальной власти над личностью крестьянина»³².

«Русский опыт не явился единственным, — утверждает Д. Блум, — напротив, он стал частью широкого движения, которое переходило национальные границы, вовлекая в него все страны Восточной Европы»³³, в том числе Восточную Германию, Ливонию, Польшу, Литву, Богемию, Силезию и Венгрию. Крестьянство в этих странах, как и в России, «потеряло свою свободу»³⁴. А вот и заключительный аккорд: «Расхождение между Востоком и Западом в природе отношений господина и крестьянина оказалось решающим водоразделом в истории свободы в современном мире»³⁵. В странах Восточной Европы воцарился «тоталитаризм», а Запад пошел по пути цивилизации и свободы³⁶. При этом Д. Блум старательно обхо-

²⁹ M. Cherniavsky, *Khan or Basileus*. — «Journal of the History of Ideas», vol. XX, N 4, October — December, 1959, p. 459—476.

³⁰ «A History of World Civilisation», vol. I. New York, 1957, p. 655—662.

³¹ J. Blum. *Lord and Peasant in Russia*. Princeton, Massachusetts, 1962.

³² *Ibid.*, p. 219.

³³ *Ibid.*, p. 606.

³⁴ *Ibidem.*

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Ibid.*, p. 611.

дит молчанием моменты, связанные с многовековой борьбой русского крестьянства против крепостнического гнета, борьбой, не знавшей себе равных в странах Запада и детально исследованной советскими историками.

Любопытно, что в ходе исследования автор с особым интересом относится к работам русских буржуазных авторов и советских историков, посвященным истории закрепощения крестьянства в России, избирая их в свидетели своей тенденциозной концепции. Там же, где речь идет о каких-то достижениях русского народа, не укладывающихся в общую схему «дикости» и «отсталости», это вызывает резкие возражения Д. Блюма. Мимоходом остановившись на выводах о развитии русского сельского хозяйства в XIV в., к которым пришли советские ученые, автор заявляет: «Существующие данные не подтверждают этого решающего обобщения»³⁷.

Работа Д. Блюма, использовавшего значительный историографический материал, лишней раз заставляет всерьез задуматься над путями нашей собственной работы, над теми линиями, по которым она идет. И не только задуматься, но и активнее вести изучение тех тенденций в жизни русского крестьянства позднего феодализма, которые до сих пор оставались в тени.

Долгое время в нашей исторической науке по истории крестьянства бытовал догматический подход к нескольким цитатам, формулировкам. Конечно, о диалектическом подходе к вопросу не может быть и речи, если основываться лишь на том, что сущностью феодального способа производства являлись «собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства»³⁸. Эта формулировка, считавшаяся в свое время классической и вполне достаточной для понимания всей сложности и противоречивости общественных отношений при феодализме, в том числе и в переходный от феодализма к капитализму период, ныне уже не может удовлетворить советских историков.

Она нехороша тем, что предлагает примитивное, одностороннее решение вопроса там, где необходимо всестороннее диалектическое исследование. Здесь на первый план в отношениях между феодалом и крестьянином выдвигается насильственная сторона, но ведь не только она

³⁷ J. Blum. *Lord and Peasant in Russia*, p. 611.

³⁸ «История ВКП(б). Краткий курс». М., 1938, стр. 120.

определяла эти отношения, тем более на той стадии, когда натуральное хозяйство уступало свое место товарно-денежному, а барщину заменили оброчные обязательства.

Методологию всестороннего исследования истории крестьянства мы находим в работах основоположников марксизма.

Чтобы правильно понять пути всестороннего подхода к анализу социально-экономических проблем истории крестьянства, необходимо, на наш взгляд, уяснить не только марксистско-ленинский подход к изучению развития феодальной земельной собственности, классовой борьбы крестьянства, юридических норм, оформлявших крестьянскую крепость, роли феодального государства и права в процессе закрепощения крестьян³⁹, но и понимание основоположниками марксизма-ленинизма диалектической взаимосвязи крестьянского хозяйства и хозяйства феодального собственника — двух противоречивых и в то же время неразрывно связанных друг с другом социально-экономических явлений. К. Маркс подчеркивал, что «феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»⁴⁰. Связь могущества феодальных собственников и количества зависимых от них крестьянских хозяйств отмечал и В. И. Ленин: «„Собственное“ хозяйство крестьян на своем наделе, — писал он, характеризуя барщинную систему, — было условием помещичьего хозяйства, имело целью „обеспечение“ не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»⁴¹. Таким образом, в основе отношений феодального собственника и

³⁹ Принципиальное решение эти проблемы нашли в трудах Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, А. Г. Манькова, А. И. Копалева и других советских историков (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1, 2; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., кн. 1—2. М.—Л., 1948—1951; он же. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках; А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., 1956, и др.).

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 729.

⁴¹ В. И. Ленин. ИСС, т. 3, стр. 184.

непосредственного производителя лежат не только взаимоотношения эксплуатации и насилия, с одной стороны, и сопротивление этой эксплуатации и этому насилию — с другой, но и временами некоторое стремление феодального собственника к укреплению, поддержке крестьянского хозяйства, а также стремление крестьянина использовать эту поддержку в интересах развития своего хозяйства, повышения своего благосостояния. Феодал преследует при этом весьма прозаическую цель: несколько поддерживав крестьянское хозяйство, увеличить поступление феодальной земельной ренты. Если бы действовала лишь первая тенденция, то для физического уничтожения русского крестьянства хватило бы и двух-трех поколений. И только учет обеих противоречивых, борющихся тенденций может объяснить истинную линию развития русской деревни. Несомненно, что эта линия на каждом отдельном отрезке пути определялась не только субъективными действиями феодала или крестьянина, но и объективными социально-экономическими условиями развития их хозяйства, классовой борьбой крестьянства. Эти условия диктовали также степень и формы эксплуатации в каждом отдельном случае. Несвобода непосредственного производителя, отмечал К. Маркс, «...от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁴².

К. Маркс различал крепостную зависимость в настоящем смысле этого слова, личную зависимость, личную несвободу крестьянина и прикрепление его к земле лишь в качестве неотъемлемой черты хозяйства с преобладанием отработочной формы ренты. Но и «при этих условиях,— писал он,— может вообще совершаться самостоятельное увеличение имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных нести барщину или крепостных»⁴³. Характеризуя превращение отработочной ренты в ренту продуктами, К. Маркс замечал, что теперь крестьянин получает большую свободу действия и что он должен выполнять свой прибавочный труд не под прямым надзором и принуждением, а «под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственно-го принуждения». При денежной ренте, которая предпо-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

⁴³ См. там же, стр. 353, 354, 356.

лагает значительное развитие товарно-денежных отношений, рост городов и т. д., «традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение»⁴⁴. О различных ступенях порабощения феодально зависимого крестьянства говорил и Ф. Энгельс⁴⁵. В. И. Ленин также отмечал, что «формы и степень этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»⁴⁶.

Основоположники марксизма-ленинизма указывали, что крепостничество, как таковое, во многом определяется именно барщинной системой хозяйства, невозможной без прикрепления крестьян к земле, «внеэкономического принуждения». В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин в качестве основных признаков барщинного хозяйства выделяет именно прикрепление крестьян к земле, «внеэкономическое принуждение», господство «натурального хозяйства». И первые бреши в стене барщинного хозяйства неминуемо должны были означать и близкое крушение самой стены⁴⁷. К. Маркс также подчеркивал, что переход к оброчным формам обязательств крестьян по отношению к феодалу создает уже первые большие возможности в смысле приложения собственной инициативы, предпринимательских возможностей и т. д.⁴⁸

На протяжении длительного периода существования феодализма система отношений между феодалом и крестьянином не оставалась неизменной не только в странах Западной Европы, но и в России. Отрицать это — значит становиться на метафизические позиции и идти вразрез с выводами советских ученых, которые во многих работах показывали эти изменения. Однако в этих же работах приводились факты о переходе крестьянства на оброк, усиле-

⁴⁴ Там же, стр. 358, 362.

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 107.

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 185.

⁴⁷ См. там же.

⁴⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 357—

нии подвижности населения, росте товарности крестьянского хозяйства и те, что говорили об иных тенденциях, усилении барщины, дальнейшем прикреплении крестьян к земле, ограничении крестьянской торговли и т. д. Причем речь шла преимущественно о том, какие тенденции преобладали. Изучение этих противоречивых тенденций порождало споры, особенно острые там, где речь шла о переходном периоде в русской истории — XVII столетии. Как примирить существование этих тенденций? И возможно ли это?

Нам представляется, что сам этот вопрос является неправильным. Наличие тенденций, о которых шла речь, — назовем их для краткости «крепостническими» и «антикрепостническими» — отражало само противоречие социально-экономической жизни русской деревни того периода. И те и другие действовали в тогдашней России, являя собой живую диалектику социально-экономической жизни страны. «Крепостнические» тенденции существовали там и тогда, где и когда они приводили к барщинному хозяйству, ведущему в свою очередь к усилению «внеэкономического принуждения», закрепощению и т. д. «Антикрепостнические» — наличествовали тогда и там, когда и где имелись черты, нарушающие признаки барщинного хозяйства и в первую очередь ослаблявшие личную зависимость крестьянина от феодала, что предопределяло для крестьянства расширение возможностей, способствующих утверждению стремлений собственно крестьянского хозяйства.

Естественно встает вопрос: к каким объективно-историческим результатам вели эти «антикрепостнические» тенденции, что они утверждали и что отрицали?

Нам представляется, что русское «антикрепостничество» во всех областях социально-экономической жизни способствовало созданию почвы для развития буржуазных отношений, именно почвы, а не самих буржуазных отношений. Эти тенденции не являлись сами по себе отрицанием феодализма. Они развивались в рамках феодальных отношений, но они отрицали наиболее варварские, наиболее примитивные стороны этих отношений, тем самым прокладывая дорогу для грядущего капитализма. Как всякое новое растение питается поначалу соками того зерна, которое оно впоследствии, разрушая, отрицает, так и буржуазные отношения в России, в том числе и в сельском хозяйстве, не могли не зародиться в рамках тех возможно-

стей, которые создавал для них феодализм. И пока эти возможности создавались, феодализм развивался по восходящей линии. Но едва эти возможности исчерпывались, как наступал кризис феодального хозяйства, начиналось движение по нисходящей, ведущее либо к перерождению в будущем феодального хозяйства в капиталистическое, либо к его тяжелому кризисному состоянию в течение долгих лет, и потом к падению⁴⁹. А если так, то уже в XVII в., т. е. тогда, когда «антикрепостнические» тенденции в связи с развитием товарно-денежных отношений приходили в особенно острое столкновение с «крепостническими» тенденциями в силу того, что в изменившейся обстановке различные хозяйства (и феодалов и крестьян) каждый по-своему нащупывали выгодность тех или иных отношений между собой, мы должны видеть зарождение основы будущих буржуазных отношений и последующего генезиса капитализма.

Автор хорошо отдает себе отчет в том, что подобная трактовка «антикрепостнических» тенденций близка точке зрения Н. В. Устюгова, Е. И. Индовой, А. А. Преображенского, Ю. А. Тихонова, высказанной ими в дискуссии по вопросам расслоения крестьянства⁵⁰ и состоящей в том, что буржуазное расслоение крестьянства зарождается не в конце XVIII—XIX вв., а значительно раньше — в XVII—начале XVIII в. Не беру на себя смелость судить о том, насколько «буржуазным» было это расслоение в XVII в., считаю, что «антикрепостнические» тенденции, создавая для крестьянства более благоприятные возможности в сфере торговли, отходничества, найма, арендной деятельности и т. д., несомненно способствовали этому расслоению уже с XVII в., т. е. со времени, когда они приобрели большую силу. Здесь же мы пользуемся случаем отметить, что историки, которые отрицают наличие «буржуазного» расслоения крестьянства или даже создание основы для этого расслоения, в основном при характеристике процессов,

⁴⁹ Прекрасный образец этого процесса показала Е. И. Индова на примере Дворцового хозяйства (Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964).

⁵⁰ См. материалы дискуссии, в которых наиболее ярко были выражены спорные точки зрения: Н. В. Устюгов. Указ. соч.; Е. И. Индова. А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв.— «История СССР», 1962, № 3; В. К. Яценуки и др. Указ. соч.

свойственных XVII в., оперируют понятиями, привычными для более позднего времени. В. К. Ядунский, например, имея в виду XVII—XVIII вв., говорит о «дореформенной» России и полагает, что в этой «дореформенной» России не могло происходить «буржуазное» расслоение крестьянства. Не вдаваясь опять же в подробности дискуссии о степени «буржуазности» спорных явлений, отметим, что понятие «дореформенная Россия» В. И. Ленин обычно относит лишь к десятилетиям, близким к 1861 г., но никак не к XVII или XVIII вв. В этом смещении понятий, на наш взгляд, и состоит одно из решающих заблуждений тех, кто стоит на позициях «более позднего» времени генезиса капитализма в сельском хозяйстве России⁵¹. Небезынтересно заметить, что все без исключения исследователи, занимающиеся социально-экономической историей России XVI — начала XVIII в., едины в своем суждении об отнесении периода генезиса капитализма к XVII— началу XVIII в. (Д. П. Маковский даже к XVI в.), а ведь за этими исследователями «стоит» огромный фактический материал.

Но констатируя эту общность взглядов с группой историков, автор подчеркивает, что и эти исследователи, говоря о «буржуазных» явлениях в жизни русской деревни XVII в., видят в то же время лишь «крепостнические» тенденции и считают, что они единственные и характерные для этой жизни. При этом забывается, что те явления, которые так привлекают этих исследователей, рождались не на этой «крепостнической», «барщинной» основе, а на базе «антикрепостничества» во всех его проявлениях. В своей более поздней интересной работе Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, на наш взгляд, более правильно подходят к проблеме, считая, что повседневная «будничная» борьба крестьянства за лучшие возможности для развития собственного хозяйства (то есть борьба за свободное развитие «антикрепостнических» тенденций) способствовала буржуазному развитию России⁵².

⁵¹ Об этом же справедливо, по нашему мнению, пишет и Д. П. Маковский (Д. П. Маковский. Указ. соч., изд. 2, стр. 16).

⁵² Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России XVII—XVIII вв.— «Вопросы истории», 1964, № 12.

В нашей исторической литературе, как уже отмечалось, преимущественное внимание уделялось в основном тенденциям «крепостническим», приводившим к крепостному состоянию крестьянства, и значительно меньше — «оборочным обязательствам», «сословной неполноправности», «договорному отношению» и другим формам феодальной зависимости, которые, соответствуя сложившимся хозяйственным условиям данного периода, выходили за рамки устоявшихся представлений о крепостничестве, усилении эксплуатации и т. д. Более того, как правильно замечает Д. П. Маковский, «многие историки основные черты барщинного хозяйства переносили на все виды хозяйства феодальной эпохи и главное ударение делали на первой черте — „господство натурального хозяйства“»⁵³. Этот метафизический подход к делу лишь способствовал тому, что любые «крепостнические» тенденции по существу становились абсолютными, а усиление эксплуатации на протяжении нескольких веков подряд — неукоснительно и утомительно постоянным.

Нельзя думать, что подобный диалектический подход не обязателен для сферы права, которое не только определялось экономическими отношениями данного общества, но и несло на себе печать присущих ему противоречий. Принять букву закона за содержание жизни — значит оказаться по существу на метафизических позициях. К. Маркс писал о бессилии юридических норм, подкрепленных силой власти, остановить процессы, происходящие в экономике. «Чтобы экспроприировать земледельцев, — отмечал он, — нет необходимости изгнать их с их земель... Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям!»⁵⁴. И еще: «Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счете только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают свое дело по-разному — хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие... но в конечном итоге должны следовать за этим развитием»⁵⁵. Эти положения ясно определяют,

⁵³ Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 208.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 408.

⁵⁵ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1947, стр. 133.

во-первых, место законодательства в системе производственных отношений, указывая, что жизнь не всегда идет так, как направляет ее закон, а иногда даже и преодолевает действие закона, несмотря на все старания тех, кто вызвал его к жизни. Во-вторых, из этого следует, что любая политика, направленная на преодоление «экономической необходимости», обречена на неудачу, если не формально, то по существу, на практике.

Задача книги заключается не только в том, чтобы на материалах одного из крупных вотчинных хозяйств XVII в. — патриаршей вотчины поставить эти вопросы, но и на основе конкретного материала дать их посильное решение.

1. Источники

В книге использованы материалы фондов патриаршего землевладения и хозяйства (Дворцовый и Казенный приказы), сосредоточенные в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, фонды 235, 236), а также материалы патриарших Дворцового и Казенного приказов, хранящиеся в Государственном историческом музее (ГИМ, Синодальные списки) и в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ, ф. Беяева, № 1620, 1621).

Что касается фондов патриарших Дворцового и Казенного приказов¹, хранящихся в ЦГАДА, то они давно уже привлекли внимание исследователей. Документы патриаршего Дворцового приказа, вернее, только приходо-расходные книги, кратко охарактеризовал в своей работе, написанной с позиций историко-юридической школы, М. Горчаков², используя как иллюстративный материал некоторые сведения из этих книг. Архивист И. Шимко сделал попытку составить обзор лишь тех документов Казенного приказа³, которые содержат данные по истории русской церкви. Исследуемый вопрос затрагивался также в короткой справке, включенной в «Памятную

¹ Существовал еще патриарший Разрядный приказ, заведовавший общепархиальными делами патриаршей церковной области. Патриарший Дворцовый приказ следует отличать от приказа Большого дворца, заведовавшего царским хозяйством.

² М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святейшего Синода. СПб., 1871.

³ И. Шимко. Патриарший Казенный приказ.— «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кп. 9. М., 1895.

книжку Московского архива Министерства юстиции»⁴, где сделана поверхностная попытка классифицировать документы, входящие в фонды патриарших приказов. Однако до сих пор богатейшие фонды двух патриарших приказов, включающие тысячи единиц хранения и дающие большой и интересный материал по истории развития производительных сил и производственных отношений преимущественно в сельском хозяйстве XVII в. и первой трети XVIII в., должным образом не исследованы и не описаны.

Ведомства, оставившие колоссальную документацию, возникли в первой четверти XVII в. А более точно, как о том позволяют судить ранние документы этих фондов,— Дворцовый приказ появился между 1606—1610 гг., Казенный — в 1619—1620 гг. Появление этих ведомств было вызвано не только стремлением патриархов — ц прежде всего Филарета — к организации своего двора и управления хозяйственными и церковными делами в духе светской правительственной власти, но и главным образом усложнением управления патриаршей церковной областью, захватывающей крупные города и уезды Русского государства и заметно расширившейся в XVII в., увеличением и усложнением состава самого патриаршего двора и, конечно, ростом земельных владений, развитием хозяйства патриаршей вотчины в условиях складывающегося всероссийского рынка.

Патриаршие приказы просуществовали до 1700 г., когда с отменой патриаршества и подчинением их Монастырскому приказу функции приказов и документация значительно изменились. Эти перемены стали ощущаться еще больше, когда бывшими патриаршими владениями начал заниматься Синод. Поэтому наше внимание привлекли документы, охватывающие период с начала XVII в. до 1700 г.

Из делопроизводства приказов прежде всего необходимо выделить наиболее многочисленную и интересную группу документов, которую мы условно будем называть *приходо-расходные книги*, условно потому, что тематика этих книг выходит далеко за рамки прихода и расхода, но именно приходо-расходные статьи в этих книгах яв-

⁴ «Памятная книжка Московского архива Министерства юстиции». М., 1890, гл. IV, разд. 1 и 2.

ляются ведущими. Все приходо-расходные книги в фондах обоих приказов можно разделить в соответствии с их содержанием на следующие основные виды: 1) окладные денежные книги; 2) приходо-расходные денежные книги неокладных сборов; 3) приходо-расходные продуктовые книги; 4) иосевые и ужинно-умолотные книги; 5) записные книги; 6) описи; 7) расходные книги.

Окладные книги Казенного приказа (ф. 235, оп. 2) охватывают период с 1628 по 1700 г. и делятся на две основные категории: книги окладные сбора церковных денег в пользу патриаршей кафедры и оброчные книги сбора денег с данных на оброк различным лицам и организациям церковных пустых земель.

Первые представляют собой документы, в которых записаны все виды доходов патриаршей кафедры как организации церковной. Каждая из таких книг служила для регистрации оклада церковных денег с отдельных районов патриаршей церковной области и поступлений этих денег в Казенный приказ от патриаршей церковной администрации в сопровождении отписок с мест.

Кроме данных чисто церковного характера книги содержат много интересных сведений о развитии хозяйства крупной феодальной вотчины XVII в.

Оклад обычно производился с учетом экономического состояния прихода, количества и качества земель черных, поместных, вотчинных, монастырских, церковных и дворянских, с городов, посадов, слобод. Книги чутко реагируют на случаи запустения приходов или, напротив, развития их и являются, таким образом, прекрасным индикатором хозяйственных изменений, подъемов и спадов в экономической истории XVII в. в отдельных районах Русского государства.

Большое место в окладных книгах отведено приходным статьям. Это в первую очередь запись оброков с крупных владений патриаршей вотчины: озера Селигер, отдаваемого на оброк жителям Остапковской слободы, патриарших мельниц, с рыбных промыслов близ Астрахани. Из книги в книгу и в доимке, и в окладе идут записи об этих оброчных статьях, показывающие методы ведения хозяйства в патриарших владениях. Таким же образом вкраплены в книги сведения о поступлении оброков, денежных и натуральных, из различных мест патриаршей вотчины, данные о займах, выданных из Казенного при-

каза и из патриарших сел, с точным указанием суммы долга, лица, взявшего деньги взаймы, и характера использования займа. Среди должников, берущих заем и в натуральной и в денежной форме, часто упоминаются патриаршие крестьяне. Особо выделены статьи о поступлении денег от продажи продукции, получаемой в патриаршей вотчине.

В оброчных книгах записывались поступления денег за пользование пустыми церковными землями, сданными на оброк разным лицам и организациям.

Пустые церковные земли сдавались на оброк различным лицам. Поступающие оброки записывались погодно и потерриториально в книги приказа. В результате в архиве приказа возник новый вид окладных оброчных книг. Все они точно датированы — как составленные за один год, так и за ряд лет — и распадаются на два основных раздела: статьи недоимок с оброчных земель, статьи денежного оклада с этих земель. Повторяющиеся из года в год, те и другие становятся формулярами. Все они строятся по следующей схеме: наименование участка церковной земли и его хозяйственная характеристика (пустошь, лес, сенокос, пашня); поименование лица, взявшего на оброк данный участок; указание суммы оброка (за данный год или долга за ряд лет, если это статья недоимки); сведения об уплате оброка (указана денежная сумма и названо лицо, заплатившее оброк).

Оброчные недоимочные и окладные статьи с пустых церковных земель важны для изучения социально-экономических процессов, происходивших в русской деревне. Они помогают понять характер оброчных отношений в рамках крупной феодальной вотчины, а так как среди держателей было много крестьян, в том числе и патриарших, то они дают основание судить о характере и масштабах арендной деятельности крестьянства в XVII в., о его экономическом положении, имущественной дифференциации.

Весь этот круг вопросов освещается постольку, поскольку документы четко фиксируют условия и сроки «аренды», показывают историю той или иной «аренды» на протяжении ряда лет, вскрывают цели «аренды», освещают участие населения отдельных сел и деревень в освоении пустых церковных земель, что, несомненно, характеризует хозяйство этих районов в целом. Ценность ма-

териала заключается еще и в том, что он содержит не случайные отрывочные сведения, а представляет собой серию документов, позволяющих проследить некоторые хозяйственные процессы за многие годы, подметить динамику хозяйства как барского, так и крестьянского.

Оброчные книги позволяют сделать некоторые наблюдения о стремлении патриаршей кафедры в новых исторических условиях продолжать прежнюю политику увеличения земельной собственности, но не прямым, как раньше, а окольным путем — за счет овладения пустыми церковными землями, превращая их в свою феодальную собственность.

Кроме того, в оборочных книгах эпизодически встречаются дополнительные статьи об оброках с патриарших крестьян, бобылей, слобожан, с патриарших мельниц. Здесь мы можем почерпнуть ценный материал о развитии феодальной ренты в патриарших владениях, о борьбе крестьян за определенные формы этой ренты.

Окладные книги Дворцового приказа (1615/1616 г.— 1700 г.) имеют несколько иной характер. Они богаче данными по социально-экономической истории русской деревни XVII в. Здесь нет церковных наслоений, свойственных документации Казенного приказа. Среди окладных книг Дворцового приказа выделяется группа документов, где записан приход денежных окладных доходов с различных владений патриаршей вотчины (особенно часто — денежного оброка, уплачиваемого крестьянами вотчины своей феодальной организации). Эти книги составлялись на основании данных переписей, в том числе 1646 — 1648 гг. и 1678/1679 г., и представляли собой формуляры, где указывалось количество дворов или количество вытей того или иного владения вотчины, мельниц, сдаваемых на оброк различным лицам, определялись торговые статьи и другие виды доходов, подлежащих денежному обложению в пользу кафедры. Далее указывалась сумма денежного оброка, который должен был быть уплачен, и сведения о его уплате (как правило, это более поздние приписки на пустых частях листа) с поименованием лица, уплатившего денежную сумму. В основном эти книги велись погодно и делились также на две части: записи недоимок по окладным сборам за прошлые годы и записи оклада за текущий год со сведениями о его уплате.

Изучение записей поступления оброчных денег с разных частей вотчины позволяет детально проследить развитие денежной феодальной ренты в разных районах вотчины; записи оброков с различных статей дохода дают представление о занятиях крестьянского, слободского и городского населения, входившего в состав вотчины патриархов. Поскольку в книгах имеются записи оброчных денег, берущихся с «дворовых мест» в московских патриарших слободах, постольку мы узнаем о хозяйстве слобожан, управлении слободами, повинностях слободского населения; в них есть сведения о категориях наемных людей в этих слободах, а также записи, из которых явствует, откуда пришел тот или иной житель слободы в Москву, что дает возможность частично проследить процесс формирования городского населения XVII в. Записи об уплате оброков с патриарших мельниц, которые часто сдавались во временное оброчное пользование как патриаршим крестьянам, так и «сторонним» людям, указывают на развитие мельничного дела, дифференциацию крестьян, из числа которых выделяются более зажиточные, «арендующие» мельницы, методы ведения крупного феодального хозяйства в целом и его отношения с оброчными крестьянами.

Книги фиксируют многочисленные повинности феодально зависимого населения, в том числе подводную, обязанность общины поставлять крестьян в различные районы вотчины для производства тех или иных работ, требующих дополнительной рабочей силы.

Составной частью книг являются статьи сбора таможенных пошлин с торгов в различных районах вотчины, говорящие о развитии товарно-денежных отношений в феодальном хозяйстве.

Особый интерес представляют часто вкрапленные в книги записи о долгах крестьян патриаршей кафедре, среди которых встречаются задолженные «окупные деньги», т. е. деньги, которые кафедра заплатила за крестьянина другому феодалу, чтобы вывести крестьянина вместе с семьей в свою вотчину и посадить на хозяйство.

Многие окладные книги Дворцового приказа не освещают эти вопросы во всем их многообразии, другие — содержат преимущественно какие-либо отдельные статьи. В книге 25 (1692/1693 г.) достаточно полно по сравнению с остальными представлены статьи так называемых «окуп-

ных» долгов, а также имеются записи уплаты оброчных денег за пользование крестьянами патриаршими землями и покосами и длинные списки крестьян-должников. В книгу 36 (1693 — 1696 гг.) кроме перечисленных статей включены сведения о наличии хлеба в патриарших житницах в Москве и некоторые записи размеров посева, ужина и умолота в некоторых владениях патриаршей кафедры. Книга 32 (1676/1677 г.) включает расходные статьи по хозяйству вотчины, главным образом это записи мелким розничным покупкам. Отдельно необходимо сказать о книгах 60 (1691—1695 гг.) и 58 (1690-е гг.). Первая из них является приходной, где записаны поступления пошлинных денег и уплачиваемых крестьянами оброка и подымного сбора. Это интересный материал о крестьянском хозяйстве, о распространении откупной системы среди части богатых крестьян. С другой стороны, среди записей имеется много долговых статей. Вторая книга состоит из двух частей: в первой части содержатся записи об окладе крестьянского населения вотчины подымными деньгами; вторая часть ее — по существу записная книга явочных пошлин с различных документов (памятей, челобитий, указов, грамот) с кратким изложением их содержания. Документы дают интересный материал об отношениях между крестьянами и администрацией патриаршей вотчины, выражающей интересы феодальной организации, о классовой борьбе крестьянства.

Особо следует охарактеризовать книгу 62 (1691 — 1697 гг.), содержащую записи поступления оброчных платежей с патриарших крестьян и бобылей, с крестьянских и бобыльских «детей», живущих в Москве. При изучении этих записей возникает самый разнообразный круг вопросов и прежде всего вопросов отходничества, выявляются причины ухода и состав крестьян, уходящих в Москву, их материальное положение как на новом, так и на старом месте.

Следующим характерным для фондов приказов видом книг являются книги прихода-расходных денежных неокладных сборов. По содержанию все они больше относятся к документам Дворцового ведомства. Нахождение некоторых из них в фонде Казенного приказа объясняется тем, что доходы с неокладных сборов и расходование этих средств шли по линии Казенного приказа. В приходных книгах неокладных сборов нет цельных,

объединенных хронологически, территориально и по содержанию документов. Зато налицо многообразные статьи самого различного рода. Вот основные из них: записи о сборах так называемых «помольных» денег с патриарших мельниц, сведения о «заемных» деньгах, выданных различным лицам, среди которых много патриарших крестьян; приходные статьи от продажи продуктов сельского хозяйства, получаемых в патриаршей вотчине, и, наконец, записи сборов оброков с некоторых патриарших владений. Таким образом, развитие производительных сил в сельском хозяйстве, положение и пути развития крестьянского хозяйства в связи с заемными операциями, уплатой налогов и феодальной ренты кафедре, вопросы товарности барского и крестьянского хозяйства, отношения феодальной организации и феодально зависимых крестьян — все это находит отражение в указанных статьях. Есть здесь и расходные статьи: записи денежных расходов за различные хозяйственные покупки, которые делались патриаршей администрацией у «купцов», «промышленников», ремесленников — как у «сторонних» людей, так и у своих крестьян.

К приходу-расходным денежным неокладным книгам Дворцового приказа относятся две книги — № 24 (1670 — 1679 гг.) и № 52 (80-е годы), касающиеся хозяйства патриаршей Осташковской слободы, с которой кафедра, потеряв право собирать дворовые сборы после отписки слободы к Осташковскому посаду, сохранила право таможенного сбора. Записи пошлинных сборов интересны тем, что в них указывается: какой товар становится объектом купли-продажи, кто является продавцом и покупателем, откуда появились в Осташкове эти люди, где взят товар, какова форма его продажи.

Приходу-расходные продуктовые книги занимают большое место в фондах Дворцового приказа, так как это ведомство занималось главным образом домовым хозяйством. Что касается Казенного приказа, то туда документы подобного рода попали, по-видимому, случайно; это книга 48 (1657 — 1668 гг.). В фондах Дворцового приказа такими книгами являются 22, 29, 31, 47, 49, 79, 86, охватывающие в общей сложности период с 1669 г. до конца века. Вместе с книгой 48 Казенного приказа они составляют неразрывную хронологическую цепь подобной документации,

Книги создавались на основании отписок или устных докладов с мест, т. е. из домовых сел, деревень и монастырей, о присылке в Москву в патриаршие житницы домового и оброчного «хлеба». В «домовой хлеб» входили продукты земледельческого хозяйства, получаемые с патриаршей десятинной пашни; в оброчный — продукция земледельческого хозяйства патриарших крестьян, поступавшая в виде натурального оброка в Москву, и домовых монастырей, являющаяся по сути дела также натуральным оброком с крестьян или получаемая трудом феодально зависимого населения с монастырских пашен. Сведения о «хлебе» как «домовом», так и «оброчном» записывались в приходные книги по мере поступления по числам, месяцам, годам.

Записи о поступлении «хлеба» и «хлебного запаса» на протяжении ряда лет стереотипны и приобретают вид следующего формуляра:

- 1) время привоза «хлеба» в Москву;
- 2) наименование места, откуда поступил «хлеб»;
- 3) сведения о виде продукции (рожь, овес, мука, сухари, крупа) и его качестве;
- 4) обозначение лица, сопровождающего «запас» в Москву;
- 5) сведения о том, кто принимал «хлеб» в Москве.

Учитывая разнообразный материал, содержащийся в приходо-расходных книгах, можно попытаться ответить на вопрос о соотношении элементов натурального хозяйства и товарно-денежного в пределах крупной феодальной вотчины XVII в. Книги позволяют на протяжении нескольких десятков лет проследить масштабы, характер, основную направленность земледельческого хозяйства отдельных частей вотчины, выявить их взаимоотношения с хозяйственным центром вотчины — Москвой и между собой, лучше понять положение феодально зависимого населения вотчины, которое возвращало, перерабатывало и доставляло в Москву сотни и тысячи четвертей хлеба.

Интересны и расходные статьи книг. Они характеризуют заботу о заселении вотчины, поскольку в них часто упоминаются сведения о «хлебе», данном новоселебным крестьянам «на завод». При этом указывается, откуда пришли крестьяне, в каком количестве, кто именно, сколько им дано хлеба, для каких целей. Любопытны и отдель-

ные статьи, вроде записей о взятом из долгов у крестьянина «хлебе», о продаже и покупке хлеба.

Особо следует выделить в фондах обоих приказов книги, характеризующие в значительной мере земледельческое хозяйство вотчины, — посевные, ужино-умолотные, включающие также статьи приходные и расходные хлебные.

Во многих крупных селах вотчины велось собственное домовое хозяйство; там имелась десятинная пашня, сенокосы, скотные и конюшенные дворы, житницы. Ежегодно из сел от патриаршей администрации поступали в Дворцовый приказ списки, в которых указывалось, сколько, где и чем засеяно домовой пашни, каковы виды на урожай, а позднее, каков этот урожай и сколько предполагается вымолотить или уже вымолочено зерна, а также каким образом оно израсходовано и каков остаток. Эти списки поступали по мере производимых работ, и московские управители всегда были в курсе хозяйственных дел вотчины. В Москве списки изучались и копировались в общие книги за один год или несколько лет.

Записи в книгах датированы погодно, ежемесячно и даже подневно.

В фондах Казенного приказа хранится лишь одна такая книга — 61 (1666—1680 гг.). Все другие книги подобного рода находятся в фонде Дворцового приказа. Наиболее полными являются книги 15, 50, 51, 61.

Расположение материалов в книгах следующее: вначале идут общие сведения о приходе и остатке хлеба на патриаршем дворе в Москве, о наличии хлеба и «хлебного запаса» в сельских житницах; затем следуют сведения о размерах помолы зерна в четвертях из урожая прошлых лет и данные о посеве, ужине, обмолоте хлеба нового урожая, а также расходе хлеба за текущий год; в конце даются общие итоги прихода и расхода хлеба. Все эти данные хорошо систематизированы. В общей сложности они охватывают период 50—70-х годов XVII в. Кроме того, книги включают записи оброчных хлебных крестьянских платежей отдельных сел и деревень вотчины и сведения о случаях покупки и продажи хлеба в пределах вотчины.

Материалы ужино-умолотных книг дают возможность судить об общих размерах и характере земледельческого хозяйства феодальной вотчины как в целом, так и в отдельных ее частях, о количестве и качестве получаемой там

продукции, повествуют об истории развития отдельных земледельческих культур, их урожайности в различных частях Русского государства, о системах земледелия, о формах эксплуатации крестьян и на десятинной патриаршей пашне в виде барщины, и в виде взимания с них оброчных натуральных платежей. Статьи о хлебе, «выбранном из займа», указывают на многие стороны хозяйственной жизни и положения крестьянства в пределах крупной феодальной вотчины и на хозяйственную политику патриаршей кафедры.

Особенно интересными представляются сведения о расходе хлеба, в которых упоминается по всем владениям, с кем расплачивались хлебом и за какие работы представители патриаршей администрации. Здесь мы видим «работников», «служебников», «работных людей», «дворников», «конюхов», т. е. различные категории трудящегося населения феодальной вотчины. Анализ их хозяйственного и материального положения позволяет частично разобраться в сложной и запутанной терминологии, обозначающей феодально зависимое население крупной церковной вотчины второй половины XVII в., и сделать некоторые выводы о характере и масштабах применения наемного труда в земледелии в этот период.

К числу записных книг в фонде Казенного приказа относится книга 84 (1671 — 1688 гг.). Это записная книга писем, отписок, грамот, наказов из Казенного приказа к администрации патриарших рыбных и соляных промыслов в Астрахань и Нижний Новгород «насадным промышленникам», которые являлись промежуточным административно-хозяйственным звеном между Москвой и Астраханью и в то же время сами заведовали крупным хозяйством, связанным с патриаршими ловлями по всей Волге.

Вместе с тем в книге представлены записи отписок с мест. Вся эта переписка сгруппирована погодно, охватывает длительный период и позволяет судить о территориальном размещении, организации и размерах рыбных, соляных, насадных промыслов и их продукции, о технике промыслов. Записи проливают свет на вопрос о рабочих кадрах на вотчинных промыслах, на проблему торговли на Волжском пути и за его пределами, раскрывая отдельные стороны складывающегося всероссийского рынка. Книга в хорошем состоянии. Все записи в ней точно датированы.

Шесть записных книг имеются в фонде Дворцового приказа⁵. Книги 26 и 40 носят несколько иной характер, чем книга 84, посвящены главным образом отношениям, с одной стороны, между феодально зависимым населением вотчины и вотчинной администрацией и самой кафедрой, с другой — между патриаршей вотчиной в целом и правительственной властью. Все эти вопросы выявлены в коротких записях содержания крестьянских челобитных, челобитий и донесений патриаршей администрации, указов, памятей и грамот московских патриархов относительно нового хозяйства, а также царских указов. Все они записывались в книгу по мере их прохождения через приказную канцелярию.

В книге 40 этим записям предшествует весьма пространная справка о количестве дворов патриаршей вотчины на 1678/1679 г. и о том, какие владения кафедры отписаны «на царя», «к посаду», а какие, напротив, перешли «в дом», т. е. к патриаршей кафедре. Движение феодальной земельной собственности во второй половине XVII в. и политика правительственной власти, направляющей это движение, проявлены здесь весьма ярко. Вторая часть книги 40, как и основная масса материала книги 26, посвящена разнообразным вопросам жизни феодальной вотчины.

Крестьянские челобитные говорят о борьбе крестьян за землю в первую очередь с соседями-помещиками, они же содержат доносы на односельчан, ведущих «подозрительный» образ жизни, просят ослабить разнообразные повинности, говорят о безобразиях, насилиях и взяточничестве патриаршей администрации. В них также часто содержатся просьбы о выходе жить из села или деревни «на Москву», «кормиться работой своей» с условием уплаты оброка кафедре. Часто встречаются записи челобитных новоселебных крестьян, берущих на оброк какую-либо статью дохода в пределах вотчины: пашню, мельницу и пр.

Иные настроения, иные факты проглядывают со страниц записей документов, вышедших из-под пера деятелей патриаршей администрации. В челобитных представителей патриаршей администрации на местах звучат бесконечные жалобы на «бунтовство», «огурство» крестьян, на их бег-

⁵ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, книги 14 (1657—1658 гг.), 16 (1658—1669 гг.), 26 (1665—1675 гг.), 40 (1678—1682 гг.), 80 (1696—1714 гг.), 104 (1700—1701 гг.).

ство. Из патриаршей канцелярии в ответ направляются указы и грамоты с грозными предупреждениями о наказании крестьян, если они будут «чинитца непослушны», или с приказом «бунтовщиков» бить плетью, заковывать в кандалы, высылать «с поруками» в Москву на следствие и т. д. При этом можно видеть, какие причины поднимают крестьян на «огурство», — это в первую очередь многочисленные повинности, в частности уплата тяжелого «стрелецкого хлеба».

Книга 14 представляет собой опись дел Дворцового приказа с 1651/1652 г. по 1657/1658 г., т. е. за период патриаршества Никона; она составлена по указу царя Алексея Михайловича после оставления Никоном патриаршества и посвящена описи как дел, поступающих в Дворцовый приказ из других общегосударственных приказов, так и описи «домовых» дел. Среди тех и других — уголовные дела, записи споров патриарших крестьян с соседями-помещиками по земельным вопросам, с посадскими людьми, сыски по заемным кабалам, где патриаршие крестьяне и дворяне являлись то ответчиками, то истцами, записи челобитий; подавляющая часть материала — духовного содержания.

Книга 16 представляет собой запись пошлин, взятых администрацией Дворцового приказа с различных документов: судебных дел, челобитий, памятей и пр. Книга дает богатый материал по изучению положения феодально зависимого населения вотчины и его классовой антифеодальной борьбы.

Книга 104 посвящена записи различных документов, к которым то или иное отношение имели патриаршее феодально зависимое население или феодально-административная верхушка вотчины. Здесь записи заемных кабал, купчих, в том числе крестьянских на дворы, тяглые участки, которые переходили из рук в руки. При этом встают различные вопросы отношения крестьян к феодальной земельной собственности. Среди записей — различные порядные документы о найме на работу, об отдаче детей в ученичество, о взятии на оброк мельниц, различные акты на крестьян и их имущество со стороны патриарших дворян и детей боярских, жилые записи.

Таким образом, материалы позволяют получить ряд сведений о социально-экономических отношениях в рамках вотчины.

Описи представляют едва ли не самый интересный вид материалов Патриарших приказов. Нужно различать описи церковной казны и церковного имущества, которые для нас не представляют интереса, и описи хозяйственных владений патриаршей вотчины⁶. Почти все они охватывают период 1687—1694 гг.

Описи домового имущества делались не часто и в основном при изменении норм налогового обложения и повинностей крестьян (книга 48—1694 г., книга 53—1687/1688 г.). в связи с переходом какого-либо владения в состав домового хозяйства (книга 54—1687 г.).

В 1694 г. (книга 48) были описаны две трети Карашской волости (Ростовский уезд), принадлежащей патриарху. Описание было проведено патриаршей администрацией и преследовало цель — уточнить количество тяглых единиц и соответственно оброчные, пошлинные, подымные платежи.

Результаты описания были занесены в книгу. Получился интересный документ, где подробно записаны: количество мужчин во дворах, количество «вытной крошки», приходящейся на двор, нормы налогов и платежей, падающих на данную тяглую единицу. Перед нами раскрывается картина крестьянского хозяйства второй половины XVII в. Привлекают внимание и сведения о количестве дворов в селах и деревнях Карашской волости. Если сравнить эти записи с более ранними — от 1646 г. и 1678 г., то можно сделать некоторые выводы о развитии русской деревни в XVII в.

В 1687/1688 г. было проведено описание земель патриарших владений во Владимирском и Юрьевском уездах (книга 53). При этом перечислено количество десятин яровой и озимой пашни как домового, так и крестьянской, указаны новые нормы барщины и иных крестьянских повинностей и платежей. Все эти данные позволяют судить о хозяйственных тенденциях барского и крестьянского хозяйства в конце XVII в.

В 80-е годы взамен отписанных у кафедры «на царя» земель «в дом» были даны Кузин и Боголюбов монастыри во Владимирском уезде. В них немедленно были описаны

⁶ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, книги 18, 32, 33, 34, 38, 40, 45, 46, 48, 53, 54, 62, 64.

церковное имущество (книга 54—1687 г.), постройки церковные и хозяйственные, казна. В описании были поименованы все имеющиеся в монастыре грамоты. Описанию подлежали также дворы, земли крестьянские и монастырские, крестьянские повинности в пользу монастыря. Книга 33 посвящена такому же описанию владений Сновидского монастыря.

Расходные книги приказов весьма существенно отличаются от книг, включающих статьи и прихода и расхода. Книги Казенного приказа (их несколько десятков) посвящены записям расходов как по церковному ведомству, так и по хозяйству домовых вотчин. Эти записи заносились в книгу на основе многочисленных памятных тетрадей, отписок с мест в течение всего года. Иногда книги переплетались и тогда охватывали хронологически два-три года.

Книги разделены на отдельные главы (их в каждой книге до двадцати). Каждая глава содержит записи расходов по какой-либо одной статье. Основное количество записей посвящено расходам по церковному ведомству и не представляет большого интереса, хотя и дает некоторый материал о торговых связях патриаршего двора с московским рынком, с ремесленниками (серебряниками, каменщиками, иконописцами и др.). Другое дело — статьи записи расхода на жалованье. В числе получающих жалованье упоминаются представители не только церковной, но и вотчинной администрации как в центре, так и на местах. Благодаря этому довольно полно представлена система управления крупным феодальным хозяйством.

Наибольший интерес представляют главы, посвященные записям так называемых приказных расходов, а также денег, выданных патриаршим детям боярским, выполняющим какие-либо хозяйственные поручения кафедры.

В приказные расходы включались самые разнообразные платежи. Наиболее часто встречаются записи расхода денег, выданных займам крестьянам «по кабалам и бескабально» на хозяйственные нужды. При этом указывается лицо, берущее деньги в долг, цель займа, его сумма и условия. В приказные расходы включаются многочисленные платежи из Казенного приказа различного рода наемным людям со стороны, работающим в пределах вотчины, или своим крестьянам, выполняющим обязанности, не связан-

ные с их фиксированными повинностями. Здесь можно наблюдать любопытное явление: в денежной форме оплачиваются те трудовые процессы, которые раньше были наиболее тяжелыми для крестьян повинностями (подводная, барщина) и которые они со временем выкупили с тем, чтобы, если и исполнять их, то за плату и по доброй воле. Патриаршая кафедра была рачительным хозяином, она ясно понимала обоюдную выгоду подобных отношений и шла на такие соглашения со своими крестьянами. Особенно полно это явление раскрывается в расходных статьях выплаты денег патриаршим детям боярским — управляющим патриаршими вотчинами или агентам по разовым хозяйственным поручениям. Им довольно часто выдаются значительные суммы денег для расплаты с наемными людьми со стороны или из числа патриарших крестьян для оплаты молотбы, жнитва, покоса, повоза, расчистки леса под пашню, пахоты и пр. Эти статьи позволяют проследить некоторые черты генезиса наемного труда в сельском хозяйстве XVII в.

Статьи расхода на дворовое строение в Москве и в селах, на «животинную покупку», приобретение «железного запаса» показывают развитие хозяйства вотчины, ее рыночные связи и привлечение наемного труда (плотников, каменщиков, чернорабочих) со стороны. Причем указывается, из каких районов Русского государства пришли в Москву различные рабочие артели.

Расходные книги Дворцового приказа (ф. 236, оп. 5) сравнительно немногочисленны и сравнительно позднего происхождения. Наиболее ранняя из них относится к 1675/1676 г. И это не случайно, так как в течение долгого времени записи расходных статей заносились в книги Казенного приказа и не было необходимости дублировать документацию. Возможно, что в дальнейшем, по мере усложнения вотчинного хозяйства, потребовалось выделить и детализировать его расходную документацию, что и было сделано: появились расходные книги приказа.

Большинство книг по своему содержанию повторяют сюжеты книг Казенного приказа, но без церковных наслоений. Можно сказать, что основные статьи расхода, записанные в книги Дворцового приказа, — это те же «приказные расходы», однако более многочисленные и разнообразные, чем в книгах Казенного приказа, а также записи расхода на жалованье.

Другими источниками, использованными в книге, являются *копийные книги патриаршей кафедры* (ГБЛ, ф. Белева, № 1620 и 1621), детально исследованные как исторический источник Л. В. Черепниным⁷, и *Синодальные списки*, вышедшие из-под пера деятелей патриарших приказов, общую характеристику которых дала Т. Н. Протасьева⁸.

Из многообразного материала приходо-расходных книг обоих патриарших приказов в книге были использованы следующие: оброчные статьи окладных книг Дворцового приказа, содержащие сведения о денежных оброках, взимаемых с патриарших крестьян (раздел «Тенденции развития феодальной ренты»), и о различных группах крестьянства (раздел «Эволюция категорий крестьянства»), а также статьи таможенных пошлин, собираемых с тех или иных районов вотчины (эти данные помогают воссоздать картину развития товарно-денежных отношений во владениях кафедр и сопоставить это развитие с эволюцией ренты в этих же районах), статьи «окупных» денег окладных книг Дворцового приказа (раздел «Причины и источники развития вотчинного хозяйства»).

Окладные оброчные книги Казенного приказа сбора денег с «пустых» церковных земель послужили основой для разработки вопроса о крестьянской аренде XVII в. Частично в этом же плане использованы окладные книги Казенного приказа сбора церковных денег — лишь в той части, где между «церковными» материалами встречаются «светские» статьи оклада, к которым, например, относятся, денежные суммы, получаемые кафедрой со сдаваемых на оброк рыбных и соляных промыслов, или сведения о должниках патриаршей кафедры, среди которых было много как «своих», так и «чужих» крестьян.

Окладная книга № 62 использована для характеристики крестьянского отхода в рамках вотчины в конце XVII в.

Приходо-расходные продуктовые книги дали основной материал о натуральной форме ренты во владениях москов-

⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. 2. М., 1951; он же. «Предисловия» к сборникам документов «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. I. М., 1951; ч. III. М., 1961.

⁸ Т. Н. Протасьева. Столбцы Синодального собрания.— «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960.

ских патриархов, а также сведения о данном взаймы «хлебе» патриаршим крестьянам.

В книге использованы все записные книги, содержащие материал по классовой борьбе крестьянства, и описи.

Данные ужинно-умолотных книг использованы лишь в той части, где они содержат сведения о расходе хлеба «на работных людей».

Другие части упомянутой документации Казенного и Дворцового приказа использованы либо в весьма малой степени, либо не использованы совсем. К ним относятся все церковные статьи прихода и расхода в книгах всех видов, сведения ужинно-умолотных книг, касающиеся непосредственно форм и методов ведения владельческого земледельческого хозяйства, а также книга 84 Казенного приказа, содержащая богатейший материал по истории астраханских рыбных и соляных промыслов в XVII в. Эти материалы, не относящиеся непосредственно к теме книги, еще ждут своих исследователей.

2. Развитие патриаршего землевладения в XIV—XVII вв.

Могут ли данные, почерпнутые из фондов патриаршего хозяйства, претендовать на известное обобщение? Нам думается, что могут. Крупная вотчина, как правильно замечали А. А. Новосельский¹ и Л. С. Прокофьева², наиболее полно выражала социально-экономическую природу тогдашнего общества. Важность обращения к подобного рода материалам была признана и в дискуссии на страницах журнала «История СССР», где отмечалось, что «состояние изучения истории крестьянства таково, что мы пока лучше знаем черносошную и дворцовую деревню, чем частновладельческую, а Поморье, Урал и Сибирь лучше, чем центр государства»³. Патриаршая вотчина являлась одним из крупнейших и растущих хозяйств своего времени и состояла из владений самого различного типа, расположенных в 23 уездах Русского государства. Владения кафедры к концу XVII в. располагались в Московском, Владимирском, Звенигородском, Переяславском, Галичском, Двинском, Белозерском, Юрьевском, Муромском, Ростовском, Лебедянском, Костромском, Можайском, Коломенском, Суздальском, Тульском, Дмитровском, Ржевском, Нижегородском, Пошехонском, Астраханском, Елецком, Каширском уездах. Как видим, основная часть владений находилась в центре страны, в «исконных» русских уездах.

¹ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929, стр. 3.

² Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, стр. 3.

³ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв.— «История СССР», 1962, № 3, стр. 87.

Если в начале XVI в., по данным переписных книг, в пределах митрополичьей вотчины находилось 531 село и деревня, в которых насчитывалось 1825 дворов с 1818 людьми⁴, то к концу XVII в. в вотчине числилось 9000 дворов (вместе с монастырскими). Количество мужских душ в этих дворах составляло 26 889⁵. Г. Котошихин сообщал, что «за патриархами под Москвою и в городах, в селах и волостях будет крестьян больше 7000 дворов»⁶.

Представление о масштабах и темпах роста вотчины дают и иные данные. Так, согласно описаниям середины XVII в., во владениях патриархов находилось 6432 двора⁷, а к концу XVII в. числилось уже 7825 дворов⁸ (повидимому, счет ведется без монастырских дворов). Несмотря на некоторые расхождения в цифрах, совершенно очевиден рост дворов в патриаршей вотчине, который и определил увеличение масштабов хозяйства. В патриаршей вотчине, как и в других феодальных хозяйствах, отношения господства и подчинения между феодальной организацией и непосредственными производителями базировались на принадлежности земли — этого основного средства производства в феодальный период — феодальной организации и на условном владении этой землей со стороны крестьян.

При характеристике системы эксплуатации в феодальной вотчине XVII в., эволюции различных форм эксплуатации, мы должны помнить, что в основе этой эксплуатации находятся отношения людей к средствам производства. В. И. Ленин отмечал, что в феодальный период земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика, она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика⁹.

Огромные земельные владения митрополичьей, а затем патриаршей вотчины собирались на протяжении веков.

⁴ М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святейшего Синода. СПб., 1871, стр. 81.

⁵ Там же, стр. 345.

⁶ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884, стр. 162.

⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 17 об.

⁸ ГИМ, Синодальные списки, № 1435.

⁹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 183.

С начала XIV в. до нас доходят сведения о принадлежности московским митрополитам земли в различных уездах Русского государства⁹. В XIV — XVI вв. кафедра различными путями приобретала земли в Ростовском уезде (Нарашская слобода и «тянущие» к ней починки)¹⁰, в Московском уезде — земли вдоль реки Сетуни, села и деревни, перекупленные и вымененные у боярства. К концу XVI в. кафедра в Московском уезде владела уже 13 крупными селами с деревнями, пустошами, угодьями. Среди них были такие крупные владения, как села Пушкино, Троицкое-Голенищево¹¹. К этому же времени в Дмитровском уезде кафедре принадлежали 8 сел, 10 селений, 17 деревень, часть из которых была приобретена между 1495—1573 гг.¹² Крупные владения кафедра имела во Владимирском, Суздальском, Юрьевском, Нижегородском, Костромском, Белоозерском и других уездах. Таким образом, именно в XIV—XVI вв. в период ожесточенной борьбы за землю внутри класса феодалов, наступления феодалов на черные крестьянские земли закладывается фундамент земельной собственности патриаршей кафедры.

Несмотря на значительные ограничения со стороны царской власти в приобретении земель церковными организациями и настойчивые притязания на земли церкви помещиков, рост патриарших владений в XVII в. продолжается. Особенно бурно этот процесс проходил при всесильном Филарете, затем при патриархе Иоасафе и близком царю Алексею Михайловичу Никоне. В первой половине XVII в. кафедра в различных формах (царские пожалования, вклады «на помин души», покупки, обмен) приобрела земли в Московском¹³, Кашинском¹⁴, Звенигородском¹⁵, Астраханском¹⁶, Двинском¹⁷, Каширском¹⁸, Му-

⁹ См. об этом: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947, ч. II. Землевладение митрополичьего дома, § 2. Обзор владений митрополичьего дома по уездам.

¹⁰ АФЗХ, ч. I. М., 1951, № 1, стр. 23; № 9—11, стр. 28.

¹¹ Там же, № 24—31, стр. 46—49; № 33, стр. 50; № 39, стр. 54; № 42, стр. 56; № 46, стр. 60.

¹² Там же, № 72, стр. 77; № 73—77, стр. 78—81; № 82, стр. 84.

¹³ ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1620, лл. 431, 440.

¹⁴ Там же, л. 461.

¹⁵ Там же, лл. 587, 588 об., 589.

¹⁶ Там же, лл. 448, 464.

¹⁷ Там же, л. 449.

¹⁸ Там же, л. 443.

ромском¹⁹, Переяславском²⁰ уездах. Среди них с. Ярымово (Муромский уезд), ставшее в скором времени крупнейшей житницей кафедры, Астраханские соляные и рыбные промыслы и другие крупные владения²¹.

В сложных исторических условиях XVII в. патриаршая кафедра пополнила свой земельный фонд и нелегально за счет так называемых церковных земель.

Церковные земли — это земли, даваемые с древних времен в обеспечение содержания русского духовенства²². Однако до патриарха Филарета отвод церквям земель считался необязательным. Филарет впервые в 20-х годах XVII в. сделал непрочные традиции правилом, и с этого времени при описании церковных десятин патриаршей области церквям отводились определенные участки земли размером от 10 до 20 десятин в поле. В конце века эта политика продолжалась, и церкви, не получившие земли в 20-х годах, получили ее в 80-е годы.

Церковные земли прирезались за счет черного крестьянского, поместного, ветчинного и монастырского землевладения с определенного количества четвертей. Описание церковных десятин преследовало еще одну важную для патриаршего вотчинного хозяйства цель. Начало XVII в., да и последующие десятилетия были периодом больших хозяйственных потрясений. Пустели русские города и села, сокращалась пашня, до предела напрягались силы налогоплательщиков — крестьянского и посадско-слободского населения. Немудрено, что в этих условиях многие приходы, церкви стояли «без пения», церковная земля оказывалась «в пусте». Патриаршая кафедра выступила наиболее решительным претендентом на овладение этими пустующими землями.

Проводимые описания патриаршей церковной области в 1620—1623, 1632 гг. и далее должны были выявить эти пустующие земли с тем, чтобы взять их в ведомство Казенного приказа и в дальнейшем использовать в интересах казенного церковного дела. На первых порах так оно и

¹⁹ ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1620, л. 437.

²⁰ Там же, л. 446.

²¹ Частично этот процесс нашел отражение в документах, собранных Л. В. Черепниным (АФЭХ, ч. III. М., 1961, № 231—357), относящихся к первой четверти XVII в.

²² В. И. Сергеевич. Древности русского нрава, т. III. СПб., 1903, стр. 284.

было. Пустые церковные земли сдавались на оброк различным лицам. Поступающие оброки записывались погодно, территориально в книги приказа.

Однако в дальнейшем кафедра стала прибирать эти земли к своим рукам, превращая их в домовые вотчинные владения. Тем более, что церковная земля была свободна от государственного тягла²³. В жалованной грамоте от 20 мая 1625 г. на церковную патриаршую область царь Михаил Федорович по существу предоставил патриархам *carte blanche* на пустые церковные земли: «...Так же пожаловали... патриарха Филарета Никитича: вольно ему... в своем патриаршестве рушных и прихоцких церквей тех городов и уездов на попов и дьяконов и на церковные пустотные земли свою святительскую дань и оброк положить, чем он... которых рушных и прихоцких церквей попов и дьяконов и на пустотных церковных землях жильцов и пустую землю данью своею и оброком избочрит»²⁴.

Овладение кафедрой церковными землями мы условно можем разделить на несколько этапов. Вначале пустые земли давались на оброк различным лицам, среди которых числились бояре, дворяне, приказные люди, монастыри, крестьяне. Земли, сданные на оброк боярам, дворянам и приказным, по существу были надолго утрачены для кафедры, поскольку они на длительное время оказывались в сфере эксплуатации этих лиц, а деньги, получаемые от них за аренду, шли в Казенный приказ. У нас нет сведений о том, что церковные земли, оказавшиеся в руках светских феодалов, затем вновь возвращались возродившимся приходам. Это был своеобразный захват церковных земель отдельными группами феодалов. Лишь уплата оброка связывала владельцев пустых церковных земель с кафедрой. С тем большим рвением кафедра стремилась передать пустые церковные земли патриаршим детям боярским, домовым монастырям и особенно своим крестьянам, считая, видимо, что это верный путь окончательного овладения церковными землями и дальнейшего их освоения. Крестьяне патриарших сел, деревень и слобод брали на оброк эти земли во многих уездах государства, преимущественно поблизости от своих сел и деревень. Почему же оброчники из патриарших крестьян предпо-

²³ Там же, стр. 284.

²⁴ ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1620, лл. 434 об.— 435.

читались другим? А потому, что в данном случае церковная земля осваивалась так же, как обычно вотчинное владение, и определяла целый комплекс феодальных повинностей крестьянина в пользу кафедры.

Таким образом, предоставление кафедрой своим крестьянам права оброчного держания пустых церковных земель приводило по существу к расширению территории патриаршей вотчины, подъему ее хозяйства путем освоения пустых земель новыми крестьянскими силами и перегруппировки старых сил, к увеличению числа феодально зависимого населения, труд которого представлял наивысшую ценность для феодальной организации.

Сбор оброка с пустых земель — это первый этап их освоения. Вторым этапом являлась передача их на оброк своим крестьянам, детям боярским, монастырям (которые осваивали их также при помощи крестьян). Наконец заключительной фазой было полное овладение этими землями: складывание оброка на время льготы и выполнение с этих земель комплекса феодальных повинностей после окончания ее срока.

Церковная земля с. Хорошово — крупная пустошь Литвиново была долгое время на оброке (17 руб.) за разными лицами. В 1642/1643 г. на этой пустоши сенные покосы были покосены на «патриаршь обиход»²⁵. Через год она была отдана «в раздел» крестьянам патриаршего села Троицкого. Оброк с этих земель был сложен. Ведение ими отходило отныне к патриаршему Дворцовому приказу²⁶.

В 1664/1665 г. такая же метаморфоза произошла с церковными землями в Лушках (Московский уезд). Сенные покосы здесь были выложены из оброка, покосены на патриарший обиход, но затем отданы обратно оброчникам, так как сено начали косить и свозить «неведомо какие люди»²⁷.

В 1647 г. церковные земли пустоши Большое и Меньшее Яловые были отняты у оброчника костромитипа Б. Рыбника и отданы «в поместье» патриаршему сыну боярскому И. С. Щевелеву. «А с того поместья велено ему государева и святейшего патриарха службы служить»²⁸, —

²⁵ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 19, л. 105.

²⁶ Там же, л. 357.

²⁷ Там же, кн. 55, лл. 768, 1133 об.

²⁸ Там же, кн. 19, л. 1178.

говорит запись. Оброк с земли был сложен. Такая же судьба постигла церковные земли на р. Кисти в Юрьевском уезде, отданные «в поместье» С. Евреву²⁹.

В Дмитровском уезде участок церковной земли, бывший на оброке за дьячком Г. Пятовым, был отдан в конце 40-х годов патриаршему Борисоглебскому монастырю «из оброку» под мельничное строение³⁰. Этот же монастырь, владея оброчными пустошами в Переяславском уезде, вскоре получил их в безоброчное постоянное пользование с приказом «и впредь ис оброку никому не давать»³¹. По указу патриарха патриарший Богоявленский монастырь завладел пустошами в Дмитровском уезде, бывшими ранее на оброке за И. С. Боборыкиным, так как «в тех пустошах по обыскам и по писцовым книгам церковных земель не объявилось»³². Кроме таких открытых способов овладения церковными землями существовала и «подпольная» форма — их обмен. Патриаршая кафедра променивала церковные земли на вотчинные, но последние отнюдь не шли в фонд церковных земель, а превращались в полную собственность кафедры или контролируемых ею организаций и лиц.

Церковная земля на р. Клязьме (Московский уезд) была отдана на оброк думному дьяку Н. Чистому, затем она была вместе с пустошью Углешной променена ему «на купленную ево вотчину» — пустошь Шершнево³³. Церковная земля — сенные покосы по р. Волге (Костромской уезд), бывшие на оброке за стрелецким сотником Д. Золотаревым, были отданы с другими церковными землями патриаршему Новинскому монастырю в обмен на дер. Грибанову, взятую «к патриаршему дворцовому селу Дмитровскому»³⁴. В этом случае кафедра не только получила право полной собственности на вымененную деревню, но и право верховной собственности на променанный в монастырь из фонда церковных земель участок.

Надо сказать, что пустые церковные земли порой лишь по традиции назывались «пустыми», «пустошами». На протяжении десятков лет обработанные и освоенные, они прев-

²⁹ Там же, л. 1327.

³⁰ Там же, л. 995.

³¹ Там же, л. 1150.

³² Там же, л. 1002.

³³ Там же, л. 1203.

³⁴ Там же, л. 482.

ращались в культурные участки, но все еще числились как пустые.

В результате упорной борьбы патриаршей кафедры на протяжении XIV—XVII вв. за увеличение своих земельных владений патриаршая вотчина к концу XVII в., без преувеличения, представляла одно из крупнейших хозяйств своего времени.

В Московском уезде кафедре принадлежали села Пушкино, Троицкое-Голенищево, Троицкое-Сельцы, Озерецкое, Хлябово, Владыкино, крупная дер. Посниково; во Владимирском — Баглачевская и Сенежская волости, села Порецкое, Ославское, Сеславское, Спасское, Богословское, Павловское, Старый Двор, Бродницы, крупные деревни Яновец и Варламов починок, Корякино; в Ростовском — Карашская волость; в Костромском уезде — Вятская волость и Никольская слободка; в Муромском — с. Ярымово; в Переяславском — с. Романовское; в Кашинском — села Горницы и Стоянец; в Суздальском — с. Михайлова Сторона; в Нижегородском — Спасская волость, с. Работки, деревни Лавровка, Соколища и Новые работки; в Тульском — с. Богоявленское; в Дмитровском — села Иваново, Игнатовское; в Звенигородском — с. Дмитровское; в Юрьевском — с. Ильинское; в Ржевском — Оковецкий погост; в Галичском — Ликуржская волость и с. Одноушево; в Лебедянском — с. Кузьмань; в Каширском — с. Сельна; в Коломенском — дер. Аргуново; в Белозерском — Чюровская волость; в Двинском — Варзужская волость; отдельные мелкие владения — в Елецком и Пошехонском уездах; в Астраханском уезде — рыбные и соляные промыслы. Кроме того, кафедре принадлежало озеро Селигер, слободы в Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Костроме, над которыми она сохранила право патроната и после того, как они перешли к посадку, многочисленные патриаршие монастыри, которые сами являлись отдельными хозяйственными комплексами. Наконец, необходимо иметь в виду, что мы назвали лишь основные села в каждом районе, где, как правило, находилась патриаршая администрация. К этим селам «тянули» другие села и деревни, образуя мощные хозяйственные узлы.

По характеру владения вотчины были весьма разнообразными. Крупные землевладельческие хозяйства располагались в Московском уезде вокруг сел Троицкого-Голенищева и Троицкого-Сельцы, Озерецкого, Хлябова, Владыки-

на. Здесь были запаханы сотни десятин земли под зерновые, стояли многочисленные патриаршие мельницы; в селах находились скотные и воловьи двory, конюшни. Такого же типа хозяйство преобладало во владимирских селах (Порецкое, Ославское, Спасское, Богословское, Павловское, Старый Двор, Бродницы), нижегородских селах (Спасское, Работки), а также в Тульском (с. Богоявленское), Муромском (с. Ярымово), Звенигородском (с. Дмитровское), Юрьевском (с. Ильинское), Лебедянском (с. Кузьмань), Переяславском (с. Романовское) уездах. Здесь также находились крупные «домовые» запашки, развивалось вотчинное животноводство.

Крестьянство этих районов также в основной массе вело земледельческое хозяйство. В других владениях не было непосредственно «домовой» запашки и кафедра не имела «личных» хозяйственных интересов, но и здесь земледельческое крестьянское хозяйство было преобладающим. К этим владениям относятся владения кафедры в Московском (дер. Посниково), Владимирском (дер. Варламов починок), Кашинском (села Горицы и Стоянец), Суздальском (с. Михайлова Сторона), Нижегородском (дер. Лавровка, Соколища, Новые работки), Дмитровском (с. Иваново), Ржевском (Оковецкий погост), Галичском (с. Одноушево), Каширском (с. Сельна), Коломенском (дер. Аргунове) уездах.

Специфические хозяйственные условия складывались в патриарших владениях к северу от Москвы — в Белозерском и Двинском уездах. Здесь располагались рыбопромысловое и частично земледельческое хозяйства (Ковская и Варзужская волости). Собственных хозяйственных единиц у кафедры здесь не было.

В Астраханском уезде напротив, находились крупные патриаршие рыбные и соляные промыслы, но не было крестьянских дворов, что заставляло кафедру решать в этом районе проблему рабочей силы.

В уездах Ростовском, Костромском располагались крупные торгово-промысловые волости, население которых наряду с сельским хозяйством занималось торговлей, промыслами, подрядами и т. п. (Карашская, Вятская волости). На посаде городов Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода, Костромы находились патриаршие слободы.

Общие данные о владениях московских патриархов в XVII в. дают нам возможность не только представить

себе территориальный состав вотчины, но и те огромные земельные владения кафедр, которые составляли основные богатства этой феодальной организации, позволяя ей эксплуатировать в форме феодальной земельной ренты непосредственных производителей. Наконец эти сведения дают нам представление о тех районах, где развертывались процессы, о которых пойдет речь ниже, районах, разных по своим хозяйственным возможностям, занятиям населения, разных по природным условиям. Все это позволяет нам высказать мнение, что в значительной мере процессы, происходящие в рамках вотчины подобного масштаба, являлись отражением общероссийских процессов.

3. Тенденции развития феодальной ренты

Вопрос о форме ренты в XVII в., в период складывания всероссийского рынка, имеет существенное значение для понимания различных аспектов истории крестьянства того времени. Нам кажется, что на данной стадии изученности вопроса еще нельзя решать проблему о том, какая форма ренты являлась преобладающей — отработочная или денежная, а можно лишь вести изучение тенденций развития отдельных хозяйств или комплекса хозяйств.

К началу XVII в. в патриарших владениях, расположенных близ Москвы и в Замосковном крае, формы эксплуатации крестьян вполне укладывались в те рамки, которые были определены в грамоте первого патриарха Иова в 1590 г. крестьянам патриарших монастырей — Благовещенского (Нижегородский уезд) и Царевоконстантиновского (Владимирский уезд)¹. В ней нет ни слова о денежном оброке, повинности не унифицированы и в основном ограничиваются натуральными оброками и «изделием». Нормы, указанные в этой грамоте, мало чем отличаются от норм, зафиксированных в известной грамоте митрополита Киприана тому же Царевоконстантиновскому монастырю от 1391 г.²

Между тем к концу XVII в. в составе многообразных вотчин патриарха почти не было вотчины, где бы кроме

¹ ГБЛ, ф. Беллева, кн. 1621, л. 345—345 об.

² АФЗХ, ч. 1. М., 1951, № 201, стр. 179—180. См. также трактовку этого документа: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952, стр. 526—531; Л. В. Чрепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 228.

указанных в той или иной форме натуральных и «нздельных» повинностей не существовала и денежная рента. Более того, в большинстве вотчин прочно укрепились денежные повинности, заменив все остальные.

Возьмем вначале наиболее «барщинные» владения кафедр во Владимирском уезде, расположенном в Замосковном крае — этой «житнице России»³. Сложилось довольно прочное мнение, будто барская запашка в XVII в. (в том числе в патриарших владениях)⁴ была здесь невелика⁵, а барщина имела место в основном в районах к югу от Москвы, к северо-востоку же преобладало оброчное хозяйство⁶.

Во Владимирском уезде владения кафедры были наиболее значительными⁷. Согласно документам, в середине XVII в. патриаршие владимирские села были одним из главных поставщиков патриаршей кафедре сельскохозяйственной продукции, которая шла как для личного потребления, так и для продажи⁸. Причем указывается, что эта продукция поступала в качестве «домового хлеба», т. е. «хлеба», полученного с «домовых десятин», — барской запашки, размеры которой, судя по этим цифрам, были значительными.

³ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 158.

⁴ М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святейшего Синода. СПб., 1871, стр. 176.

⁵ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1937, стр. 328.

⁶ Ю. В. Готье. Крестьяне в XVII столетии. М., 1941, стр. 33.

⁷ Здесь к концу XVII в. московским патриархам принадлежали Багачевская и Сенежская волости, села Порецкое, Сеслаиское, Ославское, Павловское, Бродницы, Старый Двор, Спасское, Богословское, крупная деревня Яновец с «тянущими» к ним деревнями, приселками, пустошами и две самостоятельные тяглые деревни — Варламов Починок и Корякино, а также владения патриарших домовых монастырей Царевокоястиновского, Боголюбова, Козмина, Сновидского. Все это вместе взятое составляло значительный хозяйственный комплекс, крупнейший во Владимирском уезде.

⁸ С 1658 по 1668 г. из владимирских сел поступило в Москву 2115 четв. ржи, 5410 четв. овса, 902 четв. ржаной муки, 671 четв. овсяной крупы, 525 кулей толокна, 101 четв. гороха, 40 четв. конопли, 12 четв. пшеницы, 2552 куля сухарей, 7 четв. гречневой крупы (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 48). О наличии во владимирских селах барской запашки см. там же, ф. 236, оп. 5, книги 33, 53, 54.

На первый взгляд кажется, что раз существует барская запашка, значит должна быть и барщина, и если первая увеличивается, то возрастают и отработочные повинности крестьян. Однако на практике было несколько иначе. Диссонанс в эти логические построения вносили как раз различные устремления в хозяйственных вопросах феодального собственника и феодально зависимого населения. И здесь, конечно, важное значение имели не только интересы феодального собственника, но и интересы крестьян, их классовая борьба.

Посмотрим, какое отражение все это находило в патриаршей вотчине. К моменту переписи патриарших владений в 1643/1644 г. отработочные повинности существовали в патриарших владимирских селах Сеславском, Порецком, Спасском, Яновце, Богословском, Павловском, т. е. по существу почти во всех селах, где имелась патриаршая десятинная пашня. На это, в частности, указывают данные об обработке домово́й пашни в селах Богословском и Порецком⁹. Об этом же говорит и анализ известных для данных сел оброчных, денежных платежей с выти, записанных в оброчные приходо-расходные книги. В с. Порецком, например, крестьяне с 10 вытей платили лишь 12 руб. оброка, в с. Спасском — 3 руб. с 3 вытей, в дер. Яновец — 2 руб. с 2 вытей и т. д., т. е. в среднем по 1 руб. с выти¹⁰. Анализ более поздних данных дает возможность заключить, что оброк по 1 руб. с выти непременно сопутствовал «нздельным повытным» повинностям, которые и являлись основными¹¹; рублевый сбор с выти в данном случае заменял натуральные оброки, так называемый «столовый запас» — мясо, масло, сыр, яйца, который патриаршие крестьяне обязаны были уплачивать кафедре. Иных вотчинных повинностей, кроме небольшого подымного сбора, который шел на содержание патриаршей администрации, мы здесь не обнаружили. Следуя за грамотой патриарха Иова Благовещенскому и Царевоконстантиновскому монастырям от 1590 г., можно предположить, что с конца XVI в. до 40-х годов XVII в. нормы барщины оставались неизменными и равнялись в этом районе 1,5—2 десятинам сельскохозяйственных работ на выть. Об

⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 9, лл. 125, 128 об., 130, 131 об., 133.

¹⁰ Там же, лл. 125, 128 об., 133.

¹¹ См. данные за 1687 г. о селах Бродницы (там же, кн. 57, л. 24), Богословском (там же, л. 25), Ославском (там же, л. 29 об.).

общности повинностей, указанных в грамоте и отмеченных для XVI и первой трети XVII в., говорят несколько стереотипных записей, относящихся к селам Порецкому, Богословскому, Спасскому. Среди повинностей упоминаются «денежные доходы», «столовые запасы» и «изделье»¹². Итак, в середине XVII в. вырисовывается такая картина повинностей патриарших сел во Владимирском уезде: «изделье» — основная повинность, небольшой денежный оброк, заменяющий натуральные платежи, подымный сбор, не считая различных государственных налогов и повинностей.

Проходит каких-нибудь 30 с небольшим лет, и положение меняется. К середине 70-х годов мы видим явное стремление феодальной организации усилить эксплуатацию крестьянства. Согласно «новому окладу» 1676 г., введенному в патриарших владениях после переписи 1675/1676 г., во всех селах растет ивытное обложение: увеличивается норма денежного оброка; кроме денежного рублевого сбора сохраняется натуральный оброк, или «столовый запас», который теперь дифференцируется во всех селах от денежного сбора¹³. По-прежнему существует и барщина, которая к этому времени вырастает до 4 десятин на выт¹⁴.

Однако одновременно с усилением эксплуатации крестьян, его дальнейшим закрепощением и т. д. развиваются и другие тенденции, которые несколько корректируют это положение. Во-первых, некоторые села вообще освобождаются от увеличившихся барщинных повинностей, которые заменяются денежным оброком (при продолжающемся, как увидим ниже, увеличении в этом районе барской запашки); во-вторых, явственно обозначается процесс перерастания натурального оброка в денежный, но не в виде неэквивалентного ему рублевого сбора с выти, а путем замены «столового запаса» денежным оброком согласно «торговой цене». Правда, поскольку такой перевод, хо-

¹² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 9, лл. 125 об., 128 об., 129 об.

¹³ Там же, кн. 32, лл. 72 об., 73, 74 об., 75 об., 77, 77 об.

¹⁴ Показательны имеющиеся в нашем распоряжении данные за 1687 г. Слова «пашут четыре десятины с выти», ставшие к этому времени стереотипным выражением, свидетельствуют о том, что эта норма зародилась здесь гораздо раньше; вполне возможно, что также в 1676 г. (там же, кн. 53, лл. 23 об., 24, 24 об. 25, 26).

тя и являлся для крестьян, по-видимому, желательным, но был делом для них новым, непроверенным, как, впрочем, и для феодального собственника, то обе стороны приняли компромиссное взаимовыгодное решение: часть «запаса» поставлялась натурой, а часть, например сыр, производство которого требовало значительного времени, оплачивалась деньгами. Этот факт, который приложим ко всем владимирским патриаршим селам, несомненно говорит о частичном ослаблении непосредственной личной зависимости крестьян от феодального собственника. Так, в 1676/1677 г. в с. Яновец все издельные повинности были заменены денежным оброком в 50 руб. с двух вытей, причем в документах указывалось, что деньги платятся за «десятинную пашню», «покос» «изделье», за «конюшенный припас» и за «столовый запас», т. е. за все виды отработочных и натуральных повинностей¹⁵. К несколько более раннему времени (между 1643/1644—1675/1676 гг.) относится и перевод на оброк крестьян с. Старый Двор, которые вместо многочисленных отработочных повинностей и различных натуральных платежей платили с 8 вытей 108 руб. и «хлебный запас»¹⁶. Такая же эволюция на рубеже 1675/1676 г. происходит и с крестьянами с. Павловского, которые с 3 вытей отныне «за домовую пашню», «за сенную козбу» и «за всякое домовое изделье» должны были платить 50 руб. оброчных денег, а также поставлять натуральный оброк: 50 четв. ржи и 50 четв. овса¹⁷. Во всех этих процессах крестьяне не оставались пассивной стороной, равнодушными наблюдателями. По мере сил они вносили коррективы в хозяйственную политику феодальной организации, коррективы, к которым нельзя было не прислушаться без того, чтобы не нарушить всю жизнедеятельность вотчины. В частности, перевод крестьян с. Павловского на оброк явился результатом борьбы крестьян за наиболее выгодный для них путь хозяйственного развития. В начале 1669 г. крестьяне направили патриарху челобитную, где просили о переводе их на денежный оброк и о распределении между ними домовой пашни, на которой они несли барщину десятки лет. Неизвестно, какими мотивами руководствовалась кафедра, возможно тем, что

¹⁵ Там же, кн. 32, л. 79.

¹⁶ Там же, л. 80.

¹⁷ Там же, л. 78—78 об.

земли близ этого села были «худые»¹⁸, но челобитье было удовлетворено. Барщина заменялась оброком, и было указано патриаршей администрации «ту десятинную пашню и сенные покосы разверстать по себе между крестьянами»¹⁹. Любопытна дальнейшая эволюция повинностей в этом селе. В 1687 и 1691 гг. крестьяне по-прежнему платили денежный и хлебный оброк²⁰, а в 1692/1693 г. денежный оброк вырастает с 50 до 80 руб., зато из статей натурального оброка исчезли 50 четв. овса и осталась лишь рожь²¹. Начиная с 1687 г. с. Павловское числится уже среди патриарших «оброчных сел»²².

В конце 80-х годов (1687/1688 г.) в связи с предпринятым в патриаршей вотчине (там, где имела десятинная пашня) перемером земли, введением «большой десятины» (80×40 сажен вместо прежних 60×30 сажен)²³ и повышением нормы барщины до 6 десятин на выть²⁴, а местами даже до 8 десятин²⁵, усиление налогового гнета испытывали на себе и крестьяне с. Павловского, на которых наложили «новый прибавочный оклад». Немедленно крестьяне послали новую челобитную патриарху: «А мы, сироты твои, пооброчены денежным оброком и хлебным запасом за все: за подводы (под перевозку хлеба в Москву.— А. С.) и за дворовую поделку, и за садовую городьбу, и за всякое изделие. А ныне нас, сирот твоих, притянули во всякое изделие и в мельничное строение». Крестьяне подчеркивали, что мельница, которую их заставляют строить патриаршие приказные люди, удалена от села на 30 верст: «Работы на день, а проезда на два дни». Вот эта-то потеря дорогого времени, сопровождавшая отработочные повинности любого типа, вызывает возмущение крестьян. Они просили «вытного окладу збавить» и «не притягивать» их «во всяком изделии»²⁶. Каковы же были результаты челобитья? Отработочные повинности и уплата «столового запаса», вновь вызванного к жизни в этом селе ретивыми приказными, были отменены: кафедра вспомнила об ука-

¹⁸ ГИМ, Синодальные списки, № 1398.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 736.

²⁰ Там же, кн. 53, л. 26; кн. 60, л. 25.

²¹ Там же, кн. 25, л. 278.

²² Там же, кн. 53, л. 26.

²³ Там же, л. 1.

²⁴ Там же, л. 57 об.

²⁵ Там же, л. 1.

²⁶ ГИМ, Синодальные списки, № 1398.

зе 1669 г., но денежный и хлебный оброк были увеличены. Отныне крестьяне обязаны были платить 99 руб. (вместо 80 руб.) и 100 четв. «хлеба» (вместо 50 четв.)²⁷.

В связи с анализом этих данных встают два вопроса. Являлось ли это увеличение крестьянских повинностей произвольным со стороны феодального собственника? Было ли это увеличение абсолютным показателем роста эксплуатации крестьян, ухудшения их положения, усиления крепостничества и т. д.? На оба вопроса следует дать отрицательный ответ. Конечно, патриаршая кафедра стремилась выжать максимум возможного из эксплуатации крестьян. Однако усиление эксплуатации развивалось в рамках общих сдвигов в хозяйстве и феодала и крестьянина. Так, увеличение повинностей в с. Павловском было связано с развитием в данном районе крестьянского хозяйства. С того момента, когда крестьяне получили в 1669 г. землю и разделили ее между собой, начинается процесс освоения крестьянами села новых земельных массивов, раочистка земель и т. д.²⁸ Вот это-то обстоятельство и учла патриаршая кафедра, «накинув» на крестьян новые повинности. Конечно, мы не можем сказать, что требования патриаршей кафедры полностью соответствовали развитию хозяйства в данном селе, так как это вообще исключено самой природой феодального способа производства, основанного на эксплуатации человека человеком, но в данном случае элемент такого соответствия безусловно налицо.

Наряду с увеличением повинностей (что находит известное объяснение в развитии крестьянского хозяйства, росте здесь количества дворов и т. д.) происходит дальнейшая эволюция взаимоотношений крестьянина и феодального собственника по пути от «крепостничества с барщинным трудом» до «простого оброчного обязательства»²⁹.

Весной 1688 г. вышел указ патриарха об увеличении повинностей до 6 десятин на выть³⁰ в селах, имевших «домовую пашню». За ним последовал уже знакомый нам указ о перемере всех земель «домовых» и крестьянских, введении «большой десятины», который учитывал, что если патриаршей «домовой» земли «в указанное число не

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

³⁰ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 57, л. 129.

будет, вымерить из крестьянской тяглой земли»³¹. По нашим сведениям, этот указ распространялся лишь на патриаршие села во Владимирском и Юрьевском уездах, но нет оснований отказывать ему в универсальности, поскольку значительные изменения в форме и количестве повинностей затрагивают и остальные уезды. Причина введения «большой десятины» заключается в стремлении не только сделать более продуктивным собственное хозяйство³², но и определить количество земель, появившихся в пользовании крестьян в результате освоения ими новых земельных массивов, возрождения пашни на пустошах с тем, чтобы использовать этот прирост пахотных земель как для расширения барской пашни, так и для обоснования увеличения тяглых вытей³³. В результате новая норма барщины (6 дес. на выть) захватила села Сеславское, Порецкое, Богословское³⁴. Этим список ограничивается. Как же обстояло дело в остальных селах? С. Павловское, как мы знаем, перешло в категорию «оброчных». На этот же путь встали и крестьяне с. Спасско-го. В 1692/1693 г. они уже не несут барщинных повинностей, откупившись от них оброком в 60 руб. и поставкой «столового запаса» или уплатой за него эквивалентной денежной суммы³⁵. Точно такую же трансформацию повинностей претерпело и с. Бродницы, где в 1691/1692 г. крестьяне выплачивали кафедре оброк в 60 руб. и поставляли «столовый запас» или его денежное выражение (по выбору)³⁶. Заметим, что всем этим превращениям вообще

³¹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 53, лл. 39, 57 об.

³² В частности, в памяти па места патриаршим приказчикам и поселским старцам, ведавшим «домоной пашней», указывалось на необходимость создания крупных комплексов земель — по 120 дес. в поле юрьевские села (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 53, л. 39 об.), по 90 дес. владимирские села (там же, л. 57 об.), которые нужно было тщательно «строить».

³³ Так, согласно данным описной книги 1687/1688 г. (там же, кн. 53) во владимирских селах к этому времени прибыло 32 выгп, причем основная масса их приходится на перешедшие на оброк села Павловское (9 вытей) и Старый Двор (8 вытей), в остальных прибыло лишь по 2—2,5 выти.

³⁴ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 36, лл. 74, 78, 82 об., 87.

³⁵ Там же, кн. 25, л. 278.

³⁶ Там же, кн. 60, лл. 35 об., 104; кн. 25, л. 209 об. Правда, бродницкие крестьяне не удержались на этом уровне, и в 1692/1693 г. норма денежного оброка с них сбавляется до 16 руб., зато взамен налагается обязанность пахать «домовую паш-

сопутствует появление в книгах прочно закрепившейся формулы об уплате «столового запаса» в денежной форме («по торговой цене»), а также установление даже в чисто «барщинных» селах вытей как «барщинных», так и «оброчных» (Порецкое, Ославское, Богословское³⁷).

Таким образом, относительно патриарших владимирских владений складывается довольно ясное представление. Усиление феодальных повинностей в этом районе — рост барщины, увеличение оброка сопровождается трансформацией этих повинностей, перерастанием одних в другие. Часть сел освобождается от барщины, прочное место среди повинностей занимает денежный оброк и оброк натурой, переходящий в денежный. Крестьяне тех сел, которые тесно связаны с рынком, стараются закрепить новые, более выгодные им отношения. На наш взгляд, это и есть та «равнодействующая сил», за которой стоят противоречивые интересы феодала и крестьянина и которые обеспечивают хозяйству движение вперед, движение медленное, мучительное, полное борьбы, но неуклонное. Подобное стремление вперед проявляется тем явственнее, чем сильнее развиваются в стране товарно-денежные отношения, разрывающие пути натурального хозяйства.

Как обстояли в этом смысле дела в других районах Русского государства, где была расположена десятинная «домовая пашня» кафедры?

В Переяславском уезде находилось патриаршее село Романовское (в конце XVII в. — более 100 дворов). В 1643/1644 г. крестьяне платили здесь с трех вытей небольшой денежный оброк — 1 руб. 17 алт.³⁸ Как и в пре-

нию близ с. Сеславского вместо крестьян с. Богословского, которые должны были платить теперь бóльшую норму оброка, чем прежде.

³⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 36, л. 82 об., кн. 63, л. 76 об.; кн. 25, л. 281. Расширение патриаршей запашки идет за счет крестьянских земель, особенно в «барщинных» селах — Сеславском (отрезано у крестьян 40 дес.), Порецком (4 дес.), Богословском (7 дес.). Как видим, больше всего земли было отобрано именно в с. Сеславском, совершенно не затронутом «оброчными» тенденциями (там же, кн. 53, л. 74—74 об.). В этом же уезде были расположены крупные патриаршие монастыри — Боголюбов, Козмин, Сновидский, Царевоконстантиновский, располагавшие значительной владельческой запашкой. Анализируя крестьянские повинности в монастырских селах, мы видим повторение уже отмеченных тенденций.

³⁸ Там же, кн. 9, л. 136.

дыдущих случаях, это было равнозначно наличию здесь отработочных повинностей. В 1676/1677 г. с этих же трех вытей уплачивалось уже 100 руб. денежного оброка и «хлебный запас» в 250 четв.³⁹ В дальнейшем, в 1691/1692, 1692/1693, 1693—1696 гг.⁴⁰ эти нормы сохраняются, т. е. перелом в форме ренты, происшедший в этом районе в 50 — 60-х годах, получает прочную санкцию в конце века.

В юрьевских селах, группировавшихся вокруг с. Ильинского — административного патриаршего центра в данном районе, также проявлялась эта тенденция. В 1676/1677 г. крестьяне несли здесь барщину, платили 7 руб. оброка с 15 вытей⁴¹, а также поставляли «столовый запас». В 1687 г. эти повинности остаются неизменными⁴². Как и в других селах, в этих местах проходит в 1688 г. упоминавшаяся земельная реформа: вводится «большая десятина», недостающие земли пополняются за счет крестьянских земель⁴³, крестьяне по-прежнему платят денежный оброк, вырастающий до 16 руб., и «столовый запас»⁴⁴. В 1693 — 1696 гг. они также исполняют барщинные повинности, но уже «пашут по 8 десятин на выть»⁴⁵. Кажется, что все остается неизменным: та же барщина, тот же оброк; однако и то, и другое предстает в увеличивающихся размерах. Уже в 1676/1677 г. крестьяне пользуются правом уплачивать часть натурального оброка в денежной форме⁴⁶. В 1691/1692 г. по «новому окладу» в денежной форме (200 руб.) выражается весь «столовый запас»⁴⁷. Факты указывают на настойчивую тен-

³⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 93.

⁴⁰ Там же, кн. 60, л. 84; кн. 25, л. 297; кн. 36, л. 103 об.

⁴¹ Там же, кн. 32, л. 87—87 об.

⁴² Там же, кн. 53, л. 27.

⁴³ В частности, в с. Ильинском было отобрано у крестьян 15,5 дес., Косинском — 15,5, Андреевском — 13, Поелове — 15 дес. (там же, лл. 41 об., 42 об., 46). В результате перемера земель всего в юрьевских селах появилось 21 $\frac{3}{8}$ новых тягловых вытей.

⁴⁴ Там же, л. 39.

⁴⁵ Там же, кн. 36, л. 69.

⁴⁶ Там же, кн. 32, л. 87—87 об.

⁴⁷ Там же, кн. 63, л. 152. Позднее, в 1692/1693 г. эта сумма сокращается до 100 руб. с уплатой остальной части по-прежнему в натуральной форме. Это отступление объясняется тем, что в 1691/1692 г. крестьяне, должно быть, не имея возможности так вдруг мобилизовать 200 руб., задолжали оброчную плату (там же, кн. 25, л. 277; кн. 63, л. 152).

денцию и в этом районе к трансформации форм ренты в сторону денежной, определявшей большую хозяйственную независимость крестьянина⁴⁸.

В Муромском уезде была расположена одна из самых значительных по величине домовых запасек близ патриаршего села Ярымова. В течение всего XVII в. из этого района нескончаемым потоком шел хлеб в Москву⁴⁹. В 1643/1644 г. крестьяне Ярымовской волости (в конце века — 261 двор) с 23½ вытей уплачивали кафедре 50 руб. 19 алт. оброка «за столовые запасы»⁵⁰ и за некоторые мелкие повинности. Для 23 вытей это мизерная сумма. Можно предположить, что барщинная повинность являлась здесь одной из основных. В 1676/1677 г. норма денежного оброка выросла до 103 руб., кроме того, крестьяне обязаны были платить 120 руб. за «столовый запас»⁵¹. В дальнейшем (1691/1692, 1692/1693 гг.) эти нормы сохраняются⁵². Таким образом, и в Муромском уезде в основном происходит постепенный отход крестьян от барщинных повинностей в сторону денежного оброка.

Иные формы хозяйства, но те же тенденции характерны для владений кафедры, расположенных к северу от Москвы. С 30-х годов XVII в. крестьяне патриаршей Варзужской волости (Двинский уезд) платят денежный и натуральный оброк (рыба)⁵³. В патриаршей Чюровской волости (Белозерский уезд), где крестьяне в начале века несли барщинные повинности, специфические для данного района (лов рыбы на патриаршую кафедру), а также поставляли «столовый запас»⁵⁴, начиная с 40-х годов и вплоть до конца века, они уплачивали лишь денежный оброк «за рыбную ловлю» — 120 руб. в год и вносили деньгами за

⁴⁸ Анализируя данные лишь по одному с. Андреевскому, Ю. В. Готье также подчеркнул наличие тенденции в этом районе к замене натуральных оброков денежными платежами (Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 343).

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 48.

⁵⁰ Там же, кн. 9, л. 151.

⁵¹ Там же, кн. 32, л. 101.

⁵² Там же, кн. 25, л. 140—140 об. Лишь в 1693—1696 гг. происходит некоторый шаг назад: крестьяне вновь, как и до 1643/1644 г., обязаны были поставлять подводы для перевозки хлеба в московские житницы (там же, кн. 36, л. 107).

⁵³ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 10, л. 814; ф. 236, оп. 5, кн. 32, лл. 112—113.

⁵⁴ Там же, ф. 396, столбцы, № 48677, лл. 9, 10, 40.

«столовые запасы», сведя все повинности к унифицированному денежному оброку⁵⁵. В районах, расположенных севернее Москвы, лишь в Ковской волости крестьяне обязаны были «бить ез» и «ловить рыбу» для кафедры, но при этом они выкупили обязанность поставлять «столовый запас»⁵⁶.

Крупным хозяйственным комплексом патриаршей кафедры являлись подмосковные села. Во Владыкине, Озерецком, Пушкине, Троицком-Голенищеве, Троицком-Сельцах были расположены обширные домовые пашни. Отсюда поступали в Москву, так же как и из владимирских сел, рожь, овес, мука, крупы и другие продукты сельского хозяйства⁵⁷. Видимо, близость к Москве, центру управления патриаршими вотчинами, короткие расстояния до патриарших житниц, традиционное развитие хозяйства в этом районе, близком крупному рынку, привели к тому, что здесь барщина занимала более прочные позиции, чем где бы то ни было. На эту чисто географическую связь соотношений барщины и оброка указывал в свое время Ю. В. Готье⁵⁸, анализируя дворцовое хозяйство. Конечно, мы не можем объяснять эти соотношения лишь географическими факторами, но отдать им должное необходимо. Главное здесь заключается в том, что в данном случае налицо была тенденция иного рода, назовем ее «крепостнической». В условиях близости большого рынка, в связи с особенностями географического положения подмосковных владений, кафедра видела свои интересы в развитии близ Москвы барщинных повинностей, и никакие интересы крестьян не могли переломить хозяйственную линию феодального собственника. В этом факте находила яркое выражение сама сущность феодально-крепостнического строя с его суровыми методами эксплуатации непосредственных производителей, «внеэкономическим принуждением». В подмосковных владениях кафедры в конце XVII в. имелось 608 дворов, 47 вытей, разделенных на 355,5 осмаков⁵⁹ (восьмых долей выти). Согласно указу 1688 г. в подмосковных селах вводилась «большая

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 153; кн. 32, лл. 100, 133; кн. 25, л. 138.

⁵⁶ Там же, кн. 25, л. 138 об.

⁵⁷ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 48.

⁵⁸ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 323.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 36, л. 53.

десятина» и попыталась норма барщины до 8 дес. на выть, или «на осмак по десятине»⁶⁰. На кафедру крестьяне подмосковных сел должны были пахать 378 дес. в поле и, кроме того, уплачивать натуральный оброк — 8 пудов масла, 14 тыс. яиц и лесные орехи с каждой тяглою единицы⁶¹. Как видим, основной формой повинностей здесь была барщина⁶².

Однако и здесь, правда, в менее яркой форме, мы наблюдаем знакомую тенденцию: крестьяне дер. Посниковой, например, вместо барщинных работ уплачивают натуральные хлебные оброки, крестьяне сел Озерецкого, Троицкого-Сельцы, Хлябова выкупают повинность поставлять орехи⁶³. Надо сказать, что села, подобные подмосковным⁶⁴ — исключение в составе патриаршей вотчины. Любопытно, что эта исключительность отмечена в заголовке записной книги № 36 за 1693 — 1696 гг.: «И в которых селах крестьяне оброку не платят, а вместо оброку пашут и сено косят и всякие изделия делают»⁶⁵. Слова «вместо оброку» ясно указывают на то, что именно оброчные обязательства крестьян являлись наиболее прочными в патриаршем хозяйстве, а отход от них к концу XVII в. являлся уже аномалией.

Подмосковные села с их явным преобладанием барщинных повинностей стоят в силу ряда специфических условий как бы в начале пути трансформации ренты; владимирские, юрьевские села и некоторые другие владения проделали на этом пути уже значительное расстояние. И, наконец, существовала группа владений, стоявшая, условно говоря, в конечной точке этого движения. Здесь преимущественно следует говорить о так называемых «оброчных» селах. Характерны в этом смысле патриаршие Баглачевская и Сенежская волости во Владимирском уезде, Вятская — в Костромском, Карашская — Ростовском.

⁶⁰ Там же, кн. 53, л. 1.

⁶¹ Там же, кн. 36, л. 53.

⁶² Крестьяне каждого села и каждой деревни обязаны были также давать определенное количество подвод для перевозки хлеба из отдаленного патриаршего Венева монастыря (там имелась крупная монастырская запашка) в Москву.

⁶³ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 36, лл. 15—16, 31, 44 об., 49.

⁶⁴ По типу повинностей мы относим к ним еще два села: Игнатовское (Дмитровский уезд) и Дмитровское (Звенигородский уезд) (там же, лл. 57 об., 63 об.).

⁶⁵ Там же, кн. 36, л. 1.

В Баглачевской волости (в середине XVII в. здесь было около 400 дворов)⁶⁶ барщина встречается лишь в начале века — в 1614/1615 г. Крестьяне с 8 вытей платили 5 руб. 8 алт. 4 деньги денежного оброка, а также «столовый запас» — мясо и масло⁶⁷. Такие нормы повинности сопутствуют барщине. В это же время крестьяне волости откупились за 8 руб. от уплаты «прикащичьих доходов»⁶⁸, а в 1643/1644 г., кроме того, стали платить по 3 руб. с выти «за пашню, что они пахали в селе Старом Дворе»⁶⁹. Это последнее упоминание о барщине в этом районе. В конце века (1691/1692⁷⁰ — 1692/1693⁷¹ гг.) крестьяне волости платят патриаршей кафедре с 10 вытей 300 руб. денежного оброка, который покрывает прежние отработочные и натуральные повинности и ставит волость в разряд «оброчных».

Примерно такую же эволюцию пережили и крестьянские хозяйства Сенежской волости⁷², уплачивавшие в конце XVII в. кафедре унифицированный денежный оброк 200 руб. с 4 вытей⁷³. Возникшая в волости во второй половине века новоселебная деревня на Сенгу-озере знает уже лишь денежный оброк (10 руб.)⁷⁴.

Патриаршая Вятская волость (Костромской уезд) с ее 373 дворами⁷⁵ и 40 тяглыми вытями⁷⁶ в середине XVII в. знала также лишь денежный оброк. Имеются сведения о том, что уже в 1638 — 1640 гг. оброк жителей с. Вятка и окрестных сел и деревень исчислялся в 288 руб. 14 алт. 2 деньги⁷⁷. Сюда входили все виды денежных платежей, уплачиваемые крестьянами кафедре. В 1643/1644 г. только денежный повытный оброк равнялся здесь 94 руб. 25 алт. 3,5 деньгам⁷⁸. Кроме того, крестьяне обязаны были поставлять 10 человек «деловцов» в подмосковное с. Троицкое. Однако к 1643/1644 г. в соответствии с крес-

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 230, оп. 5, кн. 40, л. 15.

⁶⁷ Там же, ф. 396, столбцы, № 48677, л. 5.

⁶⁸ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 123; ф. 396, столбцы, № 48677. л. 5.

⁶⁹ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 122 об.

⁷⁰ Там же, кн. 60, л. 37 об.

⁷¹ Там же, кн. 25, л. 285 об.

⁷² Там же, кн. 9, л. 127; кн. 60, л. 39 об.

⁷³ Там же, кн. 25, л. 287.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, кн. 40, л. 16 об.

⁷⁶ Там же, кн. 9, л. 143 об.

⁷⁷ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 10, л. 814.

⁷⁸ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 143 об.

тьянским челобитьем от 1637/1638 г., как говорится в одной из записей, «из села Троецкого те деловцы сведены. А велено им (т. е. крестьянам.— А. С.) за тех деловцев платить деньгами по сту по дватцати рублей на год»⁷⁹. В 1676/1677 г. сумма денежных платежей крестьян Вятской волости, в том числе и повытного оброка, исчислялась в 300 руб. в год⁸⁰. Под 1691/1692 г. упоминается, что крестьяне в этом районе за 50 руб. в год выкупают обязанность поставлять подводы в с. Ярымово под домовой хлеб⁸¹. В 1692/1693 г. эти нормы повинностей сохраняются⁸². Таким образом, и в Костромском уезде превалирует тенденция замены многообразных и обременительных повинностей унифицированным денежным оброком.

Но наиболее ярко эта тенденция проявилась в патриаршей Карашской волости (Ростовский уезд). В начале века (1616/1617 г.) с 50 вытей жители волости платили всего 35 руб., «столовый запас», а также особую плату за заготовку дров⁸³. Эти повинности предопределяли наличие барщины. И, как видно из позднейших документов, такое предположение оказывается правомерным⁸⁴. В 1641/1642 г. крестьяне волости платили по-прежнему «столовый запас», поставляли более 100 подвод для перевозки хлеба. Однако барщина охватывала уже не все выти. 10 вытей к этому времени выделяются как оброчные. С них взимается денежный оброк в сумме 56 руб. 18 алт. 5 денег⁸⁵. На рубеже 1642/1643 г. в Карашской волости произошли новые важные перемены в положении крестьян. 8 марта 1643 г. патриарх издал указ⁸⁶, по которому денежный оброк в 1000 руб. в год заменил здесь все другие повинности, в том числе барщину, а патриаршая запашка была распределена между крестьянами⁸⁷.

⁷⁹ Там же, кн. 9, л. 150.

⁸⁰ Там же, кн. 32, л. 94.

⁸¹ Там же, кн. 63, л. 103.

⁸² Там же, кн. 25, л. 132 об.

⁸³ Там же, ф. 396, столбцы, № 48677, л. 9.

⁸⁴ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 138. об. В одной из записей этой книги говорится: «Да Карашские же волости обеих третей крестьяне на обиход святейшего патриарха пахали десятинную пашню и сеяли хлеб оржаной и яровой и сено косили» (там же, л. 138 об.).

⁸⁵ Там же, лл. 137 об., 138.

⁸⁶ Там же, л. 138 об.

⁸⁷ Там же, л. 139 об. В 1676/1677 г. крестьяне уплачивали с 60 вытей лишь 750 руб. оброка, но были обязаны поставлять в

Мы подробно остановились на всех этих фактах, поскольку они позволяют выявить эволюцию ренты. И если теперь в целом сравнить количество «оброчных» сел и тех, где еще имела место барщина, сравнение будет далеко не в пользу последних⁸⁸.

Наконец в различных частях Русского государства были расположены отдельные патриаршие владения как крупные, так и мелкие — либо старые села, либо вновь появившиеся на патриаршей земле деревни. Со второй половины XVII в. источники уже не упоминают в этих владениях десятинной пашни. Оброчные обязательства крестьян были и здесь основными⁸⁹ (см. табл. 1).

другие села до 40 человек на различные сельскохозяйственные работы. В 90-е годы они вновь платят 1000 руб. К этому снова присоединяется обязанность поставлять подводы в с. Ярымово для перевозки хлеба. Однако позднее она заменяется денежным платежом в 100 руб. (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 90; кн. 25, лл. 231, 235, 295).

⁸⁸ К чисто «оброчным» владениям относились также: патриаршая Спасская волость в Нижегородском уезде (села Спасское и Ватраса, в которых насчитывался 461 двор); с. Студенец в Елецком уезде (83 двора), о котором в одной из записей 40-х годов говорится: «Пашни не пашут, а оброки платят»; села Стоянец и Горницы в Кашинском уезде (в обоих селах — 342 двора), крестьяне которых также платят лишь денежные и натуральные оброки, заменяемые к концу века денежным оброком; с. Михайлова Строна в Суздальском уезде (в середине XVII в. — 69 дворов), крестьяне которого еще в 40-х годах несли барщину, а в 90-х платили за все отработанные повинности, подводную повинность денежный оброк в сумме 180 руб.; с. Работки в Нижегородском уезде (в конце века — 60 дворов) поставляет денежный оброк и «хлебный запас» (там же, кн. 32, лл. 25 об., 103—104, 107 об., 285 об.; кн. 25, лл. 142 об., 143 об., 145 об., 289 об., 300; кн. 36, л. 341; кн. 60, лл. 24 об., 91; кн. 9, л. 179; кн. 40, л. 15 об.; кн. 63, л. 92).

⁸⁹ К таким владениям относятся: с. Кошслено (Кашинский уезд), села Лавровка и Соколищи (Нижегородский уезд), с. Спасское (Пошехонский уезд), дер. Белково (Владимирский уезд), деревни Савелково и Петрищево (Московский уезд), дер. Аргуново (Коломенский уезд), дер. Волчиха (Муромский уезд), дер. Поелово (Юрьевско-Польский уезд), дер. Сельна (Каширский уезд), с. Куликово (Костромской уезд). Однако в этих владениях переход от барщины к денежному оброку совершился не сразу. Некоторые данные позволяют утверждать, что и в этой группе изолированных и отдаленных владений вотчины велась настойчивая борьба крестьян за денежный оброк. Так, крестьяне дер. Волчихи (Муромский уезд) несли еще в 1669 г. барщинные повинности вместе с крестьянами Ярымовской волости; в 1676/1677 г. и до конца века они платили уже денежный оброк, идя тем же путем,

Подводя итог, следует сказать, что материалы патриаршего землевладения и хозяйства, охватывающие разнообразные районы страны и посвященные различным хозяйственным единицам, позволяют проследить по всем районам эволюцию феодальной ренты — от барщины в ее самых различных вариантах к натуральному, а затем денежному унифицированному оброку, или, говоря словами К. Маркса, «от крепостничества с барщинным трудом» до «простого оброчного обязательства»⁹⁰. И даже само увеличение барщины и оброчных обязательств крестьян полно глубокого диалектического смысла.

Разработка вопроса о тенденциях трансформации повинностей в XVII в. от барщинных к оброчным, как проявления ослабления крепостнических оков русского крестьянства в рамках феодального способа производства, находится в противоречии с некоторыми положениями, бытующими в нашей исторической литературе⁹¹.

что и крестьяне патриаршей волости. Или другой пример: крестьяне с. Сабурова Новинского монастыря до 1693—1695 гг. несли повинность возить для монастыря дрова (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 718; кн. 32, л. 102; кн. 60, л. 37), в 1694/1695 г. крестьяне били челом, чтобы их, как и крестьян с. Кошелева в Кашинском уезде, вместо этой повинности обложили «дровным оброком», что и было сделано (там же, кн. 69, л. 442—442 об.). Таким образом, и здесь мы видим уже знакомую тенденцию.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

⁹¹ Так, анализируя хозяйство Спасо-Прилуцкого монастыря, Л. С. Прокофьева приходит к выводу, что крестьяне в особо трудные для них годы «выход из тяжелого положения видели подчас в замене отработочной ренты денежным оброком» (Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, стр. 125). В другом месте автор указывает, что попытки монастыря перевести крестьян на денежный оброк не имели успеха, так как барщина была необходима монастырю, расширявшему свое хозяйство, а деньги не представляли для него особой ценности (там же, стр. 114). Мы не собираемся вступать в дискуссию по поводу форм ренты в данном хозяйстве. Важно отметить методологическую неправильность подобной постановки вопроса. На наш взгляд, первое положение неверно тем, что оно по существу отдаст предпочтение в смысле уровня развития хозяйству с барщинным трудом перед хозяйством с денежным оброком. Второе положение вызывает сомнение тем, что учитывает при эволюции ренты лишь волю феодальной организации без какого бы то ни было анализа интересов и тенденций развития крестьянского хозяйства, которое, конечно, развивалось в соответствии с общими сдвигами в экономике страны, данного района и уж, конечно, не эволюционировало строго по указке феодала. Здесь мы встречаемся с явной переоценкой субъективных факторов и недооценкой общих эко-

Таблица 1

Данные о формах ренты во владениях патриаршей кафедры в XVII в.*

	1614/1615 г.			1643/1644 г.			80-е годы XVII в.		
	барщина	денежный и натуральный оброк	смешанная форма ренты	барщина	денежный и натуральный оброк	смешанная форма ренты	барщина	денежный и натуральный оброк	смешанная форма ренты
Села									
Сеславское (Владимировский у.)	+	—	—	+	—	—	—	—	+
Порецкое »	+	—	—	+	—	—	—	—	+
Опасокое »	+	—	—	+	—	—	—	+	—
Яновец »	+	—	—	+	—	—	—	+	—
Ногословское »	+	—	—	+	—	—	—	—	+
Павловское »	+	—	—	+	—	—	—	+	—
Бродницы »	+	—	—	+	—	—	—	+	—
Романовское (Переяславский у.)	+	—	—	+	—	—	—	+	—
Владыкино (Московский у.)	+	—	—	+	—	—	+	—	—
Игнатовское (Дмитровский у.)	+	—	—	+	—	—	+	—	—
Озерецкое (Моекоский у.)	+	—	—	+	—	—	+	—	—
Трицкое-Сельцы »	+	—	—	+	—	—	+	—	—
Трицкое-Голенищево »	+	—	—	+	—	—	+	—	—
Нушкино »	+	—	—	+	—	—	+	—	—
Посниково »	+	—	—	+	—	—	—	+	—
Ильинское (Юрьевский у.)	+	—	—	+	—	—	—	—	+

Таблица 1 (окончание)

	1614/1615 г.			1643/1644 г.			80-е годы XVII в.		
	барщина	денежный и натуральный оброк	смешанная форма ренты	барщина	денежный и натуральный оброк	смешанная форма ренты	барщина	денежный и натуральный оброк	смешанная форма ренты
Ярымово (Муромский у.)	+	—	—	+	—	—	—	+	—
Дмитровское (Звенигородский у.)	+	—	—	+	—	—	+	—	—
Волости									
Варвужская (Двинский у.)	+	—	—	—	+	—	—	+	—
Багачевская (Владимирский у.)	+	—	—	—	+	—	—	+	—
Вятская (Костромской у.)	+	—	—	—	+	—	—	+	—
Чуровская (Белозерский у.)	+	—	—	—	+	—	—	+	—
Ковская »	+	—	—	—	—	+	—	+	—
Карашская (Ростовский у.)	+	—	—	—	+	—	—	+	—

*По остальным владениям имеются данные лишь за вторую половину XVII в. (19 сел и кружных деревень в различных уездах). Все они были в это время уже на оброке. Таким образом, из 43 учтенных владений, являющихся самостоятельными административными единицами, к которым «тянуло» великое множество более мелких сел, деревень, починов, сохранивших те же формы ренты, что и административный центр, к концу XVII в. на барщине осталось лишь 7 владений, а 4 сохранилась смешанная форма ренты (барщина, денежный и натуральный оброк) и в 32 дсминрующей являлось денежные и натуральные оброки. Произошло четкое размежевание районов на оброчные и барщинные. (Таблица составлена на основании данных: ф. 236, оп. 5, кн. 9, 25, 32, 36, 53, 60; ф. 396, столбцы, № 48677.)

Какие возможности для трактовки этого вопроса дают материалы патриаршей вотчины?

До нас дошло несколько известий первой четверти XVII в. об отношении крестьян к тем или иным формам феодальных повинностей. Это были тяжелые для Русского государства годы. Не были залечены раны, нанесенные народному хозяйству польско-шведской интервенцией. Медленно поднимались к жизни русские села и деревни. Именно к этому периоду относятся крестьянские челобитные о переводе с денежного оброка на барщину. В условиях слабо развитого собственного хозяйства, недостаточной связи последнего с рынком, натурализации различных его сторон, барщина как форма ренты, выражавшая простейший и наиболее количественно ограниченный вид прибавочного труда, являлась для крестьян своеобразной панацеей. Крестьяне Чюровской волости, например, в 1616/1617 г. били челом кафедре о переводе их с денежного оброка на барщину (они должны были вместо денежных платежей «бить ез», т. е. выполнять повинности, связанные с рыбной ловлей). А вот и аргументация: «Для бедности и скудности»⁹². В 1614/1615 г. жители московской Берешковской слободы «за оброк» возили на патриарший двор сено⁹³. В 1618 г. власти патриаршего Нижегородского Благовещенского монастыря настойчиво добивались перевода крестьян с. Плотинский Враг с оброка на барщину, мотивируя это тем, что монастырю «опричь того села... прокормиться нечем»⁹⁴. Подобные факты отмечены и для середины века: крестьяне с. Романовского просили у кафедры в 1668 г. «дать срок» с уплатой денежного оброка; патриарх пошел им навстречу, однако, отсрочив уплату денежного оброка как наиболее трудную форму повинностей, приказал заплатить более легкий «хлебный оброк»⁹⁵. В конце века

номических тенденций. Эмпирически, но, несомненно, более правильно подходил к характеристике первого из указанных положений Н. Никольский. «Иаделье,— писал он,— равномерное хлебному оброку и не зависящее от урожая, должно было в тяжелые годы экономического кризиса конца XVI в. казаться монастырскому крестьянину одною из желательных форм тягла, формою менее разорительною, чем уплата оброчного хлеба» (Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I. СПб., 1910, стр. 75)

⁹² ЦГАДА, ф. 396, столбцы, № 48677, л. 9.

⁹³ Там же, лл. 9, 10, 40.

⁹⁴ ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1621, лл. 98 об.— 101 об.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 684.

кафедра видит в унифицировании повинностей и переводе крестьян подмосковных вотчин с различных натуральных оброков на денежный оброк средство подъема крестьянского хозяйства и тем самым укрепления своего феодального хозяйства⁹⁶.

С другой стороны, те крестьяне, которые имели возможность для уплаты денежного оброка, как это было в с. Тарки Ярымовской волости (Муромский уезд в 1694 г.), настойчиво протестуют против всяких попыток привлечь их к «издельным повинностям» вместо оброка или помимо него⁹⁷.

Барщина сопутствует примитивному уровню хозяйства и большей зависимости личности крестьянина от феодала, чем хозяйство, обложенное денежным оброком, и она предпочтительна для крестьян именно при примитивном уровне развития крестьянского хозяйства. По мере его развития барщина становится весьма обременительной для крестьян, и переход на денежный оброк воспринимается ими как несомненное облегчение их положения. Между тем денежный оброк был порой непосильным бременем для слабо развитого крестьянского хозяйства, не связанного с рынком. Утверждать, была ли барщина или денежный оброк в том или ином случае явлением, отражавшим усиление эксплуатации, дальнейшее закрепощение крестьян, можно лишь на основе детального изучения динамики хозяйства как феодала, так и крестьянина и всех компонентов, которые характеризуют эту динамику.

Могучим регулятором эволюции ренты являлась классовая борьба крестьянства. Если для более раннего периода времени (XIV—XV вв.), как отмечал Л. В. Черепнин, одной из важных форм ее была борьба за фиксированную ренту⁹⁸, то позднее, начиная с XVII в., т. е. в период важных перемен в русской экономике, можно наблюдать четко выраженную борьбу против барщинных повинностей, за оброк. Одновременно с этим крестьяне не прекращали борьбы против всех форм повинностей, в том числе и против повышавшегося денежного оброка. Все это сплеталось воедино, образуя сложные узлы противоречий, которые также необходимо учитывать при анализе эволюции ренты.

⁹⁶ ГИМ, Синодальные списки, № 1435.

⁹⁷ Там же, № 1476.

⁹⁸ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 277.

В связи с этим закономерно возникает вопрос: чем же вызывалась эволюция ренты? Обычно, но и едва ли правильно связывают появление денежной ренты с уплатой крестьянами денежного оброка феодалу, иными словами — запросами феодального хозяйства, потребностями феодала и т. п. Более правильна, на наш взгляд, обратная причинная связь этих явлений: потребность в переходе к денежной ренте возникает в силу определенных экономических условий и прежде всего достаточного уровня развития в том или ином районе, как и в государстве в целом, товарно-денежных отношений.

В том случае, когда феодальные собственники при изменившихся условиях пытались увеличить свои прибыли путем расширения барщины, это приходило в резкое противоречие с интересами крестьян, и тогда все определялось степенью сопротивления последних и хозяйственными расчетами самого феодала, учитывающего это сопротивление как отражение хозяйственных устремлений крестьянства.

Если с этих позиций взглянуть на патриаршую вотчину, то можно заметить, что «оброчные» села расположены в районах, где уровень развития товарно-денежных отношений был достаточно высоким и где хозяйство двигалось вперед по сравнению с другими районами довольно быстрыми темпами. Возьмем Карашскую волость. Здесь в 1643/1644 г. было 532 двора⁹⁹, а в 1694 г. эта цифра вырастает до 936¹⁰⁰. Быстрый рост населения идет в этих местах рука об руку с развитием товарно-денежных отношений. О наличии торжка в Карашской слободке еще в XVI в. писал С. Б. Веселовский¹⁰¹. Имеются сведения о значительном развитии в волости с 30-х годов XVII в. торговли. Так, в одной из приходо-расходных книг кафедры от 1638/1639 г. записано, что с волости собирается таможенный сбор, который в это время за 156 руб. был на откупе у некоего Ивашки Ванютина¹⁰². В 40-е годы крестьяне волости берут сбор пошлин в свои руки и все, что собирается «таможенных и проезжих, и мостовых и всяких пошлин», и с «шалашей и с полков оброку» платят сами в Москве¹⁰³. В то же время

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 16.

¹⁰⁰ Там же, кн. 48, лл. 143, 243 об.

¹⁰¹ С. Б. Веселовский. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М., 1927, стр. 24.

¹⁰² ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 10, лл. 812 об.— 813.

¹⁰³ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 141 об.

крестьяне держат на оброке рыбные ловли на р. Нерли и в близлежащих озерах¹⁰⁴. В 90-е годы в волости собирается уже 164 руб. таможенных сборов¹⁰⁵. Большей размах приобретают здесь аренды земель как отдельными крестьянами, так и крестьянскими общинами.

Подобные же процессы происходили и в перешедшей к оброку Вятской волости. В начале века здесь был 201 двор¹⁰⁶. В 1645/1646 г. насчитывалось уже 373 двора¹⁰⁷. По видимому, этот рост населения происходил и позже. В 40-х годах в волости получают значительное развитие торговля, ремесло (лавки, соляные места, кузницы). Сумма годового таможенного сбора достигала 125 руб.¹⁰⁸ Была развита здесь и «хлебная продажа»¹⁰⁹. В 30—70-е годы крестьяне волости держали на оброке патриаршие сенокосы¹¹⁰. В источниках зафиксирован факт продажи в 1680 г. крестьянином дер. Окатово этой же волости крестьянину В. Филатову «пашенного жеребья» с угодьями¹¹¹. Здесь земля становится объектом купли-продажи между крестьянами. Дошли до нас сведения и о борьбе крестьян за тяглую землю¹¹². Конечно, в этих условиях переход к денежному оброку был логичным явлением.

В Варзужской волости (Двинский уезд), где также наблюдается замена барщинных и натуральных повинностей денежным оброком, начиная с 30-х годов XVII в. и до конца века, таможенные торговые сборы и «амбарные» пошлины занимают видное место среди других приходных статей кафедр¹¹³. Крестьяне платят оброк и за рыбные ловли¹¹⁴.

Такие же процессы происходили и в других оброчных владениях кафедр — Баглачевской и Сенежской волостях Владимирского уезда, где широкий размах приобретают аренды земель, рыбных ловель; в Сласской во-

¹⁰⁴ Там же, лл. 171—172.

¹⁰⁵ Там же, кн. 60, л. 47 об.

¹⁰⁶ Там же, ф. 396, столбцы, № 48677, л. 9.

¹⁰⁷ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 16 об.

¹⁰⁸ Там же, кн. 9, л. 145; ф. 235, он. 2, кн. 10, лл. 813 об.—814.

¹⁰⁹ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 23.

¹¹⁰ Там же, кн. 32, л. 94; кн. 9, л. 144 об.

¹¹¹ Там же, кн. 40, л. 159.

¹¹² Там же, л. 411.

¹¹³ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 10, л. 814; ф. 236 оп. 5, кн. 9, л. 183; кн. 25, л. 302 об.

¹¹⁴ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 113.

лости Нижегородского уезда в отдельных оброчных селах ¹¹⁵.

Таким образом, переход в том или ином районе к денежной ренте, как видим, сопровождался развитием торговли, бурной «арендной» деятельностью крестьянства, его расслоением. Были ли все эти процессы вызваны переходом крестьян к денежной ренте под давлением феодальной организации? Конечно, нет. Напротив, именно эти явления, являвшиеся следствием общих экономических сдвигов в стране, создали основу и сделали желательным для крестьян переход к денежной ренте. В данном случае кафедра, идя крестьянам навстречу, руководствовалась чисто экономическим резонансом.

Подобные же явления, однако в менее яркой форме наблюдались и в тех районах, где еще имела место барщина и натуральные оброки, но где также частичный переход к денежной ренте был велением времени. К таким владениям относятся патриаршие владимирские села, подмосковные и переяславские владения и т. д. Одни из них были втянуты в рыночные отношения; в других большое значение получили земельные аренды и не только общинные, но и индивидуальные. Массовость земельных аренд в XVII в. невольно приводит к мысли, что это был своеобразный ответ на увеличение барской запашки за счет крестьянских земель.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 21; кн. 25, л. 145 об.; кн. 32, лл. 107, 107 об.; кн. 63, л. 92. Показательным в этом отношении являлось с. Работки (Нижегородский уезд), здесь в 1652/1653 г. было 44 двора, в 1676/1677 г. количество дворов увеличивается до 60, а к концу века — до 89. Во второй половине XVII в. жители Работок платили кафедре таможенный сбор от 115 до 131 руб. в год, который собирали сами, «верными головами». Для этого села отмечены многочисленные случаи земельных аренд отдельными разбогатевшими крестьянами (там же, кн. 40, л. 21; кн. 25, л. 145 об.; кн. 32, л. 107—107 об.; кн. 63, л. 92).

4. Развитие отходничества

С проблемой эволюции ренты в XVII в. тесно связан вопрос о крестьянском отходе, о перемещении сельского населения. Эволюция форм ренты под воздействием развивающихся товарно-денежных отношений в стране, все более тесная связь крестьян с рынком, расширявшиеся возможности для приложения их инициативы — все это неминуемо должно было привести к увеличению подвижности населения, ко все меньшей зависимости крепостного крестьянства от феодальных собственников. В этом смысле важное методологическое значение имеют положения В. И. Ленина об отходничестве в период развивающегося в России земельного капитализма в XIX в. «Отход в города, — писал В. И. Ленин, — повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях»¹. В другом месте В. И. Ленин объяснял отход крестьянства в иные районы тем, что они шли «туда, где лучше», уходили от «полусвободного» труда к свободному². В условиях XVII в., разумеется, не может быть и речи о движении от «полусвободного» труда к «свободному», о «гражданской личности» крестьянина и т. д., но вместе с тем важно отметить, что именно в то время намечаются те линии развития отхода, которые в дальнейшем приобретают определенные черты капиталистического развития русской деревни. В XVII в. отход не был капиталистичес-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 577.

² См. там же, стр. 233.

ким, а носил переходный характер, поскольку и формы его и связь отходников с феодальным собственником, и их положение в тех местах, где они оседали, и отношение к этому явлению феодального законодательства и правительственной практики указывают, что оно было связано еще крепкими нитями с феодально-крепостным строем. Вместе с тем как денежная рента ставила деревню в отношения, более близкие к развивающемуся капитализму, так и отход в XVII в. готовил традиции и практику будущего капиталистического отходничества.

В некоторых работах³ развитие юридических норм крепостного права, вплоть до Уложения 1649 г., которое само часто представляется в качестве некоего окончательного «приговора» русскому крестьянству, принимается за действительное положение русской деревни. Мало внимания обращается на противоречия, которые неизменно возникают между феодальным правом, консервирующим сложившиеся к какому-то моменту производственные отношения, и всем ходом социально-экономического развития общества, опровергающим эту юридическую практику. Упускается из виду, что надстройка может лишь замедлить или ускорить социально-экономическое развитие общества, но не в состоянии остановить или повернуть его вспять. В связи с этим остается нерешенным целый ряд важных проблем: каким образом развитие торговли, ремесла, вольного найма и т. д. подтачивало те отношения, которые так старательно освящало крепостное законодательство, и не становилось ли это законодательство с течением времени в какой-то степени архаическим для перешагивающих его явлений в социально-экономической жизни страны. Истинную картину может дать лишь учет обеих затронутых тенденций, их борьба между собой.

Первая из указанных тенденций — «крепостническая» — достаточно разработана в нашей литературе. Поэтому основное внимание мы уделим характеристике другой тенденции. При этом необходимо заметить, что в самом законодательстве о прикреплении крестьян к земле есть серьезные противоречия, которые указывают на то, что оно в какой-то мере отражало противоречивые

³ См., например: А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. Л., 1962, стр. 179—180.

черты тогдашней социально-экономической жизни России. Примером может служить само Уложение 1649 г., где наряду со статьями, оформившими «окончание процесса закрепощения»⁴, была и известная статья 32: «А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися в работу по записям и без записей повольно...»⁵ Комментарий к этой статье учитывает лишь одну сторону: «Здесь охраняется собственность феодала на крепостного крестьянина», который не может распоряжаться свободно своей судьбой⁶. В связи с этим хочется обратить внимание на следующее: в статье 32 вопреки, казалось бы, вечному прикреплению крестьян к земле мы имеем санкцию на довольно свободное передвижение сельского населения, на перемену им своих занятий. Речь идет о «законном» уходе крестьянина для заработка, что в условиях развивающейся оброчной системы было делом неизбежным.

Противоречиво и законодательство, относившееся к прикреплению населения к посадам. В конце концов, несмотря на «окончание процесса закрепощения», правительство вынуждено было допустить, чтобы воздух города делал человека более свободным, ибо это отвечало интересам экономического развития Русского государства⁷.

На значительное передвижение населения в Русском государстве XVII в. в той или иной связи указывали многие исследователи. О начале формирования в XVII в. предпролетариата из крестьян-отходников писал Н. М. Дружинин⁸. О тысячах крестьян, уходивших в XVII—XVIII вв. на промысел и нанимавшихся на работу в городах, говорила М. В. Нечкина⁹. О развитии отходничества крестьян

⁴ «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича». — «Памятники русского права», вып. 6. М., 1957, стр. 174, комментарии к гл. XI.

⁵ Там же, гл. XI, ст. 32, стр. 173.

⁶ «Соборное Уложение...», стр. 182.

⁷ Об этих колебаниях правительственной практики и отношении посада см.: А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 269; он же. К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII и XVIII веков. — «Археографический ежегодник за 1958 г.», М., 1960, стр. 356.

⁸ Н. М. Дружинин. Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации. — «Вопросы формирования русской народности и нации». М. — Л., 1958, стр. 199.

⁹ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. — «Вопросы истории», 1958, № 7, стр. 107.

в XVII—XVIII вв. писал Л. В. Черепнин¹⁰. С. Г. Струмилин отмечал быстрый рост числа городов и городского населения в России с середины XVI в.¹¹, что не могло не быть связано с общим движением сельского населения. Об обмене населением Замосковья с соседними областями писал Ю. В. Готье¹². На массовый характер отходничества крестьян в XVII в. указывают обобщившие большой историографический материал Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Они связывают отходничество с развитием наемного труда¹³. Н. А. Горская выделяет среди тех, кто уходил в наем по «жилым записям», оброчных владельческих крестьян¹⁴.

В отдельных работах затрагивалась проблема крестьянского отхода в связи с изучением развития промыслов, ремесла, торговли в различных районах Русского государства. И. В. Степанов, анализирувавший применение наемного труда и формирование армии работных людей в Поволжье, на рыбных и соляных промыслах, а также на транспорте, приходит к выводу, что основная масса наемных людей была крестьянами, уходившими из приволжских уездов¹⁵. А. А. Новосельский говорит о значительном движении населения в Комарицкую волость, где было много свободных земель¹⁶. Существенный вклад в разработку этого вопроса внесли исследователи северных чернососных районов. Еще М. А. Дьяконов отмечал, что в поморских уездах правительство, с одной стороны, тщательно следило за прикреплением тяглых людей к месту жительства, с другой — допускало, чтобы из их числа пополнялся класс

¹⁰ Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1955, стр. 32.

¹¹ С. Г. Струмилин. Экономическая природа первых русских мануфактур.— «Вопросы истории», 1948, № 6, стр. 60.

¹² Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1937, стр. 178.

¹³ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв.— «История СССР», 1962, № 3, стр. 95—96.

¹⁴ Н. А. Горская. Жилые записи (к истории найма в XVII в.).— «История СССР», 1963, № 5, стр. 72, 78.

¹⁵ И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.— «Исторические записки», т. 36, стр. 142, 147, 153, 155.

¹⁶ А. А. Новосельский. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в.— «К 75-летию академика Николая Михайловича Дружинина». М., 1961, стр. 73—74.

половников и крестьян-подрядчиков¹⁷. Н. В. Устюгов убедительно показал, что движение сельского населения на посадки в Поморье приняло систематический и широкий характер, в этот процесс было втянуто не только черносошное, но также вотчинное и поместное крестьянство¹⁸. Временами, указывал он, процент отходников в Яренском уезде составлял 12—15% всего населения района¹⁹. Говоря о скапливании работных людей в Устюге Великом во второй четверти XVII в., А. Ц. Мерзон замечал, что многие из них были выходцами из деревень²⁰. 3334 крестьянина 42 волостей торговали на Устюжском посаде в период 1633/1634 — 1649/1650 г.²¹ Дальнейшее развитие этой тенденции отмечал и Ю. А. Тихонов²². Он же указывал и на широкий отход посадских людей из Устюга Великого и уезда в промышленный центр Поморья — Соль-Камскую²³. Ю. А. Тихонов приходит к важному, на наш взгляд, заключению, что факты большей свободы передвижения крестьян, выбора ими занятий и т. д. отчетливо свидетельствуют о смягчении форм феодальной зависимости черносошных крестьян в этом районе²⁴.

Таким образом, в нашей исторической литературе сложилось суждение о содержании и масштабах отходничества XVII в. как массового явления, связанного с развитием промыслов, торговли, ремесла, ростом городов, наемного труда. Конечно, этот отход ни в коем случае не означал избавления крестьян от феодальной эксплуатации, поскольку крепостнические отношения шли за ними по пятам в те сферы, куда проникали отходники, но ослабление этой

¹⁷ М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 150.

¹⁸ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли-Камской в XVII веке. М., 1957, стр. 147—148, 189; он же. Работные люди на Оухоню-Двинском водном пути в первой половине XVII в.— «Исторические записки», т. 6, стр. 170.

¹⁹ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.— «История СССР», 1961, № 6, стр. 75.

²⁰ А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в XVII в. М., 1960, стр. 116.

²¹ Там же, стр. 149—150. Таблица.

²² Там же, стр. 612—613. Табл. 23.

²³ Ю. А. Тихонов. Работа по найму и отход на заработки посадских людей Устюга Великого и крестьян Устюжского уезда в 50—70-х годах XVII века.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России». М., 1958, стр. 80.

²⁴ Там же, стр. 84.

эксплуатации вследствие возможности для крестьянина уйти, скажем, в область найма — вне всякого сомнения.

В методологическом плане интересно поставить вопрос о том, какое значение в складывании традиций отходничества имели кратковременные отлучки крестьян из владений феодальных собственников в сферу торговли. Эта проблема давно занимала исследователей. Так, К. Н. Щепетов сделал вывод, что вовлечение крестьян в торгово-промышленную деятельность, их участие в торжках, ярмарках усиливало общее движение населения, в том числе в пределах феодальной вотчины²⁵. На длительное отсутствие крестьян, поставлявших зерно в Устюг Великий, указывал Ю. А. Тихонов²⁶. О таких же фактах рассказывают Н. И. Привалова, Е. В. Чистякова, К. Г. Митяев²⁷. О широком участии крестьян в московском торге пишет С. И. Сакович²⁸. О крупной роли крестьян в формировании сельских торжков и ярмарок свидетельствовал С. В. Бахрушин, приводя факты о том, что и крестьяне и вотчинники довольно свободно смотрели на проблему отъезда в торг на сравнительно долгое время²⁹. При анализе этих данных складывается впечатление, что отъезды крестьян для торговых операций на дальние расстояния при примитивном состоянии тогдашнего транспорта (что определяло их длительное отсутствие) были одной из начальных и простейших форм отхода, подготавливая традиции более длительного и широкого отхода в иные сферы.

До сих пор мы не затрагивали вопроса о широком бегстве крестьян в XVII в. Данные, приведенные многими авторами³⁰, свидетельствуют о том, что, пожалуй, не было

²⁵ К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России», стр. 72.

²⁶ Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого.— «Исторические записки», т. 30, стр. 213.

²⁷ Н. И. Привалова. Торги гор. Касимова в середине XVII в.— «Исторические записки», т. 21, стр. 110; Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в.— «Исторические записки», т. 34, стр. 205; К. Г. Митяев. Обороты и торговые связи смоленского рынка в 70-х годах XVII века.— «Исторические записки», т. 13, стр. 65.

²⁸ С. И. Сакович. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в.— «Исторические записки», т. 20, стр. 139, 145.

²⁹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I. М., 1952, стр. 188.

³⁰ См., например: В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946;

такого района, где бы ни отмечались факты крестьянских побегов. Они достигали таких масштабов, что порой некоторые исследователи произвольно отождествляют термины «отлив» населения, «выход» и «побеги»³¹. В связи с этим заслуживает внимания интересное замечание А. А. Новосельского: «В отношении всего этого движения термины „побеги“ и „беглые“ имеют лишь формальное историко-юридическое основание, но не отражают существа процесса. Происходило выселение, уход, часто совершенно открытый, организуемый хозяйственно и предусматривающий различные возможности устройства на месте нового поселения»³².

Несомненно одно, что бегство крестьян нужно рассматривать не только с позиций «усиления крепостничества» и борьбы крестьян против этого «усиления», но и с точки зрения широкого движения населения в города, в осваиваемые районы, на заработки, что соответствовало развитию «новых явлений» в Русском государстве XVII в., бороться с которыми правительство, по-видимому, было не в силах.

Что касается направления бегства, то на этот счет разногласий нет: крестьяне бежали в основном от феодальных собственников туда, где феодальная зависимость была слабее. Что касается отходничества, то, как свидетельствуют авторы одной из обобщающих работ, основную массу его, «по имеющимся сведениям, давала черносошная и дворцовая деревня»³³. Вотчина остается как бы вне этого процесса. Данные патриаршего землевладения и хозяй-

А. А. Преображенский. Сыск беглых на Урале в 1671 г.— «Из истории Урала». Свердловск, 1961; А. Г. Маньков. Указ. соч.; Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959; А. П. Пронштейн. Характер и особенности заселения Донского края в XVIII в.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1960, № 1; Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении черносошной деревни XVII в.; Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России.— «Исторические записки», т. 54.

³¹ См., например: Л. С. Прокофьева. Указ. соч., стр. 110—112.

³² А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века.— «Исторические записки», т. 16, стр. 58.

³³ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 91.

ства позволяют внести в это суждение некоторые коррективы.

Известную ценность в этом смысле представляет книга 62 патриаршего Дворцового приказа³⁴, содержащая запись поступления оброчных платежей от патриарших крестьян и бобылей, уходивших на отход в Москву³⁵. Эта книга охватывает период с 1691 по 1697 г. Однако по некоторым данным, содержащимся в ней и в других документах, можно предположить, что отходничество крестьян из патриаршей вотчины в Москву и иные города вовсе не ограничивается последним десятилетием XVII в. Так, от 1674 г. у нас есть сведения о некоем Макушке Рудомете из патриаршей Осташковской слободы, который «кормится на Москве ремеслом своим» и платит кафедре в год 1,5 руб. оброка³⁶. Под 1681 г. в одном из документов упоминается «крестьянин» подмонастырской слободы патриаршего Троице-Нерльского монастыря, который дал на себя запись некоему Петру Мыльнику из Казенной слободы в том, что «он по своей воле пошел к нему в дом жить впредь на четыре года и учителя свешного и воскового и мыльного дела»³⁷. К тому же времени относится известие об удовлетворении кафедрой челобития двух крестьян Сенежской волости, которые просили «жить на Москве, кормитца работою своею» и платить оброк³⁸. Сохранились данные об отходе в Москву в те годы крестьян Карашской³⁹ и Вятской⁴⁰ волостей. Обыденность этого явления, которая сквозит в записях, устоявшаяся форма отхода, связанная с крестьянским челобитьем, указывают на привычность как для крестьян, так и для феодальной организации этого явления. Наконец о значительной давности и традиционности отхода говорит и тот факт, что к 1691 г., когда кафедра потребовала переписать всех ее крестьян,

³⁴ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5.

³⁵ До л. 35 записи имеют вид четкого формуляра: 1) имя отходника, 2) род его занятий в Москве, 3) указание прежнего места жительства, 4) норма оброка, 5) сведения о его уплате, 6) сведения о поручителях. Начиная с л. 35 характер формуляра утрачивается, и далее идут записи патриарших крестьян — новых оброчников, появившихся в Москве.

³⁶ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 22.

³⁷ Там же, кн. 40, л. 184.

³⁸ Там же, л. 193.

³⁹ Там же, л. 173.

⁴⁰ Там же, л. 286.

живших в Москве на оброке, здесь их насчитывалось 177 человек. Заметим, что это только учтенные отходники. Судя по годам, следующим после 1691 г., когда приток крестьян из вотчины в Москву продолжался, можно ретроспективно представить себе ход процесса: обычно в год из села уходило по 2—3 человека. И если, скажем, к 1697 г. из какого-то села в Москве сосредоточилось 20—25 человек, это вполне может вернуть нас к исходному пункту движения, т. е. на 8—10 лет назад, что приведет к рубежу 80—90-х годов. Таким образом, распространение во владениях патриаршей кафедры отходничества и тенденции к переходу на денежный оброк по времени примерно совпадает: конец 70-х — 80-е годы XVII в. Эта косвенная связь двух явлений, несомненно, заслуживает внимания. Их одновременность наводит на мысль о том, что эволюция феодальной ренты в сторону денежного оброка являлась одним из факторов расширения отхода крестьянства, складывания «антикрепостнических» тенденций в области отношений непосредственных производителей и феодальных собственников, тенденций, которые развивались вопреки крепостническому законодательству и крепостнической практике того времени.

177 человек, конечно, немного для вотчины, располагавшей несколькими тысячами «душ». Однако необходимо помнить, что этот отход в основном произошел за сравнительно короткий промежуток времени — 10—15 лет и что он характерен для многих владений вотчины, где налицо была тенденция перевода крестьян на денежный оброк, и, наконец, что наибольшее количество отходников, за редким исключением, падает на «оброчные» села и волости и, напротив, наименьшее — на те районы, где значительное место занимала барщина⁴¹ (см. табл. 2).

Естественно, что притягательными центрами для патриарших оброчных крестьян тех или иных уездов являлась не только Москва, но и такие города, как Владимир, Кострома, Нижний Новгород. Например, отмечается быстрый рост во второй половине XVII в. патриаршей сло-

⁴¹ Эти данные, разумеется, не исчерпывают цифры отходников в патриаршей вотчине. Есть, например, сведения о наличии в 50—60-е годы среди жителей торгового с. Медиа Новоторжского уезда «патриарших крестьян» (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 14, л. 55 об.).

Таблица 2

Данные об отходниках из патриарших владений в Москве
в конце XVII в. *

Прежнее место жительства	Число отходников	Форма повинностей на прежнем месте жительства
Село Озерецкое (Московский у.)	35	Барщина
Баглачевская волость (Владимирский у.)	24	Оброк
Сенежская волость (Владимирский у.)	24	»
Вятская волость (Костромской у.)	13	»
Село Дмитровское (Звенигородский у.)	17	Смешанная форма повинностей
Юрьевские села	10	То же
Осташковская слобода	20	Оброк
Карашская волость (Ростовский у.)	5	»
Село Михайлова Строна (Суздальский у.)	7	»
Из владений монастыря Покровского и Троицкого Нерльского (Владимирский у.)	10	»
Село Хавково (Тульский у.), владение Веневского монастыря	2	Смешанная форма повинностей
Село Романовское (Переяславский у.)	2	То же
Село Спасское (Владимирский у.)	2	Оброк
Село Богословское »	2	»
Село Порецкое (Московский у.)	1	Барщина
Село Пушкино »	1	»
Дер. Посняково »	1	Оброк
Белозерские владения	1	»

* Если мы попытаемся определить процент отходников из различных владений в зависимости от утвердившейся там формы ренты, то цифры будут следующие: на оброчные владения и владения со смешанной формой ренты падает 78%, а на барщинные владения лишь 21,4%. Если же учесть, что эти 21,4% в основном приходятся на отходников с Озерецкого (35 человек), причину чего следует искать, видимо, в каких-то специфических условиях, сложившихся в этом владении между крестьянами и патриаршей кафедрой, то следует признать, что процент отходников из других барщинных владений вотчины ничтожно мал. (Таблица составлена на основании данных: ф. 236, оп. 5, кн. 62.)

бодки на Костроме⁴², патриаршей «Лопатничьей слободки» с патриаршими оброчниками во Владимире⁴³. Наконец некоторые другие материалы позволяют расширить данные как о масштабах отхода в Москву, так и о территории патриарших владений, захваченных этим движением⁴⁴.

Большинство ушедших в отход крестьян платило кафедре небольшой ежегодный оброк 10—13 алт., реже — 1 руб. и больше. Эти цифры как выражение материального состояния оброчников могут сказать нам не только об их положении в городе, но и о том, с каким материальным потенциалом шли они в отход. Основная масса оброчников-отходников уходила в город от нищеты и «скудости» деревенской жизни. Так, в указе патриарха Адриана от 1697 г., появившемся в результате поданной патриарху докладной записки о причинах оскудения крестьян в патриарших вотчинах и отходе крестьян в Москву, говорится, что «иные многие крестьяне из вотчин вон вышли» «из-за доимок» и «скудости»⁴⁵. О сравнительно низком материальном уровне основной массы отходников говорят и мизерные цифры оброчной платы, которые, как правило, отражают имущественное лицо крестьянина. Об этом же свидетельствует и род занятий этой части отходников, преимущественно — это люди, нашедшие себе применение в сфере наемного труда. Они «торгуют в найме», «делают кузнечное», «кормятся портным мастерством», «работают серебряную работу», «работают черную работу», «кормятся черной работой», «делают кирпичное», «делают ножевое», «делают крашенинное в наймех», «извозничают из найму», «сидят в работниках», «плотничают» и т. д. Это наемные люди, подвигающиеся в сфере ремесла, торговли, извоза.

Значительно меньшая часть отходников, единицы их, платила относительно большой денежный оброк от 1 до

⁴² За 20 лет (с 1662/1643 по 1662/1663 гг.) ее размеры выросли с 29 до 39 дворов (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 19, лл. 222, 481; кн. 55, л. 116 об.; ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 95 об.; кн. 63, л. 104 об.).

⁴³ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 121.

⁴⁴ Под 1697/1698 г. упоминаются жившие в Москве патриаршие оброчники из Чуровской волости, Бережковской слободы, сел Игнатовского, Троицкого-Сельцы, Троицкого-Голенищева, из владений патриаршего Череповецкого Воскресенского монастыря (Белозерский уезд) (там же, кн. 84, лл. 55 об. — 57, 58, 205).

⁴⁵ ГИМ, Синодальные списки, № 1409.

5 руб. в год. Как правило, такие суммы оброка связаны с несколько иным родом занятий, чем у основной массы отходников. Зажиточные оброчники оседали в сфере самостоятельной торговли, или, говоря современным языком, заводили собственное дело. Оброк в 5 руб. платил торгующий лесом крестьянин патриаршего Покровского монастыря⁴⁶, 2 руб. — выходец из патриаршей Осташковской слободы, торгующий «всякими товарами»⁴⁷, 5 руб. платили отец и два сына — выходцы из с. Михайлова Сторона. Отец «делает... скорняшное», а сыновья — один «торгует мехами», а другой «сидит... в ветошном ряду»⁴⁸. Крестьянин с. Дмитровского И. Прокофьев за 2,5 руб. нанял в Москве лавку за Арбатскими воротами. Поручились за него крестьяне того же села⁴⁹.

Таким образом, отход из патриарших владений, видимо, шел с двух экономически полярно противоположных сторон: уходила беднейшая часть сельского населения, находившая применение в сфере наемного труда, и разбогатевшие крестьяне, видевшие в «городских» занятиях основу для расширения своей предпринимательской деятельности. В этом убеждает и тот факт, что подавляющее большинство бедных отходников — это люди, охарактеризованные в источниках термином «крестьянские дети». Не вдаваясь здесь в дискуссию по поводу толкования этого термина⁵⁰, отметим лишь, что часто среди отходников встречаются ушедшие из деревни несколько братьев. Если принять во внимание этот факт и грозное предупреждение кафедры: не отпускать в Москву крестьян с тяглых участков и вернуть тех тяглецов, которые покинули «впусте» свои «жеребьи», «чтоб пустота жиллом наполнялась, а не пустом множилась»⁵¹, а также факт расселения крестьян густо населенных районов, где ощущалась острая нехватка земли, что определяло низкий материальный уровень

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 236, оп. кн. 02, л. 15.

⁴⁷ Там же, л. 14.

⁴⁸ Там же, л. 20 об.

⁴⁹ Там же, кн. 104, л. 28 об.

⁵⁰ См. об этом: А. П. Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. М., 1883, стр. 33; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, стр. 143; В. О. Ключевский. Опыты и исследования. М., 1915, стр. 301--305; М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 43, 67, 178, 267; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, стр. 149.

⁵¹ ГИМ, Синодальные списки, № 1409.

жизни крестьян (причем расселяла кафедра, как правило, взрослых сыновей крестьян, оставляя на прежнем месте жительства отца с одним из сыновей⁵²), то это еще раз подтверждает точку зрения о двух исходных полюсах отходничества в крупной вотчине XVII в. Решающее значение здесь, на наш взгляд, приобретает связь эволюции форм ренты с явлением отхода. Если мы с этих позиций попытаемся подойти к анализу крестьянского отхода в патриаршей вотчине, то увидим, что московские оброчники — те же деревенские оброчники, перенесшие в город прежние свои отношения с феодалом. Поскольку эти отношения в деревне характеризовались по мере эволюции ренты все большей независимостью крестьянина от феодального собственника, постольку они и явились основой для начавшегося процесса отхода. И здесь бедность одной части населения и зажиточность другой служили лишь стимулом для отхода, а расслоение крестьянства в деревне определяло и его социально-экономическое лицо в городе.

Тезис о том, что московские оброчники кафедры — это ушедшие в город оброчные крестьяне из деревень, доказать нетрудно. Во-первых, основная масса отходников падает на «оброчные» села и волости, широко захваченные рыночными отношениями, арендными операциями. Во-вторых, поручителями отходников являются оброчные крестьяне тех же сел. Эти крестьяне вышли на Москву раньше вновь пришедших и принадлежали к той же категории сельского населения, что и отходники. В числе поручителей мы видим, кроме того, и оброчников — тягловцев московских слобод: Бронной, Басманной, Конюшенной, Голутвенной, Огородной, Екатерининской и др., что говорит об определенной общности социально-экономического положения и отходников, и их поручителей.

Устоявшиеся формы отхода, его регламентация феодальной организацией указывают на жизненность процесса вопреки крепостному законодательству. На данном этапе это была лишь трансформация феодальных производственных отношений в рамках перехода крестьянства от «крепостничества с барщинным трудом» к «оброчному

⁵² См., например, о расселении крестьян дер. Ивашевой с. Романовского (Переяславский уезд), пытавшихся компенсировать недостатку наделных земель широкой общинной арендой пустошей, сенокосов и т. д. (ЦГАДА, ф. 236. оп. 5, кн. 33, лл. 92 об.—95).

обязательству». Следом за крестьянами в город шли и крепостнические отношения: здесь и «поручные записи», и трудности с уходом в поисках нового места работы, и насильственный возврат отходников в деревню⁵³, и порой временный характер отхода крестьян в город: одни приходят к Москве «зимним временем на время»⁵⁴, другие, прожив в Москве, «съезжают» через некоторое время снова на тягло⁵⁵.

Противоречива и политика патриаршей кафедры в отношении отходничества; в миниатюре она отражает противоречивость и непоследовательность общей политики феодального государства в отношении прикрепления крестьян к земле и посадского населения к городскому тяглу. Так, согласившись фактически во второй половине XV в. с отходом крестьян-оброчников из своих вотчин, кафедра в 1691 г. издает указ, который отражает ее беспокойство в связи с отливом населения в города⁵⁶. Выйдя сначала на оброк в Москву, крестьяне стремились вообще «отбиться» от рук кафедры и перейти в московские тяглецы. В 1678/1679 г. кафедра пыталась силой («держали в чепях») вернуть «во крестьянство» Луку и Ивана Назаровых, записанных во владениях московского Успенского собора в Дмитровском уезде. Конфликт кафедры и гостиной сотни из-за этих ушедших в Москву крестьян кончился поражением кафедры. По царскому указу, Назаровы были оставлены в Москве, «чтоб на то смотря иные их гостиной сотни торговые люди врознь не разбрелись»⁵⁷.

В 90-е годы встал вопрос о приписке к гостиной сотне известных в нашей литературе богатых торговцев и пред-

⁵³ В указе патриарха от 1691 г. говорится о том, чтобы «по-оброчить» всех живущих на Москве патриарших крестьян; между прочим там сказано: «А которым на Москве но надлежит быть, сослать бы по-прежнему на старые тяглые их жеребья...» (ГИМ, Синодальные описки, № 1409).

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 62, л. 17.

⁵⁵ Там же, лл. 5 об., 7.

⁵⁶ ГИМ, Синодальные описки, № 1409.

⁵⁷ Там же, № 1345. Единственно, чего добились кафедра, — закрепления поначалу этих крестьян на земле патриаршего Новинского монастыря в Москве «пз оброка». Но крестьяне не сдавались. Уже в 1685 г. дьякон собора бил челом патриарху о том, что Назаровы «против поручной записи от крестьянства отбиваются». Началось новое дело, которое в 1693/1694 г. закончилось тем, что дьякону было отказано в его иске, а крестьяне остались за гостиной сотней (там же, № 1501).

принимателей из подмонастырской слободы патриаршего нижегородского Благовещенского монастыря К. и М. Калмыковых. Попытки патриарха отстоять их за своими владениями так же оказались тщетными⁵⁸.

С другой стороны, кафедра не могла не идти крестьянам навстречу в вопросе отхода, так как это обеспечивало ей регулярное поступление оброка, поступление тем большее, чем успешнее шли дела отходника в городе. Кроме того, отход способствовал и некоторой разрядке напряжения на местах из-за «утеснения». Иногда сквозь пальцы смотрела кафедра и на откровенные побеги крестьян в города. Так, в одной из приходо-расходных книг за 1686 г. имеется запись о крестьянах и бобылях, бежавших из патриарших монастырских вотчин в города «в прошлых годах»⁵⁹.

Документы довольно спокойно относятся к этим фактам. Более того, само появление записи об этих крестьянах в приходо-расходной книге, где обычно отмечалось поступление в казну денежных оброков, указывает, что в данном случае мы имеем дело с одним из вариантов отхода.

⁵⁸ Там же, № 1345.

⁵⁹ Среди них 8 человек из с. Боголюбова, ушедшие в Москву, 10 человек «кормятся в наймех» во Владимире, 7 человек из других вотчин (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 54, лл. 52, 52 об.— 54).

5. Генезис наемного труда в крупной вотчине

С эволюцией ренты в XVII в. тесно связан вопрос о генезисе наемного труда в сельском хозяйстве. Если повинности не остаются неизменными, если их эволюция ведет к ослаблению личной зависимости крестьянина от феодального собственника, к появлению между ними чисто «оброчных» отношений, если даже усиление различного рода повинностей сопровождается внутренними изменениями в масштабе, формах, размере тягот, лежащих на плечах крестьян, то вполне уместно поставить вопрос — не влияют ли все эти перемены на развитие в сельском хозяйстве таких форм труда крестьянства, которые по своему характеру отличаются от барщины (обработка определенного количества барских десятин с выти, а позднее обработка определенного количества дней в неделю на земле феодала), и в чем смысл этого отличия. Мы говорим об «отличии» потому, что в исторической литературе уже прочно сложилось мнение относительно появления в XVII в. таких форм труда феодально зависимого населения, которые уже не являются идентичными барщинным повинностям, хотя до настоящего времени историки еще не пришли к единому мнению относительно четкого социально-экономического определения этих форм. Отсутствию единодушия способствовало, по-видимому, и то, что имеется разнообразие терминов, определяющих эти формы труда и претендующих на специфику. Так, хорошо известны термины «деловые люди», «деловцы», «работники», «служебники», «рабочие люди», «наймиты», «наемные люди», «детеныши» и т. д. И в каждый из них исследователи вкладывают свой смысл, порой одинаковый, порой разный. Однако если отвлечься от нюансов и взять за основу не терминологиче-

ские расхождения, а сущность вопроса, то окажется, что все эти термины группируются вокруг двух понятий: вольнонаемный труд и крепостной труд.

М. А. Дьяконов считал, что труд «деловых людей» был по своему содержанию крепостным. Он указывал, что эта категория феодально зависимого населения в виде содержания получала «месячину», что между «деловыми» и «задворными» людьми было много общего¹.

Вслед за М. А. Дьяконовым не делают различия между «деловыми людьми» и «задворными» — суть крепостными — А. А. Новосельский² и А. М. Панкратова³. П. Ф. Баканов квалифицирует «деловых людей» как крепостных, выполнявших барское дело по месту жительства⁴.

Однако некоторые дореволюционные и советские историки по-иному определяли «деловых людей». Так, И. И. Забелин, анализируя применение их труда в крупном вотчинном хозяйстве боярина Морозова, считал «деловых» вольнонаемными рабочими⁵, а В. Г. Гейман, изучавший это же хозяйство, высказывался еще определеннее, усматривая в их найме элементы капиталистической эксплуатации⁶. «Деловые люди» или «деловцы», согласно характеристике «Очерков истории СССР», — это сельскохозяйственные рабочие, нанимавшиеся на работу артелями. Этот вывод авторы «Очерков» сделали на основании данных изучения хозяйств того же Морозова и царя Алексея Михайловича. В обоих хозяйствах, отмечается в «Очерках», «деловые люди» работали сотнями⁷.

¹ М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 241, 289, 292.

² А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929, стр. 116.

³ А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. — Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952, стр. 204.

⁴ П. Ф. Баканов. Товарное производство в феодальной вотчине XVII в. — «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 98.

⁵ И. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. — «Вестник Европы». СПб., 1874, т. I, кн. 1, стр. 47—48.

⁶ В. Г. Гейман. О хозяйстве боярина Б. И. Морозова. — «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», вып. I. Л., 1933, стр. LXXVII.

⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 183.

Правда, говоря о социальном содержании этой категории рабочих (денежная плата и «корм»), авторы указывают, что эти люди попадали в тяжелые условия в соответствии с «общим крепостническим строем»⁸. В отличие от «деловых» вольнонаемных, «Очерки» выделяют категорию «работных людей», которых квалифицируют как крепостных⁹, хотя смысл этого различия так и остается непрокомментированным.

Близко подходит к характеристике «деловых» как вольнонаемных людей и А. А. Преображенский, отмечая, что «деловой» человек мог все же уйти от работодателя и получить при расчете плату¹⁰. отождествляет «деловых» с наемными людьми и М. Д. Курмачева¹¹. К вольнонаемным сельскохозяйственным рабочим некоторые авторы относят и «наймитов»¹².

А. М. Панкратова, характеризуя, с одной стороны, «деловых людей» как крепостных, в то же время отмечает, что существовали и «наемные деловые»¹³.

Наконец группа историков (В. И. Шунков, А. Л. Шапиро, З. А. Огризко) считает, что в рамках феодального по своему характеру труда выделялись черты вольного найма, которые проглядывали в отдельных элементах: определение оплаты, времени работы и т. д., не нарушая вместе с тем основ феодального способа производства¹⁴.

Среди форм труда в сельском хозяйстве, отличавшихся от барщинного труда крестьян, историки выделяют также «половников» и «детенышей». Говоря о «половниках», М. А. Дьяконов отмечал, что их положение было «хуже»

⁸ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 184.

⁹ Там же, стр. 187, прим. 5.

¹⁰ А. А. Преображенский. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII—начале XVIII в.—«К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958, стр. 38—52.

¹¹ М. Д. Курмачева. Вопрос о первоначальном накоплении в советской литературе.—«К вопросу о первоначальном накоплении в России», стр. 12.

¹² М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 153.

¹³ А. М. Панкратова. Указ. соч., стр. 212.

¹⁴ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, стр. 379—381; А. Л. Шапиро. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма.—«Вопросы генезиса капитализма в России». Л., 1960, стр. 35; З. А. Огризко. Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII в.—«Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 89.

положения крестьян и их труд был для землевладельцев более желательным, чем крестьянский¹⁵. З. А. Огризко считает половничество полукрепостническим видом труда¹⁶. Интересно решает вопрос о половничестве Ю. А. Тихонов, рассматривая эту категорию лиц не статично, а в динамике и высказывая мнение о том, что природа половничества, являвшегося системой отношений, основанных на феодальной зависимости одних лиц от других, эволюционировала в связи с генезисом капиталистических отношений¹⁷.

И, наконец, о «детеньшах». Б. Д. Греков считал их людьми, «с детства» попадавшими в монастырь, близкими «работникам», «вскормленникам», «найденным» в светских вотчинах, которых «светские землевладельцы склонны были считать своими крепостными»¹⁸. К феодально зависимым людям причислял их и М. Н. Тихомиров¹⁹.

Таким образом, В. И. Шунков, А. Л. Шапиро и З. А. Огризко в связи с определением различных форм труда XVII в. видят в них элементы эволюции, но в рамках феодального способа производства, а Ю. А. Тихонов — в рамках генезиса капитализма. Другие историки как до революционные, так и советские не замечают этой эволюции и склонны четко определить грань между этими формами. Причем по одну сторону этой грани остается вольный характер найма, по другую — феодально-крепостной труд. Наконец у разных исследователей одни и те же термины оказываются как по ту, так и по другую сторону этой грани.

Не претендуя на исчерпывающее освещение вопросов, связанных с различными формами труда в сельском хозяйстве XVII в., мы попытаемся на материалах патриар-

¹⁵ М. А. Дьякопов. Указ. соч., стр. 176.

¹⁶ З. А. Огризко. Изменения в экономическом положении монастырских половников русского Севера в XVII в.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», стр. 97.

¹⁷ Ю. А. Тихонов. Имущественное положение половников Устюжского уезда в середине XVII в.— «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма». М., 1961, стр. 54.

¹⁸ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, стр. 154, 161, 163.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в.— «Исторические записки», т. 3, стр. 149.

шего землевладения пополнить наши сведения на этот счет и осветить некоторые стороны затронутой проблемы.

Первые сведения о появлении «деловых» людей в патриаршей вотчине относятся к 1613—1616 гг., когда в с. Пушкино из Москвы было отправлено с нарочным 3 руб., предназначенных в качестве «оклада» трех «деловых людей» (по 1 руб. человеку). Причем указывалось, что «жили те деловые люди в подмосковном селе Пушкине. Двор строили и пашню пахали»²⁰. В другой записи мы читаем, что к этому времени в с. Пушкино «к пашне» покупались семена²¹; по-видимому, здесь шло расширение патриаршего хозяйства, что и обусловило появление «деловых людей». Как видим, их плата была фиксированной («оклад»); ясно и то, что они не были крестьянами данного села, иначе источник не подчеркнул бы, что они «жили... в селе Пушкине». Необходимо отметить также то обстоятельство, что в данном случае налицо сочетание двух видов труда: плотничной работы, которая требовала определенной квалификации, и работы «у пашни», которую мог выполнять любой крестьянин, но которая поглощала много усилий и времени. Итак, пришлые люди, получающие за свою квалифицированную и трудоемкую работу денежную плату,— такими предстают «деловые люди» согласно этим данным.

Дальнейшие сведения на этот счет относятся к 40-м годам XVII в. В это время во многих патриарших селах появляются «наемщики», выполняющие различные сельскохозяйственные работы. Иногда документы называют их «работниками», иногда «деловыми людьми», а порой просто «крестьянами». Так, в течение августа-сентября 1641 г. на уборке хлеба в с. Троицком-Голенищеве (Московский уезд) работало от ста до трехсот жнецов, «которые [были] наняты» на уборку ржи и овса. Плата им шла с согницы (10 денег человеку)²². В одном случае упоминается даже, что жнецов в Московском уезде было 800 человек, в другом случае — 506 человек²³. В это же время в с. Степановском работало более 100 жнецов, получавших по 8 денег

²⁰ ЦГАДА, ф. 396, столбцы, № 48677, л. 13.

²¹ Там же.

²² Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 15, лл. 184, 184 об., 188 об., 189 об., 190, 567—568.

²³ Там же, кн. 22, лл. 248 об.—249.

в день²⁴. В с. Пушкино в 1646/1647 г. «пушкинские и пехорские крестьяне» жали рожь на домовых десятинах, получая плату в пределах 6 алт.— 8 денег за сотницу²⁵.

В это же время в с. Пушкино упоминаются 20 «работников», очищающих под пашню лес (им заплачено «найму» по 11 алт. 4 деньги человеку)²⁶, и 30 молотильщиков, привезенных сюда на двух подводах²⁷. В с. Игнатовском появились 27 «работников» из патриарших волостей Чюровской и Череповецкой (Белозерский уезд), прибывших сюда также для расчистки пашни. Позднее, в 1652—1654 гг. здесь работали крестьяне этих же волостей М. Михайлов и О. Дружинин «с товарищи» (13 человек), пахавшие пашню и делавшие «всякую работу» «по уговору па месяц» 23 алт. 2 деньги человеку²⁸.

Весной 1646 г. в с. Пушкино появляются 100 «наемных людей», присланных сюда расчищать под пашню лес. Им полагалось 11 алт. в неделю на человека. Источник упоминает, что эти люди работали за денежную плату «по уговору»²⁹. А в с. Игнатовском с этой же целью работало 50 «наемных людей», получивших от кафедры за время работы 18 руб. (12 алт. в неделю на человека)³⁰. Были и здесь наемные молотильщики — «крестьяне от молотья», как именует их источник. И не раз еще в расходных записях патриарших дьяков этого периода упоминаются деньги, потраченные на «наемщиков от жнитва»³¹, без указания места работы и нормы их оплаты.

В Муромском уезде в 1643 г. «деловые люди» с. Ярымова М. Елисеев «с товарищи» (20 человек) получили 5 руб. «для их многие работы»³².

К этим видам найма близко примыкает по своему характеру и использование за плату труда «косцов». Так, в 40-е годы «из найма» крестьяне с. Троицкого косили сено для кафедры на пустоши Литвиновой, получая по 20 алт. человеку в неделю³³, 50 «наемных косцов» работали на

²⁴ Там же, кн. 22, л. 249—249 об.

²⁵ Там же, лл. 247 об.— 248 об.

²⁶ Там же, л. 188.

²⁷ Там же, л. 352 об.

²⁸ Там же, кн. 22, лл. 189, 197; кн. 34, л. 222 об.

²⁹ Там же, кн. 22, лл. 178 об., 246.

³⁰ Там же, л. 178 об.

³¹ Там же, кн. 15, л. 184—184 об.

³² Там же, л. 518.

³³ Там же, л. 185.

патриарших пустошах под с. Игнатовским, они получали также денежную плату и «корм»³⁴; 26 «закощников» за 18 алт. в неделю человеку работали в с. Троицком-Сельцах³⁵.

Как оценить этот вид наемного труда в патриаршей вотчине, так напоминающий те сотни «вольнорабочих», которые работали в вотчинах Морозова и Дворцовом хозяйстве? На наш взгляд, «наемный» этот труд можно назвать условно. И «жнецы», и «молотильщики», и «косцы», и те, кто работал на расчистке леса, являлись по существу вотчинными крестьянами. На это указывают и упоминание в источниках термина «крестьяне» при характеристике того или иного вида труда и количество этих «наемщиков», достигающее порой нескольких сот человек. При этом нужно обратить внимание на два обстоятельства. Первое: почти все упоминания о «наемщиках» приходится па те районы, где была особенно значительна барская запашка, а барщина являлась основной формой повинности крестьян (подмосковные села, села Игнатовское, Ярымово). Второе: все работы, где имел место «наем», либо требовали приложения значительного количества рабочих рук в сравнительно короткое время (сенокос, уборка урожая), либо являлись весьма трудоемкими (расчистка леса под пашню). И в том, и в другом случае на эти работы мобилизовывалось большое количество феодально зависимого населения, а «наемные деньги» являлись кратковременной платой, обеспечивающей скорее всего «корм» для привлеченных на эти работы крестьян. В силу того, что данные работы с развитием патриаршего хозяйства выходили за рамки традиционных, фиксированных барщинных повинностей, скажем, обязанности пахать по 1,5—2 дес. домового пашни на выть, и требовали довольно долгого пребывания крестьянина вне дома, — они оплачивались, а точнее, крестьянин брался в этот период на содержание кафедры. Такие виды эксплуатации могли практиковаться лишь в районах крупных домовых запашек, где барщинные повинности были традиционными. Логически это приводило к расширению различных видов «изделия», пусть и под прозрачным покровом «оплаты».

Были ли все эти сотни «наемных» крестьян выходцами из тех сел, в пределах которых осуществлялись те или иные работы? Конечно, нет. Об этом говорит и факт упоминания

³⁴ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 15, л. 570 об.

³⁵ Там же, л. 571.

в подмосковных вотчинах «белозерцев» п многочисленные данные о том, что крестьян «привезли», «прислали», а также их количество, которое не могло соответствовать количеству крестьян в том или ином отдельном селении. Об этом же говорит и термин «посошные работники», рядом с которым одна из записей в книге конца 50—60-х годов употребляет понятие «наймывали»³⁶. Снова мы видим связь понятий «крепостной крестьянин» и «наем», характерную для первой половины XVII в. По-видимому, обязанность выделять большое количество «наемных» жнецов, косцов и т. д. в страдную пору до 40-х годов являлась одной из повинностей крестьян многих патриарших владений.

Вместе с тем материалы вотчинного хозяйства выделяют и другую категорию «наемного» труда в вотчине этого периода. Речь идет о действительно свободных людях, осуществлявших реальный, а не эфемерный наем. Так, в с. Пушкино 10 ямщиков нанялись молотить хлеб за 11 алт. в неделю человеку³⁷. Здесь же чистили лес под пашню «ярыжные», которых источник отделяет от крестьян³⁸. В другом случае это разделение звучит более резко: в с. Пушкино работали жнецы, жавшие хлеб «деловых людей пахоты»³⁹. (Вспомним «деловых людей» в этом же селе, упоминаемых под 1613—1616 гг.) В 40-х годах в с. Ярымове в помощь крестьянам, отправленным по указу царя в г. Ломов для «городового дела», были наняты «рабочие люди»⁴⁰. Отделяли «рабочников» от крестьян и в е. Степановском. Крестьяне здесь пахали пашню «в селе», а работники — «на сече». И те, и другие получали денежную плату⁴¹. Но особенно интересный факт относится к с. Троицкому, где в 1638/1639 г. несколько «деловых людей» «сели во крестьяне», получив денежное вспоможение на развитие хозяйства⁴².

Однако сразу бросаются в глаза одинаковые нормы оплаты как для свободных «наемщиков», так и для крепостных. Это подводит к важному выводу о том, что сам по себе наемный труд в сфере сельского хозяйства в рамках крупной вотчины в период первой половины XVII в. мало

³⁶ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 194—194 об.

³⁷ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, л. 188.

³⁸ Там же, л. 352 об.

³⁹ Там же, кн. 15, л. 571 об.

⁴⁰ Там же, кн. 22, л. 178.

⁴¹ Там же, лл. 245—246 об.

⁴² Там же, кн. 10, л. 68.

чем отличался от труда крепостных крестьян, и единственная разница уходила пока в область их юридического положения. Одни были юридически независимы от вотчинника, другие являлись, согласно законам, его крепостными.

Правда, это находило слабое отражение в терминологии. В одном случае «деловые люди» — свободные, в другом — крепостные, точно так же, как и «работники», «рабочие люди», «наемщики». Нам представляется, что это одно из отражений специфики наемного труда в русском сельском хозяйстве того периода: преобладающей формой труда являлся барщинный труд крепостных крестьян, онто и окрашивал в свойственные ему тона и иные формы труда, отличающиеся от барщинного. Так и шли эти различные формы рядом, иногда перепутываясь в сознании приказных того времени, что находило отражение в путанице терминов. А это в свою очередь породило противоречивые и неясные суждения в историографии.

Материалы патриаршего землевладения, относящиеся к первой половине XVII в., показывают, что независимо от терминологии мы видим лишь две категории труда в сельском хозяйстве крупной вотчины того времени: барщинный труд крепостных крестьян и труд вольнонаемных людей, близкий по своему характеру к труду крепостному (ярыжных, ямщиков и пр.). Юридическая свобода последних являлась единственной чертой, отделяющей их в вотчине от крепостных. В остальном сроки найма, содержание, оплата были идентичными. И здесь массовый «наем» до середины века не должен вводить в заблуждение. Он являлся следствием барщинного хозяйства, в котором непосредственные производители были обязаны выполнять изделье либо в виде фиксированных повинностей, либо в виде своеобразной «помочи», которая оплачивалась лишь в рамках минимума, необходимого для содержания крестьян во время этих «сверхурочных» работ.

Иные явления начинают преобладать в вотчинах кафедр с конца 40-х годов XVII в. Мы уже говорили о том, что в период 40 — 70-х годов произошла существенная эволюция форм ренты в рамках патриаршей вотчины в сторону денежной ренты. Крестьяне многих владений кафедры переставали нести барщину и превращались в оброчных крестьян, становясь в новые, менее зависимые отношения от феодальной организации. Этот процесс более четко обозначился после переписи середины 40-х годов, приобретя

широкие масштабы к концу XVII в. Каким образом эти изменившиеся отношения повлияли на эволюцию наемного труда в крупной феодальной вотчине?

Начиная со второй половины 40-х годов XVII в., т. е. после переписи 1643/1644 г., в патриарших владениях четко выделяется новая повинность крестьян — периодически поставлять определенное количество работников из данного владения в другие районы вотчины. Первые сведения на этот счет относятся к Карашской волости, которая, как мы уже видели, к этому времени прочно перешла на путь оброчных отношений. В 1646/1647 г. в Карашскую волость был послан патриарший сын боярский М. Чюровский, который и привез несколько так называемых «деловых» людей в патриаршее с. Игнатовское⁴³. Дальнейшие сведения восходят к 60-м годам XVII в. К Карашской волости присоединяются и другие районы, вставшие на путь замены барщинных повинностей оброчными. В марте 1666 г. в подмосковном с. Владыкине появляются 30 крестьян, названных «работниками», из Чюровской и Череповецкой волостей Белозерского уезда⁴⁴. В июне 1667 г. в подмосковных вотчинах кафедры упоминаются 60 крестьян, прибывших сюда из Карашской волости, 20 — из Белозерского уезда, 30 — из владимирских сел, 30 — из Баглачевской волости, 15 — из юрьевских сел и 30 — из Вятской волости⁴⁵. Эти цифры, по-видимому, стали отражать новую обязанность части крестьян патриарших вотчин и в дальнейшем. Так, в апреле — июне 1679 г. в подмосковных селах появляются 30 человек из Белозерского уезда⁴⁶, в мае этого же года — 80 человек из Карашской волости, 20 — из Вятской волости, 35 — из Баглачевской волости, 15 — из юрьевских сел, 30 — из владимирских сел, 3 — из с. Романовского⁴⁷. (В одном случае документ называет их «домовыми работниками», в другом — «полугодовыми работниками».)

В основном эти же пропорции сохраняются и в 80-е годы. В 1680 г. поступает 30 «работников» из Белозерского уезда⁴⁸. В марте 1682 г. — «полугодовые работники» из Карашской волости, в июне этого же года — 8 «косцов» из

⁴³ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 22, л. 248.

⁴⁴ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 26, л. 31.

⁴⁵ Там же, л. 37—37 об.

⁴⁶ Там же, кн. 40, л. 36.

⁴⁷ Там же, лл. 35 об., 65 об.— 66.

⁴⁸ Там же, л. 134.

Сенежской волости, 15 «косцов» из кашинских сел (одно- временно поступают «работники» и из уже упоминавшихся владимирских и юрьевских сел и из Белозерского уезда) ⁴⁹. В 1683 г. в подмосковных селах упоминаются «домовые работники» из Белозерского уезда и «косцы» из Баглачевской волости ⁵⁰. В мае этого же года во все указанные районы посылается приказ кафедры — выслать «косцов» к 25 июня ⁵¹. В 1684 г. поступают «косцы» из Баглачевской волости (10 человек) и из юрьевских сел (также 10 человек) ⁵². Подобная практика продолжается и в 90-е годы, и вновь среди районов, посылавших «домовых работников» на различные работы по распоряжению кафедры, фигурируют владимирские села и Баглачевская волость, Белозерский уезд, Сенежская, Карашская и Вятская волости ⁵³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обязанность поставлять «работников» в основном падает на те села и волости, которые уже расстались с барщинными повинностями. Чтобы понять, почему это происходит, необходимо в первую очередь проанализировать, в какие районы и на какие работы направлялись эти «работники».

Мы уже упоминали о том, что многие из них использовались в подмосковных вотчинах кафедры. Среди владений в этом районе, кроме сел Игнатовского и Владыкино, следует отметить Пушкино, Троицкое-Сельцы и Троицкое-Голенищцево. Очень часто источник упоминает «подмосковные села». Кроме того, работники направлялись и в патриаршее с. Кузьмань (Лебедянский уезд), где находилась большая патриаршая запашка ⁵⁴.

В основном «работники» использовались здесь на земледельческих работах. В с. Троицкое-Сельцы они направля-

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, лл. 203, 261, 290, 291 об.

⁵⁰ Там же, лл. 362, 400.

⁵¹ Там же, л. 371.

⁵² Там же, лл. 462, 489.

⁵³ Там же, кн. 57, л. 328 об.; кн. 25, лл. 360 об., 369. В 1695—1696 гг. ежегодно юрьевские села поставляли — 15 работников, владимирские села — 20, Баглачевская волость — 25, Сенежская волость — 10, Карашская волость — 80, Вятская волость — 30, Коуская волость — 15 (поступали работники и из патриарших монастырей) (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 36, лл. 70, 95 об., 100, 101 об., 103, 103 об., 106 об., 178, 186).

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 22; ф. 236, оп. 5, книги 20, 26, 36, 40, 57.

лись «к новоразчищенной пашне»⁵⁵, в с. Владыкино — для «пашенной работы»⁵⁶, в другие районы — «для домового сенокосу», «для всякой работы»⁵⁷. Часто работники были обязаны брать с собой и рабочий инвентарь — косы, топоры, сохи⁵⁸. На сельскохозяйственный характер работ указывает и время года, когда работники начинали свои «вояжи» в пределах вотчины — это весна (начало пахоты) и некоторые летние месяцы (сенокос). На какой срок оставались эти вотчинные крестьяне в положении «домовых работников» и каковы были условия их содержания? Некоторые данные позволяют судить о том, что сроки работы были строго фиксированными. Упоминаются «годовые» и «полугодовые» работники. В 1679 г. из Карашской волости были посланы в подмосковные села 20 «полугодовых работников» «к прежнему в перемену», т. е. вместо прежних полугодовых работников⁵⁹. На сенокосе сроки, видимо, были короче и ограничивались 1—1,5 месяцами. Для полноты характеристики «домовых работников» необходимо добавить, что их отсылка в Москву оформлялась поручными записями в том, что они не сбегут от работы и не будут заниматься «огурством» и «воровством». Вот один из стереотипных документов, регламентирующих присылку очередной партии работников из Череповецкого Воскресенского монастыря (Белозерский уезд): «Велено... патриарших дворцовых Чюровской да Ковской волости со крестьян [взять] тридцать человек работников добрых не старых людей и не робят, кому б пашенная работа была вмочь, и не сторонних вотчин. А взяв работников и по них поручные, что им быть в патриарше подмосковной вотчине в селе Владыкине. И без отпуску не збежать»⁶⁰. Уйти из числа работников обратно в село можно было, лишь оформив этот уход челобитной (в случае, если она оказывалась подписанной)⁶¹. В случае если присылка «работников» задерживалась или крестьяне отправляли в их числе тех, кто были «малы гораздо» община наказывалась «пеней», а в случае бегства кого-либо из работников вместо беглеца отправлял-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 20, л. 90 об.

⁵⁶ Там же, кн. 26, л. 31.

⁵⁷ Там же, кн. 40, лл. 362, 371, 462.

⁵⁸ Там же, лл. 36, 489; кн. 26, л. 37—37 об.

⁵⁹ Там же, кн. 40, л. 462.

⁶⁰ Там же, кн. 26, л. 31.

⁶¹ Там же, кн. 40, л. 301 об.

ся один из «порутчпков»⁶². Предприимчивого «работника» повили и били «перед миром» плетьюми⁶³.

Все эти факты ясно показывают, что труд «домовых работников», присылаемых из «оброчных сел», применялся в основном в районах господства барщины (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Данные об использовании труда «работников» во владениях московских патриархов в конце XVII в. *

Откуда	Число работников	Число дворов	Основная форма повинностей	Куда	Число дворов	Основная форма повинностей
Карашская волость	80	847	Денежный оброк	Троицкое-Сельцы	69	Барщина
Баглачевская волость	25	450	»	Троицкое-Голенищево	107	»
Сенежская волость	10	214	»	Пушкино	87	»
Ковская и Чюровская волости Белозерского уезда	15	265	»	Озерецкое	207	»
Вятская волость	30	399	»	Хлябово	21	»
Владимирские села	20	479	Смешанная форма повинностей	Игнатовское	23	»
Юрьевские Села	15	233	»	Владыкино	26	»
				Дмитровское	60	»

* Таблица составлена на основании данных: ф. 236, оп. 5, книги 36, 40.

Сами барщинные повинности к этому времени там, где они существовали, значительно увеличились (до 6—8 дес. на выть). Поэтому в условиях расширения в «барщинных» районах барской запашки, увеличение времени, проводимого крестьянами на «домовой пашне», сокращение количества барщинно-обязанных крестьян и барской запашки в большинстве районов вотчины приводили к острой нехватке рабочих, рук, необходимых для дальнейшего развития непосредственно «домового» хозяйства. В условиях

⁶² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 495.

⁶³ Там же, л. 400.

феодалного строя кардинальным образом этот вопрос мог решаться только за счет труда феодално зависимого населения. И вот на смену труду сотен барщинных крестьян, исполнявших работы «из найму» на наиболее трудоемких участках «домового» хозяйства начиная со второй половины XVII в., приходят, с одной стороны, увеличившийся труд барщинно-обязанных крестьян, с другой — труд «домовых работников», которые стали ежегодной и постоянной данью освободившихся от барщины «оброчных сел». Это еще раз свидетельствует о том, что развитие товарно-денежных отношений в стране не просто приводило к усилению эксплуатации крестьян, а содействовало в условиях господства феодалных производственных отношений дифференциации отдельных частей крупного феодалного хозяйства или ряда самостоятельных хозяйств, дифференциации, при которой часть владений шла по «оброчному» пути, а другая часть делала шаг по еще более тяжелому пути — барщинному. «Оброчная свобода» крестьян, за которую они боролись с феодалным собственником, стоила дорого, и поставка «домовых работников» была наряду с денежными платежами одной из основных тягот «оброчных» крестьян. И все же здесь мы видим не одноликое и невыразительное «сплошное усиление эксплуатации», а борьбу противоположных сил, противоположных тенденций, которые одни могут воссоздать истинную картину развития русской деревни того времени⁶⁴.

В пользу высказанного положения говорит, с одной стороны, отношение кафедры к этим вопросам, а с другой — отношение самих крестьян.

Для церковной феодалной организации проблема «рабочничьего» труда была одной из важнейших в хозяйстве.

⁶⁴ Можно ли сказать, что феодалный «наем», о котором шла речь, полностью уступает свое место, с одной стороны, труду барщинно-обязанных крестьян, с другой — труду «домовых работников»? Конечно, нет. Вплоть до конца века известны случаи, правда единичные (что само по себе говорит о смене одной тенденции другой), о такого рода «найме»: в мае 1677 г. 700 крестьян были пригнаны на очистку прудов под с. Троицким, крестьянам было выдано «на корм» по 10 денег в день человеку (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 29); в 1682 г. из подмосковных сел были мобилизованы крестьяне на сенокос и перевозку сена (там же, кн. 40, л. 322—322 об.); в сентябре 1692 г. старец с. Владыкина «нанимал» здешних крестьян жать овес (там же, кн. 25, л. 346 об.); в августе 1692 и 1694 гг. крестьяне получали «корм», работая на уборке хлеба в с. Троицком-Голенищеве (там же, кн. 61, л. 908).

В наказе патриаршей администрации в села, где имелась барская запашка, «работникам» посвящается первая статья. Что должен делать радивый руководитель хозяйства, приняв новое ведомство? В первую очередь взять под свою тщательнейшую опеку эту категорию феодально зависимых людей: «и теми работниками всякое дело ироставством и нарядом исправлять», строго наказывая их за «ослушанье», «огурство», «шлутни». Администратор должен был следить, чтобы «домовые работники» не сидели без дела. В связи с этим в наказе появляются такие весьма характерные строки: «А в ненастные дни работникам заготовить дел, которые пристойны и надобны х какому делу и в запас и которые крестьяне делается, чтоб чем крестьяном поможение учинить, а работником без гульбы [быть]»⁶⁵. В горячие дни сева, жатвы, сенокоса и т. п. наказ предписывал «строить пашню» «всеми людьми», причем подчеркивалось: «не в протяженность», т. е. без проволочки, и «без огурства». Как мало осталось здесь от времен первой половины века с их «наймами» сотен крестьян, «уговорами», «порядами» и прочими доказательствами еще не слишком тяжелого барщинного режима! В новых условиях кафедра стремилась выжать максимум возможного не только из «оброчных крестьян» (вспомним периодическое увеличение денежного и хлебного оброков), но и из барщинных. Никогда ранее мы не встречаемся с такими угрозами в адрес «вытчиков», уклонявшихся от барщины, как в конце века. В свою очередь факт этих угроз может сказать многое о сопротивлении крестьян увеличившимся барщинным повинностям, точно так же как постоянные оговорки в записях, касающихся присылки «домовых работников» в подмосковные села, о предупреждении возможности их побегов, «ослушания», «огурства» и т. д. показывают, что крестьяне поднимались на борьбу и против этой новой повинности, вырывающей их надолго из родных сел и деревень и бросающей в тяжелейшие условия подневольного труда, который, конечно, являлся для них шагом назад от «оброчного» состояния. Не случайны поэтому бегство работников, жестокие пени с «порутчиков», «нешадные» наказания, сопутствовавшие этой форме эксплуатации⁶⁶. Иногда, как это было в с. Кузмане (Лебедянский уезд) в 1682 г., борьба «работников» против эксплуатации смыка-

⁶⁵ ГИМ, Синодальные списки, № 1407.

⁶⁶ См., например: ЦГАДА, ф. 236, он. 5, кн. 40, лл. 307, 509.

лась с борьбой барщинных крестьян, и тогда приказная переписка надолго окрашивалась в мрачные, беспокойные тона, а из Москвы патриаршим управителям летели указы и памяти, поучающие, как исправить положение⁶⁷.

Нам представляется, что труд «домовых работников» был важен для феодальной организации не только с точки зрения экономического резона, но и из политических соображений. Оторванные от родных мест, изолированные и поставленные под жесткий контроль патриаршей администрации «работники» были, хоть и немногочисленным, но более удобным объектом эксплуатации, чем местные барщинные крестьяне. Именно поэтому им поручались наиболее тяжелые работы, требующие большой затраты труда в самое дорогое для крестьян летнее время. И это несмотря на их постоянную то глухую, то открытую борьбу против нового «статуса». На эту мысль наводят и факты, относящиеся к с. Тарки (Ярымовская волость), когда взамен крестьян, отказавшихся жать хлеб и убирать горох на патриарших десятинах, староста повел на уборку «рабочих людей»⁶⁸.

Как же смотрели крестьяне «оброчных» сел на эту неизбежную и тяжелую повинность, которая, увы, сопровождала их шаги по пути большей хозяйственной независимости от феодальной организации? Первым и логическим ответом являлась попытка выкупить и эту повинность. Так, в частности, поступили крестьяне Вятской волости, выкупившие в 1643/1644 г. за 120 руб. (!) в год обязанность поставлять 10 «деловцов» в с. Троицкое-Сельцы⁶⁹. Однако эти попытки, по-видимому, не находили отклика со стороны кафедры, так как позднее обязанность поставлять «домовых работников» лежала почти на всех крупных «оброчных» комплексах вотчины, в том числе и на Вятской волости. Это заставляло крестьян искать новые пути, одним из которых стал наем «пришлых» и «сторонних» людей, а также своих обедневших односельчан вместо тех, кто обязан был «по розвытке», т. е. в порядке очереди, отправляться на нелегкую «службу». Об этих устремлениях крестьянства говорит, в частности, неизменное упоминание в памятях на места о высылке «работников», фразы, ставшей уже стереотипной для этого вида документа: «И чтоб ра-

⁶⁷ См., например: там же, кн. 40, л. 324, 509, 601.

⁶⁸ ГИМ, Синодальные списки, № 1476.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 150.

ботники были не пришлые»⁷⁰. Иногда она несколько видоизменяется: «И чтобы были домовые крестьяне, а не сторонние люди»⁷¹. Однако и в том и другом случае смысл ее один: феодальная организация выступает против практики замены «домовых крестьян» пришлыми, свободными людьми. Позиция кафедры в этом вопросе понятна: пришлые люди с кафедрой ничем не связаны, вернее связаны, но опосредованно, через сельский мир того или иного ее владения. Они более независимы, вольны в своих решениях, и даже поручные записи, которые брались и с них, не могли, по-видимому, обеспечить постоянство в работе и полное повиновение этого контингента.

Другие документы раскрывают смысл появления этой стереотипной фразы в указах и памятях на места.

Еще в те дни, когда наличие массовых «наймов» патриарших крестьян не ставило вопроса о появлении труда «работников», делались первые попытки крестьянской общины нанять часть своих членов для исполнения патриарших сельскохозяйственных работ. Так, «волостные люди» с. Троицкого в 1642 г. заплатили через патриарший Дворцовый приказ «найму на неделю» 20 алт. Ф. Иванову «с товарищи» — 12 крестьянам этого же села⁷². От 60-х годов уже в период появления повинности поставлять «домовых работников» доходят сведения о том, что крестьяне с. Бродницы «наймывали миром в косцы» на 1,5 месяца крестьянина этого же села Г. Емельянова (1 руб. в месяц)⁷³, крестьяне с. Порецкого наняли на какие-то работы крестьянина этого же села А. Харламова⁷⁴, а крестьяне Карашской волости — волостного же человека Е. Антипина⁷⁵. В это же время крестьяне сельца Ивановского и дер. Тимшиной жаловались кафедре на своих односельчан Сеньку и Еремку, что они «приймают пришлых людей в работу без порук»⁷⁶. Можно ли определенно связывать эти последние

⁷⁰ См., например: ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 36.

⁷¹ Там же, л. 65 об.— 66.

⁷² Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 15, л. 185.

⁷³ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 664.

⁷⁴ Там же, л. 379.

⁷⁵ Там же, л. 389.

⁷⁶ Там же, л. 551—551 об. Заметим, что эти факты, видимо, были не единичными. Во всех указанных случаях речь шла о тяжбах нанятых крестьян из-за «наемных денег», а сам факт тяжбы по этому поводу, челобитий, указывает на распространенность явления.

факты со стремлением крестьян нанять вместо себя кого-то «в домовые работники»? По-видимому, нет. Скорее всего они указывают на социальное расслоение крестьянства, на развитие наемного труда в крестьянских хозяйствах патриаршей вотчины. Однако данные на этот счет несомненно проливают свет и на характер замены «домовых работников» «пришлыми», «сторонними людьми». Во всех этих случаях социальная природа явления ясна, но она оставляет место для домысла в плане связи этого явления и замены труда «работников» действительно наемными людьми. Зато факт, относящийся к Карашской волости (1680 г.), предельно точен. Когда от волости нужно было направить очередную партию «домовых работников», крестьянин Родька «в свое место нанял» крестьянина той же волости Ф. Лукьянова⁷⁷. Снова Карашская волость, снова наем, на сей раз с точным указанием цели. Между этим последним фактом и предыдущими много общего, что позволяет отнести эти явления к одной социальной категории.

Таким образом, обязанность поставлять «домовых работников» привела к появлению определенной категории наемных людей, работающих «из найму» за оброчных патриарших крестьян. Налицо парадоксальное явление: типично феодальная повинность вызывает к жизни форму эксплуатации, которая по своему характеру стоит уже ближе к вольнонаемному труду. Однако сам этот парадокс мог иметь место лишь благодаря появлению в составе патриарших владений «оброчных сел», где подобные явления со временем становились обычными. Зарождающиеся новые производственные отношения между социально-разнородными частями крестьянства пришли на помощь при выполнении феодальных повинностей. Следовательно, появление категории «домовых работников» сопровождалось сложными процессами, происходящими в рамках хозяйства феодальной организации и крестьянского хозяйства. Конечно, если взять факты появления «домовых работников» вне всех этих явлений, то может создаться впечатление лишь о дальнейшем усилении эксплуатации крестьянства. Если же учесть отмеченные взаимосвязи, то ясно видно стремление крестьянского хозяйства освободиться от любых форм феодальной зависимости и не только путем открытой борьбы против феодальной эксплуатации, но и благодаря

⁷⁷ Там же, кн. 40, л. 138

определенной хозяйственной политике, а также желание феодальной организации воспрепятствовать этим стремлениям, которые в данном случае расходятся с ее интересами, не соприкасаясь ни в каких пунктах. Борьба противоборствующих классовых сил в данном случае определяет экономическое развитие хозяйства феодала и крестьянина и показывает давящее влияние феодальных производственных отношений на развивающееся по «оброчному» пути крестьянское хозяйство, отношений, консервирующих и развивающих формы эксплуатации, которые для многих крестьянских хозяйств были уже пройденным этапом.

Одновременно встает еще один вопрос: как рассматривать саму категорию «домовых работников»? Только ли как феодально зависимое население, перемещенное волей феодальной организации на временную работу из одной части вотчины в другую, или как-то иначе? Судя по формальным данным, «домовые работники» принадлежат именно к такой категории крестьянства, оказавшейся силой обстоятельств в худшем положении, чем их односельчане, сидящие на денежном оброке по своим селам и деревням⁷⁸. Однако истинный смысл «домового работничества» можно понять, лишь анализируя положение «работников» на новом месте работы: формы оплаты их труда, правовое положение и т. д.

Мы уже говорили о том, что сроки, на которые «работники» уходили из родных мест в другие районы вотчины, были самыми различными: один год, полгода, иногда месяц — полтора. Но каков бы ни был срок, каждый из «домовых работников» обязательно получал от кафедры определенное содержание — дневное, недельное или месячное либо в натуральной форме, либо в денежной. В 60—80-е годы в с. Владыкине «работные люди» получали в качестве «корма» сухари, толокно, рожь, ячмень, пшеницу, овсяную крупу, сушеную рыбу⁷⁹. Те же продукты отправляются «работникам» в села Игнатовское, Троицкое, Пушкино и др.⁸⁰ В отдельных случаях «домовые работники»

⁷⁸ Кстати, в «Очерках истории СССР» поставка «работников» рассматривается лишь как феодальная повинность («Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 169).

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 22, лл. 197, 201, 204, 282 об., 290, 301—301 об., 308 об., 312, 320 об., 323; кн. 12, лл. 170, 200.

⁸⁰ Там же, кн. 36, л. 18—18 об.; кн. 12, л. 216; кн. 22, лл. 21—23 об., 32 об., 33 об., 111—132 об., 213 об., 237, 302—337 об.; кн. 61, лл. 6—54 об., 533 об., 534 об., 980, 1038.

получали и денежную плату. Так, в 60-е и в 80—90-е годы по 8 алт. 2 деньги на человека в неделю получали домовые крестьяне Белоозерского уезда, работавшие в с. Владыкине⁸¹. Это те, кто работал на пашне, сенокосе, молотил хлеб. Они относились к категории «домовых работников», исполнявших, так сказать, традиционные работы. Вместе с этим существовала в патриарших владениях еще одна категория «домовых работников», которых условно можно назвать «работниками-специалистами». В их число входили плотники, каменщики, кузнецы, лекари и т. д. Оставаясь по юридическому положению феодально зависимыми людьми, они вместе с тем лишь номинально сохраняли эту зависимость, являя собой типичный пример найма полусвободного, опутанного феодальными сетями, как за пределами вотчины, так и внутри нее. Что касается оплаты их труда, то здесь мы видим много общего с положением уже упоминавшейся категории «домовых работников».

От 70—90-х годов XVII в. сохранилось много известий о труде «домовых работников-специалистов» в разных частях вотчины, в различных хозяйственных сферах. В конце 60 — начале 70-х годов в с. Троицком-Сельцах «домовые работники» строили скотный двор, возводили каменную плотину. Все работники получали в качестве содержания «корм», т. е. различные продукты⁸². В 90-е годы упоминается о снабжении «кормом» «домовых работников», работавших на мельнице с. Порецкого в качестве «засыпок»⁸³. В с. Владыкине натуральную плату за лечение лошадей получил здешний крестьянин Ф. Юрьев, а за снятие кожи с павших лошадей — крестьянин М. Михайлов. В с. Дмитровском за плотничью работу на домовом дворе крестьянин этого же села получил 1 четв. ржи⁸⁴.

Но дело не ограничивается лишь натуральной платой: домовые плотники «олончане» и «белозерцы», исполнявшие плотничьи работы в с. Троицком в конце 70-х годов, получали денежное жалованье⁸⁵. «Работники» на мельницах в с. Порецком и на некоторых подмосковных мельни-

⁸¹ Там же, кн. 25, лл. 265—267 об., 360 об., 369; кн. 26, лл. 506 об., 517.

⁸² Там же, кн. 22, лл. 18 об., 101—102, 113, 129.

⁸³ Там же, кн. 61, л. 199—199 об.

⁸⁴ Там же, лл. 181 об., 187, 204.

⁸⁵ Там же, кн. 32, лл. 169 об.—170.

цах получали по 1 руб. в месяц⁸⁶. Денежную плату получали «домовые плотники», работавшие на строительстве церкви в Ростове (за вычетом «прогульных дней»), и «домовые каменщики», выполнявшие различные «домовые» работы в Ростове и Ростовском уезде. Сроки их работ исчислялись несколькими месяцами⁸⁷. В начале 90-х годов в с. Пушкино начинается строительство плотины на пруду. Здесь работает плотничья артель из Бережковской слободы (Москва), «домовые прудовые крестьяне», здесь же работали «посошные работные люди». Первые и вторые получают денежную плату за свой труд, последние — «корм»⁸⁸. Однако эта разница весьма иллюзорна. Деньги в этом случае являются лишь эквивалентом «корма», не больше. В пользу этого свидетельствуют сведения о том, что деньги выдавались «на корм»⁸⁹. Смешанно оплачивались и свободные наемные работники в различных частях вотчины. В Козмином монастыре в натуральной форме оплачивался труд «наемных» кирпичников⁹⁰, а труд «ярыжных работников», выполнявших ряд работ в Москве на патриаршем дворе, в денежной форме — 10 денег в день⁹¹ на человека, что соответствует нормам «кормовых» денег (4—6 алт. в неделю на человека)⁹². В 1698/1699 г. патриаршая администрация наняла «наемных людей» и «всяких чинов людей» косить и сгребать сено на одном из подмосковных сенокосов, выплатив им по 13 алт. в неделю «на их хлебе»⁹³. В с. Сабурове (владение патриаршего Новинского монастыря) монастырские власти выплатили «наемным работникам» по 12 алт. 4 деньги в неделю человеку «на своем (т. с. на их. — А. С.) хлебе и харчу»⁹⁴.

К этому необходимо добавить несколько слов еще о двух категориях труда в крупной вотчине XVII в. К одной из них принадлежат дворники, скотники, конюхи, воловники и т. д., которые в патриаршей вотчине являлись по сути дела теми же «домовыми работниками». В дворни-

⁸⁶ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 162, лл. 89—90.

⁸⁷ Там же, лл. 24—64.

⁸⁸ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 25, лл. 380, 361, 383, 421 об., 434. 436 об., 442, 523 об.; кн. 61, л. 515.

⁸⁹ Там же, кн. 61, л. 380; кн. 32, л. 224.

⁹⁰ Там же, кн. 61, л. 484 об.

⁹¹ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, л. 265.

⁹² См., например: там же, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 224.

⁹³ Там же, кн. 94, л. 309.

⁹⁴ Там же, л. 312 об.

ки и скотники крестьяне уходили на время, по принуждению, получали за свою работу либо «корм» («месячину»), либо денежное содержание, а по истечении срока работы возвращались обратно в свои села и деревни. Что касается другой категории — «служебников», то со второй половины XVII в. они в монастырском хозяйстве заменяют труд барщинно-обязанных крестьян, перешедших на денежный оброк. Монастыри, в отличие от кафедры, своего сюзерена, не ликвидировали в этом случае владельческой запашки, а изыскивали новые возможности для ее обработки, точно так же, как и кафедра в «барщинных» селах. И здесь «служебники» были незаменимы: в Козмином монастыре в 80-е годы крестьяне платили «за пахоту» 25 руб. в год, а пашню пахали «служебники»; то же произошло в деревнях Овсяниковой и Сельцо⁹⁵. Такие же работы выполняли «служебники» в монастырях Царевоконстантиновском и Боголюбовом⁹⁶ и др. В качестве платы они получали либо «месячину», либо денежное вознаграждение, но это в том случае, если их труд приближался по своему характеру к труду «работников-специалистов»⁹⁷. «Служебники» вообще очень близки по своему положению к «домовым работникам», видимо, рекрутируясь из числа монастырских крестьян. Об этом говорит и тот факт, что в источнике одинаково употребляются термины «служебники» и «работники». Так, пашню, которую пахут «служебники», документы называют зачастую «работничьей пахотой»⁹⁸, а в числе «служебников» упоминаются конюхи, скотники, воловники и т. д.⁹⁹, т. е. те, кто также по своему положению близок «работникам». И когда М. А. Дьяконов называл труд «служебников» «крепостным батраческим трудом», он был недалек от истины¹⁰⁰.

Таким образом, говоря о разных видах труда в крупной вотчине XVII в., мы видим много общих черт в положении различных видов «домовых работников»: «работников» на пашне и на других неквалифицированных работах, «работников-специалистов», дворников и скотников, «служебников». Вот они принадлежат к категории феодально зависи-

⁹⁵ Там же, кн. 54, лл. 196, 199 об.

⁹⁶ Там же, кн. 61, лл. 547 об.— 548 об., 715.

⁹⁷ Там же, ф. 235, он. 2, кн. 162, лл. 23 об., 88 об.

⁹⁸ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 61, л. 715 об.

⁹⁹ Там же, л. 492—492 об.

¹⁰⁰ М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 307.

мого населения, всех их роднит подневольный характер труда, общие нормы оплаты. Поэтому у нас нет никаких оснований выделять каждый из этих видов в самостоятельную категорию. Разница в том, что «работников» было значительно больше и трудились они в основном по «барщинным» селам, где масштабы сельскохозяйственных работ были особенно велики. В других селах и в монастырях трудились «служебники», чей труд лежал в той же сельскохозяйственной сфере, но был более многообразным, а по масштабам более ограниченным¹⁰¹.

Наконец труд «домовых специалистов» применялся на различных участках хозяйства по мере надобности. Общее правовое положение всех этих «работников», одинаковые во многом формы оплаты их труда и сроки работ говорят о социально-экономической однородности этой категории населения вотчины. Конечно, это феодально зависимое население. Однако этим не исчерпывается их характеристика. Анализ положения «работников» показывает, что многие черты роднят их с действительно вольнонаемными «работниками». Это касается тех же норм оплаты, характера и сроков работ. Более того, если бы мы не знали, что в одном случае перед нами «домовые работники», а в другом вольнонаемные люди, нам было бы весьма трудно, а порой просто невозможно определить на основании имеющихся данных их социально-экономическое лицо. Поэтому, когда мы говорим о «домовых работниках», необходимо, на наш взгляд, выделять в этом, крепостническом в своей основе, труде отдельные черты найма, начало новой складывающейся традиции, которая ломала со временем крепостническую оболочку. Конечно, это не относится к «работникам» на пашне, но вполне применимо уже к «работникам-специалистам», которые имели какой-то свой определенный статус. Вспомним артели «домовых плотников» — «белозерцев», каменщиков в Ростовском уезде и т. д. Да и «домовые работники» на пашне, на других тяжелых работах силой обстоятельств ставились в иное положение, чем барщинные крестьяне. Долгая оторванность от своих

¹⁰¹ См., например, данные книги 15 (ф. 236, оп. 5) за 1658—1661 гг., где ярко прослеживается эта дифференциация (лл. 6—11 об., 16—17 об., 33—35, 97 об., 98, 98 об., 104—105 об., 110, 150 об., 191—192, 204 об.—210 об., 248—249 об. и др.), а также данные книги 61 за 1666—1680 гг. (лл. 6, 6 об., 43—46 об., 54 об., 55, 70—70 об., 107—110).

хозяйств, работа за «корм» или денежную плату не могли не воспитать в них качеств, отделяющих их от крестьян. Появились и люди, которые специализировались на продаже своей рабочей силы в форме «домового работничества». Все это говорит о том, что даже в такой сугубо феодальной оболочке усматриваются определенные черты найма¹⁰². С другой стороны, действительно, вольнонаемные люди мало чем отличаются от «домовых работников» — та же мизерная, может быть чуть больше, оплата труда, то же положение, роднящее их во многом с «домовыми работниками-специалистами». Перед нами явное сближение форм подневольного и вольнонаемного труда, причем первый эволюционировал в сторону второго: от «домового работничества» к «работникам-специалистам» и далее к оброчным наемным людям, какими, по-видимому, являлись вольнонаемные «работники» и «деловые люди». Таким образом, если подходить к вопросу с этих позиций, то тезис о применении наемного труда рядом, в сочетании с феодальными формами эксплуатации¹⁰³, не кажется столь категорическим. И уж, конечно, ничего не говорит положение о том, что «крепостнический жернов» в XVII в. сокрушал и перемалывал все те зачатки наемного труда, которые существовали в недрах феодального общества¹⁰⁴. Более правильным представляется положение о взаимопроницающих явлениях, когда феодально зависимый труд имел отдельные черты вольного найма, а свободный труд во многом выступал еще в крепостнической оболочке. Учитывая эту специфику форм труда в сельском хозяйстве XVII в., можно, на наш взгляд, правильно подойти к вопросу о генезисе наемного труда в сфере аграрных отношений в этот период.

Особенно наглядно прослеживается связь эволюции повинностей с генезисом наемного труда в рамках крупной феодальной вотчины на примере тенденций, связанных с выполнением крестьянством одной из тяжелейших повинностей — подводной. Здесь все динамично, все как бы поз-

¹⁰² Заметим, что подобную же характеристику мы можем перенести и на такую категорию крестьянства, как «половники» совера (см. Ю. А. Тихонов. Имущественное положение половников Устюжского уезда в середине XVII в.).

¹⁰³ «К вопросу о первоначальном накоплении в России», стр. 3.

¹⁰⁴ А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в., стр. 211.

торяет в миниатюре общие процессы, связанные с эволюцией ренты, с генезисом наемного труда.

Во второй половине XVII в. подводная повинность захватывает почти все владения кафедры, если они, конечно, не были полностью изолированы от других хозяйственных комплексов. Так, известна подводная повинность для владимирских сел, Карашской, Багачевской, Вятской волостей, патриарших монастырей, подмосковных сел, Ярымовской волости, нижегородских и звенигородских владений¹⁰⁵. В чем выражалась эта повинность? Во-первых, в перевозке «домового хлеба» в московские житницы, во-вторых, «в подъеме», транспортировке рыбы и соли с патриарших судов, зимовавших на Волге, в Москву и Нижний Новгород, в-третьих, в различного рода отдельных заданиях. Ежегодно сотни крестьянских подвод тянулись в разные концы страны с хлебом, солью, рыбой, бревнами, щебнем и т. д. Поставляя эти подводы, крестьяне выполняли как вотчинные, так и государственные повинности, надолго отрываясь от своих хозяйств, что вызывало их острое недовольство¹⁰⁶. И не случайно устремления вотчинных крестьян были направлены в сторону замены этой тяжелой повинности денежным оброком. В середине 70-х годов крестьяне отдельных частей вотчины добились на этом пути некоторых успехов. Вместо 752 подвод, которые обязаны были они поставить от владимирских сел, волостей Багачевской, Карашской, Вятской и некоторых монастырей, крестьяне одно время уплачивали по 0,5 руб. за подводку, а всего 376 руб.¹⁰⁷ Заметим, что все эти части вотчины относятся к ярко выраженным «оброчным» владениям, и попытка выкупить здесь и подводную повинность лежит в общем русле их хозяйственных

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 22, л. 221—221 об.; кн. 61, лл. 594—594 об., 933; кн. 40, л. 66; кн. 25, л. 29 об.; кн. 32, лл. 138 об.—139; кн. 16, л. 134 об.; ф. 235, оп. 2, кн. 48, лл. 38—38 об., 46—47.

¹⁰⁶ Насколько обременительна была эта повинность, свидетельствует уже само количество поставляемых ежегодно крестьянами на нужды кафедры подвод: владимирские села — 113, Багачевская волость — 128, Карашская волость — 225, Вятская волость — 128 (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, лл. 138 об.—139). Известно, что в 60-е годы из юрьевских сел под перевозку хлеба брали 217 подвод, из Ярымовской волости — 206 подвод, из с. Спасского (Нижегородский уезд) — 97 подвод и т. д. (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 48, лл. 38, 46—47).

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, лл. 138 об.—139.

устремлений в рамках развивающихся товарно-денежных отношений. Однако в этом случае, как и при решении вопроса о «работниках», кафедра идет лишь на отдельные уступки. Позднее мы видим, что многие «оброчные» села продолжают поставлять подводы для нужд кафедры. Правда, норма 0,5 руб. за подводку уже прочно утвердилась в хозяйственной практике, указывая на определенную в этом отношении тенденцию¹⁰⁸. На эти же устремления применительно к обязанности тяглых людей поставлять подводы для ямской гоньбы указал и С. Б. Веселовский, отмечавший, что тяглецы как особой милости добивались права заменить тяжелую повинность денежным налогом¹⁰⁹.

Конечно, эти тенденции, эти противоречивые стремления феодальной организации и крестьянства, как и в случае с «работничеством», не могли не привести к тому, что каждая из противоборствующих сторон искала свои пути решения вопроса. Для крестьянства это была кроме попытки выкупить подводную повинность также и практика найма людей со стороны вместо себя на «подводную» службу. В патриаршей вотчине такие случаи не единичны. В 1665 г. двое крестьян патриаршего Воскресенского монастыря (Ростовский уезд) «били челом» на старосту и всех крестьян в том, что они «наймали у них вести запас» и недоплатили часть денег¹¹⁰. Такая же история случилась и в е. Порецком¹¹¹. Мы можем судить об этом лишь на основании изложений сути крестьянских челобитных, но и в этом случае нельзя не почувствовать некоторых общих моментов: такой наем, судя по ординарности претензий, был, видимо, делом обычным.

Интересно, что подобная практика имела место не только в патриаршей вотчине. А. А. Новосельский также указывал на случаи найма крестьянами вотчины Безобразова вместо себя «подводчиков» и на попытки замены подводной повинности денежным оброком¹¹².

Что касается феодальной организации, то и она временами, идя навстречу крестьянам, а точнее опасаясь

¹⁰⁸ Там же, кн. 63, л. 62.

¹⁰⁹ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 1. М., 1915, стр. 130.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 236, он. 5, кн. 16, л. 377 об.

¹¹¹ Там же, л. 391.

¹¹² А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в., стр. 141, 142.

нарушения общих линий хозяйства в случае их упорства, шла на компромиссное решение. Так, с крестьян Нижегородского Благовещенского монастыря было позволено «за овсяной подъем», т. е. перевозку овса, «взять деньгами или хлебом, как им крестьянам легче»¹¹³. В 90-е годы кафедра пошла на замену крестьянам Ярымовской волости, как и в 1677 г. в случае с «оброчными волостями», подводной повинности денежным оброком¹¹⁴. Наконец кафедра, изыскивая возможности бесперебойного функционирования «транспорта» и порой не рассчитывая на крестьянские повинности, особенно там, где дело касалось долгих поездок, тяжелых перевозок, прибегала к услугам наемных «возчиков» как из числа «сторонних людей», так (и это самое любопытное) своих же вотчинных крестьян, которые, по-видимому, специализировались в сфере извоза. Начиная с 40-х годов XVII в. до нас доходят сведения о применении труда «наемных извозчиков» при перевозке «рыбного запаса» из Варзужской волости (Двинский уезд) в Москву. Можно догадаться, что эти «извозчики» — крестьяне патриаршей Череповецкой волости (Белозерский уезд). Об этом говорит одна из записей, где сказано, что половина денег, заплаченных череповецкими крестьянами за провоз рыбы, собирается с мира, а половина — берется из патриаршей казны¹¹⁵. Практически получается, что перешедшие на оброк крестьяне северных патриарших владений оплачивают наем «извозчиков». Под феодальной обочкой развивается по сути дела наем — мы бы сказали — предкапиталистический наем, поскольку здесь наличествуют черты как феодальных, так и развивающихся буржуазных производственных отношений. В 40-е же годы зарождается и та норма 0,5 руб. за подводу, которая становится обычной во второй половине века. Именно такую плату получили от кафедры 17 крестьян из сел Ильинского и Поелова (Юрьевский уезд), поставлявшие подводы «под обиход» от с. Ильинского в Москву¹¹⁶. Среди «подводчиков», получавших денежную плату за извозные работы, фигурируют в это же время трое крестьян с. Пушкино, четверо

¹¹³ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 84, лл. 20 об.—21.

¹¹⁴ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 21; кн. 63, л. 62.

¹¹⁵ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 15, л. 184; кн. 22, лл. 242, 248.

¹¹⁶ Там же, кн. 22, л. 187.

крестьян с. Троицкого-Голенищева¹¹⁷. По 0,5 руб. за подводу получили также трое крестьян дер. Гладышевой (с. Троицкого), перевозившие бревна от р. Сетуни в с. Троицкое¹¹⁸, и т. д. В числе «наемных возчиков» выступают и московские слободчане¹¹⁹.

Подобная практика имеет место и позднее. Случай найма «возчиков» из числа патриарших крестьян известны для 70-х и 90-х годов¹²⁰.

Таким образом, на примере эволюции одного типа повинности — подводной и генезиса наемного труда в сфере извоза видны общие закономерности эволюции наемного труда в крупной вотчине XVII в.: попытка перевода крестьянами наиболее тяжелых форм феодальной повинности в область наемного труда, если невозможно было вообще откупиться от них оброком (особенно это наглядно проявлялось в районах, прочно вставших на путь «оброчных» отношений), борьба хозяйственных тенденций вокруг этого вопроса феодальной организации и феодально зависимого крестьянства, являющаяся одной из форм классовой борьбы, появление особой группы крестьян — «специалистов», традиционно выступающих в сфере наемного труда (лица, заменяющие труд работников на сельскохозяйственных работах, плотники, каменщики, «возчики» и т. д.), развитие таких видов наемного труда, которые находились на пути от феодальной эксплуатации к вольному найму.

¹¹⁷ Там же, лл. 340 об., 345.

¹¹⁸ Там же, лл. 363 об., 345.

¹¹⁹ Там же, лл. 184 об.—185.

¹²⁰ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 32, лл. 132, 234; кн. 25, л. 484 об.

6. Роль аренды в крестьянском хозяйстве

Прежде всего несколько принципиальных соображений. Что иметь в виду под понятием «аренда земель крестьянством»?

Речь идет об оброчных землях, которые феодальные земельные собственники сдавали во временное пользование как другим феодалам, так и крестьянам. Однако в первом случае, как и во втором, именно крестьянство выступало в качестве силы, осваивающей и разрабатывающей эти земли не только в собственных интересах, но и в интересах феодала, который, поощряя аренду земель крестьянами, преследовал весьма прозаические цели — увеличить количество поступающего с крестьян оброка, а, при случае, если это шло в ногу с его хозяйственными устремлениями в данном районе, превратить оброчные земли в тяглые и тем самым увеличить число тяглого обштинного мира, сидящего на его землях.

В данном разделе мы касаемся в основном именно этой стороны дела, т. е. увеличения крестьянами своего земельного фонда за счет вненадельных оброчных земель. Правда, существовала еще одна форма этого увеличения — перераспределение между крестьянами надельных, общинных земель. Этот процесс происходил особенно интенсивно в периоды общего движения земельной собственности из рук одних феодалов в руки других в соответствии с определенными политическими переменами в стране. Возобладание одной группы феодалов над другой в политической и экономической областях, как правило, сопровождалось и перераспределением земельного фонда среди крестьянства борющихся феодальных групп, кото-

рое было исполнителем экономических устремлений феодальных собственников.

Во всех случаях появление в руках крестьян дополнительного к надельному фонду земель как в форме оброчных земель, так и в форме тяглых земель не меняло сущности феодальной земельной собственности. Крестьяне по-прежнему были лишь условными владельцами земли, являющейся фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика. Советские историки неоднократно подчеркивали в своих работах важность изучения складывания и развития феодальной земельной собственности для понимания общих закономерностей исторического развития Русского государства периода феодализма¹⁻². Однако их в этой связи интересовала лишь одна сторона дела: каким образом мобилизация земель в руках феодального класса усиливала его экономические и политические позиции и сколь пагубным оказывалась она для крестьянства. В основном вызывали интерес вопросы о том, как по мере развития феодальной земельной собственности укреплялись феодальные производственные отношения, какое влияние оказывал этот процесс на формы эксплуатации крестьян, формы и уровень классовой борьбы, на организацию феодального хозяйства и т. д.

Меньше посчастливилось другим сторонам этого же процесса: как влияло перераспределение феодальной земельной собственности на эволюцию самого крестьянского хозяйства; забывалось, что в этом процессе крестьянство было не только объектом, слепо выполняющим волю феодалов, но и субъектом, исходящим во всех своих действиях из интересов собственного хозяйства, личной выгоды, глубоко расходившейся с интересами феодального владельца. Допускала ли власть феодала существование таких враждебных интересов? По-видимому, да, так как это являлось основой для поддержания самостоятельных крестьянских хозяйств, составляющих основу могущества суверена. Таким образом, если принять эту диалектическую посылку, встает целый комплекс дополнительных и не менее важных вопросов: как влияло перераспреде-

¹⁻² См., например: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., 1956; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., кн. 2. М.—Л., 1951, и др.

ление феодальной земельной собственности на благосостояние крестьянских хозяйств, на их взаимоотношения внутри крестьянской общины, на расслоение крестьянства, на отношения этих хозяйств с рынком и т. д., в каком взаимодействии находились эти процессы с общим строем жизни русского крепостного крестьянства? Особенно важно поставить эти вопросы при изучении истории русской деревни XVII в., периода, когда начал складываться всероссийский рынок, значительно выросли товарно-денежные отношения.

На появление первых признаков аренды крестьянами внаемных земель указал применительно к XV в. Л. В. Черепнин. Нам кажется весьма основательной его мысль о том, что «издельное серебро» того периода не исключает понятия уплаты оброка за землю³. Это были первые опыты в развитии системы отношений, начавшей играть важную роль в крестьянском хозяйстве с XVII в. Именно тогда крестьяне в противовес общему стремлению феодалов использовать аренду земель для увеличения тяглого населения стремились пойти своим путем, превращая оброчные земли в средство усиления хозяйственной независимости от земельного собственника. Эти — то сходящиеся, то расходившиеся стремления феодала и крестьянина шли в обход правительственной практики, запрещавшей передачу земель «из оброка» от одного владельца к другому⁴.

Если аренда земель крестьянами придавливалась существующими и развивающимися феодальными производственными отношениями, то намного труднее для крестьянства было добиться увеличения земельного фонда лишь в рамках общинного землепользования. Феодальный строй ставил на пути крестьянской инициативы, которая стала бурно развиваться в этом направлении в условиях развития рыночных отношений, когда интерес к земле как к средству расширения и усиления хозяйства стал весьма значительным, серьезные препятствия. И все же крестьянство находило обходные пути для преодоления этих препятствий.

³ Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. — «Проблемы источниковедения», т. IV, стр. 329.

⁴ См. об этом: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, стр. 141.

Таким образом, процесс, имевший в слабой форме место и в предшествующие столетия, в условиях XVII в. привел к результатам, постепенно подготавливающим почву для новых явлений. Мобилизация земель крестьянством в XVII в. явилась в условиях быстрого по сравнению с предшествующим периодом развития товарно-денежных отношений важным моментом в создании предпосылок для расслоения деревни⁵.

Многие историки, касающиеся вопросов социально-экономического развития русской деревни конца XVI — XVII в., обращали внимание на факты развития арендных отношений в русской деревне этого периода. Так А. А. Савич, исследуя землепользование крестьян Сумской волости, принадлежащей Соловецкому монастырю, отметил, что наличие в среде крестьянства зажиточной части в конце XVI — начале XVII в. непосредственно связано с мобилизацией именно в руках этой части крестьян больших участков земель — долей обжи и соляных угодий — цренов⁶, переходящих из рук обедневших крестьян в руки более обеспеченной части деревни на правах тяглых земель. Указывает А. А. Савич и на такую форму приобретения крестьянами земель дополнительно к своим участкам, как взятие на оброк у монастыря пахотных земель, сенокосов⁷. Именно на оброк, а не в тягло. А. А. Савич

⁵ Под имущественной дифференциацией мы имеем в виду сумму фактов, связанных лишь с характеристикой материального уровня крестьянства и не позволяющих сделать каких-то обобщений социального порядка, хотя не исключено, что сами эти факты при наличии иных компонентов являются одним из признаков расслоения крестьян. Что касается последнего термина, то он, в нашем понимании, обнимает более широкий круг явлений и применим лишь тогда, когда налицо определенные социальные признаки той или иной группы крестьян. Можно ли назвать такое расслоение в применении к XVII в. буржуазным? Скорее всего нет, так как расслоение этого типа еще тесно связано с феодальным производством, уходит корнями в феодальные производственные отношения и определяется не развитием капиталистических начал в сфере аграрных отношений этого периода, а трансформацией самого феодального способа производства. Вместе с тем расслоение крестьянства XVII в. имеет ряд черт, роднящих его с расслоением деревни эпохи капитализма, которое несомненно вырастает на почве расслоения, зародившегося в феодальный период и трансформировавшегося далее по пути буржуазного расслоения.

⁶ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 174.

⁷ Там же, стр. 175.

справедливо отмечает, что оброчные владения давали больше простора для хозяйственной инициативы крестьянства, чем тяглые, обремененные различного рода повинностями и денежными платежами. «Крестьянин-арендатор, — заключает А. А. Савич, — знал только одну кортомную плату (денежный оброк. — А. С.). Этим, конечно, объясняется, почему крестьяне предпочитали снимать землю у монастыря на правах кортомы или даже вновь распахивать полевую землю, что освобождало их в течение «льготных лет» даже от обычной платы»⁸.

Этот процесс мобилизации оброчных земель незначительной зажиточной частью крестьянских хозяйств особенно усиливается в Соловецкой вотчине в связи с хозяйственным кризисом, вызванным шведским разорением в начале 90-х годов XVI в., а затем в ходе становления хозяйства. «Наблюдая жизнь волости даже за такой небольшой промежуток времени (1594—1599), — пишет автор, — можно заметить, как буквально на наших глазах некоторые крестьянские хозяйства укрепляются, а другие, особенно мелкие, падают»⁹. И вновь А. А. Савич обращает внимание на то, что перераспределение монастырских земель среди крестьянства является одним из факторов процесса расслоения крестьянства в этом районе¹⁰.

В связи с наблюдениями автора хочется остановиться еще на некоторых аспектах его исследования: факты весьма убедительно свидетельствуют, что Сумская волость была довольно бойким торговым районом. Сумский посад имел свою таможню¹¹. Товарно-денежные отношения достигли здесь значительного развития, что нашло отражение в развитии в данном районе денежной формы ренты. Крестьяне старались выкупить у монастыря различные издельные повинности¹². Имеет ли все это какую-нибудь связь с практикой аренды крестьянами монастырских земель и складыванием комплекса крупных крестьянских хозяйств, начинающих работать на рынок? На наш взгляд, определенную. Лишь при наличии значительного уровня развития товарно-денежных отношений

⁸ А. А. Савич. Указ. соч., стр. 179.

⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 182.

¹² Там же, стр. 175.

могли сложиться такие условия, когда взятие земель на оброк было выгодно крестьянским хозяйствам, могущим реализовать в сфере рынка свою продукцию. Кроме того, та же сфера давала крестьянину деньги для выплаты небольших оброчных сумм.

Крестьяне активно боролись за право увеличить свои земли. А. А. Савич упоминает, например, документ, из которого явствует, что в 1661 г. братья Иван и Петр Пузовы били челом монастырю в том, что у них нет оброчных угодий, а есть лишь тяглые участки, между тем как некий Яков Михайлов владеет на морском берегу «лишком оброчных земель»¹³. Здесь прямо обращает на себя внимание недвусмысленная связь понятий благосостояния с понятием оброчных земель. Тяглые участки, даже прирезанные к прежнему наделу, не шли ни в какое сравнение с оброчными, дающими относительный простор для хозяйственной инициативы.

Таким образом, в Соловецкой вотчине тяга к аренде крестьянством земель происходила на фоне развития товарно-денежных отношений и приобрела значительные масштабы в связи с кризисом конца XVI в. Эта аренда являлась одним из признаков имущественного расслоения крестьянства Соловецкой вотчины.

Факты взятия на оброк земель дополнительно к тяглым отмечал в хозяйстве поморского Антониево-Сийского монастыря в XVII в. (причем, на протяжении всего века начиная с 40-х годов) Г. Н. Образцов¹⁴. Правда, анализируя одну из порядных записей крестьян с монастырем на дер. Катаевскую, автор несколько недоуменно говорит: «Трудно сказать определенно, что привело этих крестьян в дер. Катаевскую. Судя по тексту порядной записи, они не были обедневшими людьми»¹⁵. Сравнивая подобные тенденции по другим владениям, можно сказать: эти крестьяне появились здесь именно потому, что они не были обедневшими. Оброчная земля арендовалась крепкой, зажиточной частью крестьянства и сама была фактором дальнейшего усиления крестьянского хозяйства.

¹³ Там же, стр. 181.

¹⁴ Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийского монастыря.— «Исторический архив», 1953, т. VIII, стр. 83.

¹⁵ Там же, стр. 84.

Аналогичные наблюдения можно сделать и на основе анализа данных Л. С. Прокофьевой относительно вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря. Л. С. Прокофьева отмечает сам факт имущественного расслоения крестьянства¹⁶, однако не связывает этот процесс непосредственно с мобилизацией земель крестьянством. И напрасно, так как в ее распоряжении имелись определенные данные.

Говоря об усилении крепостнического гнета в XVII в., Л. С. Прокофьева видит это на примере вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря в том, что здесь происходило сокращение крестьянских земельных наделов¹⁷. Вместе с тем Л. С. Прокофьева приводит факты о том, что в этот же период времени часть крестьянства брала на оброк в дополнение к своим наделам новые участки земли¹⁸. А вот и вывод: «К пополнению земельного участка чаще всего прибегала более зажиточная часть крестьянства, возможно для того, чтобы передать этот участок своим детям»¹⁹. Мы встречаемся с уже знакомым нам явлением взятия на оброк пахотных земель, пустошей, выходящих на долгое время «на льготу» и усиливающих тем самым хозяйственную мощь крестьянских хозяйств. Что касается усиления крепостнического гнета, то оно играло в условиях развивающихся товарно-денежных отношений роль своеобразной лакмусовой бумажки, испытывая на прочность крестьянские хозяйства и способствуя их дальнейшему расслоению, что вполне находит отражение в материалах Л. С. Прокофьевой. В данном случае факты усиления повинностей, роста платежей и т. д. сыграли по отношению к крестьянским хозяйствам Спасо-Прилуцкого монастыря ту же роль, что и шведское нашествие в свое время для крестьянства Соловецкой вотчины. В этом, по нашему мнению, также необходимо усматривать диалектику феодальных производственных отношений, когда действие типичных «феодальных» сил приводило к зарождению такого расслоения крестьянства, которое в условиях XVII в. означало не просто имущественную дифференциацию, а создавало почву для

¹⁶ Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, стр. 13.

¹⁷ Там же, стр. 140.

¹⁸ Там же, стр. 157.

¹⁹ Там же, стр. 161.

зарождения будущих крепких хозяйств, имевших многие признаки расширенного товарного воспроизводства. Применительно к крестьянскому хозяйству Спасо-Прилуцкого монастыря это особенно наглядно видно при анализе приводимых Л. С. Прокофьевой поручно-порядных записей. Говоря о переходе при оформлении «аренды» земель в XVII в. от порядных записей к поручно-порядным²⁰, введившим институт поручителей, Л. С. Прокофьева видит здесь лишь отражение усиления крепостнического гнета²¹. Не вдаваясь в дискуссию, нам хочется обратить внимание на другое: поручные записи ярко свидетельствуют о расслоении крестьянства именно в сфере аграрных отношений. В самом деле, кто такие «порутчики»? Это наиболее зажиточная часть крестьянства монастырской вотчины. В одном случае несколько порутчиков были обязаны заплатить за порядчика штраф в размере 5 руб.²², в другом случае сумма возрастала до 15 руб.²³, в третьем — «порутчики» обязывались ответить сполна «за дворовую непоставку и за земельную нераспашку», а также вернуть взятые порядчиком семена²⁴. Связь «порутчиков» с земледельческими занятиями и прямая обязанность их держать ответ перед монастырем не только деньгами, но и своим имуществом прямо наводят на мысль о хозяйственных занятиях «порутчиков». Они были разбогатевшими «пахотными» крестьянами монастыря. Иногда в числе поручителей упоминаются несколько человек, и тогда трудно определить хозяйственное положение «порутчиков», иногда их всего двое, что значительно облегчает задачу.

Об интенсивной имущественной дифференциации крестьянства на основе увеличения им своих земельных фондов говорят и данные А. Г. Манькова относительно хозяйства вотчинных крестьян Краснохолмского Антониева монастыря²⁵. Что такое здесь отдача «жеребьев» «на посилье»? Это то же самое, что увеличение участков тяжелых земель в крестьянских хозяйствах Соловецкой вот-

²⁰ Там же, стр. 147.

²¹ Там же, стр. 153.

²² Там же, стр. 175.

²³ Там же, стр. 177.

²⁴ Там же.

²⁵ А. Г. М а н ь к о в. О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI в.— «История СССР», 1959, № 2.

чипы, а «пожалования» — льготные и безоброчные, которые развились в вотчине особенно после хозяйственного разорения 70—80-х годов XVI в.²⁶, — сродни льготной «аренде» земли. Характеризуя «носилье», А. Г. Маньков пишет: «Посилье являлось дополнительным источником доходов для собственника земли, следовательно, оно может быть расценено как одна из экономических функций феодальной собственности на землю. С другой стороны, такого рода сделка могла иметь место лишь при известной заинтересованности крестьянина; такая отдача носила некоторые черты купли-продажи, в результате чего крестьянин приобретал известные права владения участком, необходимые ему для развития его хозяйственной инициативы»²⁷. Красноречивый вывод! И если согласиться с ним, то, конечно, необходимо признать, что в данной вотчине зарождались те же явления, характерные и для других вотчин, втянутых в сферу товарно-денежных отношений. Правда, в вотчине монастыря мы не встречаемся с широкой практикой «оброчных» земель. Неясны для нас здесь и связи крестьянских хозяйств с рынком. Но не нужно забывать, что речь идет лишь о второй половине XVI в., о не крупном вотчинном хозяйстве, расположенном вдалеке от торгово-промышленных центров.

Более определенно процесс мобилизации земель немногими крестьянскими хозяйствами прослеживается при изучении черносошной деревни. Здесь не ощущались с такой силой крепостнические преграды, как в вотчине или поместье. А. А. Преображенский в таблице, составленной на основании данных переписных книг начала XVIII в. по Кунгурскому уезду (Западный Урал), убедительно показал, что в руках небольшой группы крестьян уезда (2,9%) сосредоточивалось 12,1% всей пашни (10 дес. и более на одно хозяйство²⁸). А. А. Преображенский указывает на известную свободу отчуждения земельных владений, свойственную вообще черносошной деревне²⁹. (Конечно, здесь этот процесс был более ярко выражен, чем, скажем, в Спасо-Прилуцкой или Соловецкой вотчине, хотя мы не видим между ними принципи-

²⁶ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 144.

²⁷ Там же, стр. 142.

²⁸ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956, стр. 197—199.

²⁹ Там же, стр. 199—200.

альной разницы. Дело просто в степени воздействия на него крепостнического строя.) Затем он подчеркивает, что подобная свобода давала возможность зажиточной верхушке, закабалия бедноту, постепенно прибирать к рукам земельные участки последней, что вызывало возникновение значительной группы безземельных и мало-земельных крестьян, с одной стороны, и «прожиточных» многоземельных — с другой³⁰. Итак, налицо — расслоение, основанное на перераспределении земель, и появление на этой основе деревенской безземельной бедноты, поставляющей рабочие руки для богатых крестьянских хозяйств, а также на посадки, и сами эти крестьянские хозяйства, появление которых В. Н. Шерстобоев, например, прямо связывает с процессом зарождения в деревне прообраза кулацкой верхушки³¹.

На примере Кунгурского уезда, района сравнительно развитых товарно-денежных отношений, А. А. Преображенский замечает те же особенности расслоения крестьянства, что и другие исследователи по иным районам: «Усиление крепостнической эксплуатации, рост товарного производства и сравнительная свобода отчуждения земельной собственности... способствовали процессу расслоения крестьянства и посадских людей Кунгурского уезда»³².

А вот еще примеры. В. Н. Шерстобоев также писал, что зажиточная часть крестьянства приобретала земли бежавших или разорившихся крестьян³³, а также «новые» земли на оброчных или «льготных» безоброчных условиях³⁴. По-видимому, и здесь этот процесс являлся первопричиной той пауперизации крестьянства, о которой говорили Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов³⁵, и во многом определял отходничество в города. В. И. Шунков, критикуя В. Н. Шерстобоева за недооценку им уровня развития крепостнических отношений, указал в то же время, что наблюдения автора в от-

³⁰ Там же, стр. 200.

³¹ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства в XVII и начале XVIII вв. Иркутск, 1949, стр. 232.

³² А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 216.

³³ В. Н. Шерстобоев. Указ. соч., стр. 233.

³⁴ Там же, стр. 231.

³⁵ См. Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв.— «История СССР», 1962, № 3, стр. 91.

меченной связи характерны не только для крестьянства Сибири, но и для деревни центральных районов Русского государства XVII в., когда «часть крестьянства при развитии товаризации хлеба уже могла производить накопление, что привело к образованию деревенской верхушки, применявшей уже наемный труд»³⁶.

О широкой практике увеличения своих земельных владений зажиточными крестьянами говорит и Г. А. Ряпухина. Она отмечает, что это увеличение шло в основном за счет приобретения оброчных земель, которые «можно было продать, променять, завещать»³⁷. Может быть, автору следовало бы упомянуть, что на это обратил внимание еще А. Лаппо-Данилевский, который указывал, что «от долгосрочного оброка нетрудно было перейти и к наследственному владению, которое повело (как это видно в Вятском крае еще в XVII в.) к возможности завещать оброчный участок, сдать его, заложить, променять и даже продать»³⁸.

Ю. А. Тихонов, анализируя положение половников Устюжского уезда в середине XVII в., писал, что некоторые из них увеличивали массивы обрабатываемой земли путем организации пашни «наездом», взятия земель «исполу» у нескольких владельцев сразу и применяли в своих хозяйствах наемный труд³⁹; появлялись даже «половники-вотчинники», обрабатывающие свои земли при помощи порядчиков, рекрутирующихся из числа разорившихся безлошадных крестьян⁴⁰. Н. В. Устюгов в обобщающей работе по истории черносошного северного крестьянства XVII в. также отмечал, что перераспределение черносошных земель из рук одних владельцев в руки других «вело к обезземеливанию бедноты и к сосредоточению земельных участков у богатой верхушки чер-

³⁶ В. И. Шунков. В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства в XVII и начале XVIII вв. Иркутск, 1949.— «Вопросы истории», 1950, № 3, стр. 133.

³⁷ Г. А. Ряпухина. Оброчные земли на Вятке XVII в.— «Русское государство в XVII в.» М., 1961, стр. 45.

³⁸ А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890, стр. 19.

³⁹ Ю. А. Тихонов. Имущественное положение половников Устюжского уезда в середине XVII в.— «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма». М., 1961, стр. 57, 59.

⁴⁰ Там же, стр. 59—60.

носошной деревни»⁴¹. Необходимо сказать, что Устюжский уезд был также районом развитых товарно-денежных отношений, и тенденция здешнего крестьянства к увеличению фонда земель, по-видимому, лежала в сфере этих отношений.

На этот же процесс применительно к землевладению северорусских волостных церквей указала З. А. Огризко⁴².

Таким образом, обобщение данных советских исследований, интересовавшихся затронутой проблемой, ясно показывает, что мобилизация земель в руках зажиточного крестьянства шла в основном в виде аренды оброчных земель. Это была форма владения землей, наиболее созвучная как с хозяйственными устремлениями крестьянина, так и выгодная феодальному собственнику. Наличие свободных земель и свободных крестьянских рук было непременным условием процесса⁴³. Необходимо еще раз подчеркнуть, что тенденция к земельным арендам со стороны крестьянства прослеживается особенно четко там, где налицо уже было значительное для того времени развитие рыночных связей, где процесс общественного разделения труда вызвал к жизни потребность в специальных поставщиках сельскохозяйственных продуктов и где в связи с этим хлеб и другие продукты русской деревни прочно стали одним из предметов местного рынка. Однако этот процесс был медленным, а участие в нем крестьян затруднено феодально-крепостническими отношениями.

⁴¹ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.— «История СССР», 1961, № 6, стр. 61.

⁴² З. А. Огризко. Землевладение северорусских волостных церквей в XVII в.— «История СССР», 1961, № 3, стр. 76.

⁴³ Здесь могут быть возражения: а вотчина А. И. Безобразова? (см. А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929). Ведь там не отмечалось расслоения в том объеме и направлении, о котором только что шла речь. Не знали там крестьяне и оброчных земель и т. д. Это так. Но если внимательно приглядеться к данным, собранным А. А. Новосельским, можно видеть, что вотчина А. И. Безобразова — типичное натуральное хозяйство, со слабыми рыночными связями, с барщиной как основной формой ренты и недостаточной в связи с этим рабочей рук, со значительными размерами барской запашки и многочисленными издельными повинностями (А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 108, 133, 134, 140, 158, 160).

Расслоение крестьянства XVII в. в вотчине московских патриархов, как и в других районах и хозяйствах, основывалось, поскольку это касалось земледельческого хозяйства, также на мобилизации земель частью крестьянства.

Ни в одном из упоминаемых вотчинных хозяйств мы не видим такого количества земель, взятых крестьянами на оброк, как в патриаршей вотчине.

Прежде всего, откуда появились эти земли в самом центре государства, где давно уже закончился их раздел между феодальными собственниками? Во-первых, они рекрутировались за счет так называемых пустых церковных земель. Во-вторых, за счет запустевших вотчинных (домовых) земель.

Присвоив себе право патроната над пустыми церковными землями, кафедра, продолжая линию, наметившуюся еще с XV в., стремится превратить их в домовую вотчинную землю при помощи своих вассалов (патриарших детей боярских, патриарших монастырей) и вотчинных крестьян. И здесь мы еще раз убеждаемся, как в процессе движения феодальной земельной собственности происходит мобилизация земельных владений среди крестьян, как под феодальной оболочкой зреют новые явления.

При помощи крестьянской «аренды» патриаршая кафедра закрепляет за собой пустые церковные земли в Юрьевском, Переяславском, Ржевском, Московском, Звенигородском, Белозерском, Владимирском уездах, где владения кафедры были особенно обширными⁴⁴. Иногда бывало так, что пустые церковные земли по челобитью патриарших крестьян отнимались у прежних оброчников и отдавались крестьянам. Так было с церковной землей «Дмитрия Селунского» в Звенигородском уезде, которая была отнята у подьячего Матфея Култыкова и передана «из оброку» патриаршим крестьянам с. Степановского этого же уезда К. Алексееву и С. Михайлову⁴⁵. Пустошь в Юрьевском уезде, бывшая ранее на оброке за попом Никитой, была передана крестьянам с. Косинского⁴⁶. Крестьяне с. Пьяницына (Переяславский уезд) получили сенные покосы, бывшие на оброке за В. Потаповым⁴⁷.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, книги 12, 19, 55.

⁴⁵ Там же, кн. 12, л. 44.

⁴⁶ Там же, кн. 19, л. 763 об.

⁴⁷ Там же, л. 201.

Тенденция к отдаче на оброк «домовым» крестьянам церковных земель и передача этих земель крестьянам от других оброчников прослеживается по приходо-расходным книгам оброчных «пустовых» церковных земель с 30-х годов XVII в. до конца столетия. Среди крестьян-оброчников, при помощи которых кафедра прибирает к рукам церковные земли, есть и те, кто берет оброчные участки дополнительно к своим старым тяглым землям и так называемые новые крестьяне, новоселебные, под которыми документы понимают не столько крестьян, заново появившихся в патриаршей вотчине, сколько тех, кто вышел на место жительства и хозяйствование из тех или иных владений вотчины. В 1646 г. в Звенигородском уезде пустошь Спицыно, отнятая у прежнего держателя князя И. А. Воротынского, была отдана на оброк «новым крестьянам» с. Степановского⁴⁸. Спустя 40 лет эта пустошь все еще члелится как оброчная земля новоселебных степановских крестьян⁴⁹. А вот запись о даче на оброк «из селидьбы» церковной земли в Юрьевском уезде па р. Кисти в 1642/1643 г. крестьянину М. Еремееву: «И на той земле,— говорится в записи,— велено ему двор поставить и всяким дворовым строением устроить. А в тех оброчных деньгах для селидьбы дано ему, Мартыну, льготы на два года... А как льготные годы отойдут, и ему с той земли оброк платить по-прежнему и изделье делать со крестьяны вместе»⁵⁰. Церковная земля здесь осваивалась как обычное вотчинное владение силами феодально зависимого населения. Подобные же факты прослеживаются за 40-е и 80-е годы XVII в. и в патриаршем вотчинном с. Пушкино, где крестьяне свыше 40 лет владели церковными землями безоброчно, «льготно» и лишь в 80-х годах стали уплачивать за них денежные оброки⁵¹. В 1678/1679 г. во время переписи патриаршие приказы, подсчитывая количество дворов в патриарших селах Владимирского уезда, писали, что там находится 327 дворов с теми, «что на церковных землях»⁵². Таким образом, приказная терминология не отличает по существу цер-

⁴⁸ Там же, кн. 19, л. 942 об.

⁴⁹ Там же, кн. 55, лл. 1351 об.— 1352.

⁵⁰ Там же, кн. 19, л. 232.

⁵¹ Там же, лл. 1200, 1204, 1210; кн. 55, лл. 155 об., 440, 759, 1126, 1474; кн. 94, л. 109; кн. 109, лл. 122 об., 123.

⁵² Там же, ф. 230, оп. 5, кн. 40, л. 15.

ковных земель от вотчинных. Каков же вывод? Предоставление кафедрой своим крестьянам на оброк церковных земель приводило к расширению территории патриаршей вотчины, росту масштабов и развитию ее хозяйства за счет освоения земель новыми крестьянскими силами и перегруппировки старых сил, к увеличению числа феодально зависимого населения, труд которого в применении к земле представлял наивысшую ценность в глазах феодального собственника. Одновременно и параллельно с укреплением и расширением феодальных производственных отношений, к которым объективно вело освоение новых земель феодально зависимым населением, появление фонда новых земель в составе патриаршей вотчины содействовало переходу части крестьянства на путь оброчных отношений, расслоению крестьянства.

Перед нами целая группа записей, по разным книгам, за разный период лет, но удивительно похожих друг на друга: короткие справки о взятии крестьянами на оброк церковных «пустовых» земель в дополнение к своим тяглым участкам. Мы говорим «в дополнение» потому, что в этих записях ясно указывается, что тот или иной участок берут на оброк крестьяне данной деревни, в отличие от «новых» крестьян, новоселебных, которых отличают другие записи. Обращает на себя внимание тот факт, что небольшие участки земли за малые суммы берут, как правило, несколько крестьян. Это аренда общинной, аренда, продиктованная острой нехваткой земли, что подтверждается и тем, что большинство оброчников увязает на долгие годы «в доимке». Крестьяне с. Пушкино еще при патриархе Иоасафе (ум. в 1640 г.) взяли на оброк за 20 алт. 4 деньги церковные земли приселка Клиника с. Митрополя и владели этой землей вплоть до 80-х годов XVII в.⁵³ Они же владели в 60-х и 80-х годах и другими участками церковных земель в Московском уезде⁵⁴. Часть церковных земель с. Митрополя была в это же время на оброке (30 алт. 2 деньги) за крестьянами И. Григорьевым с товарищами⁵⁵. Третья группа пушкинских крестьян держала в 60-е и 70-е годы на об-

⁵³ ЦГАДА, ф. 235, он. 2, кн. 55, лл. 155, 410, 759; кн. 94, л. 190; кн. 109, лл. 122 об., 123.

⁵⁴ Там же, кн. 55, лл. 135, 442 об., 442, 1475; кн. 109, лл. 122 об., 123.

⁵⁵ Там же, кн. 55, лл. 137, 761, 1127 об.

роке (15 алт. 2 деньги) земли приселка Давыдовского того же села Митрополя⁵⁶. В 50—60-е годы крестьяне Г. Григорьев «с товарищи» держали на оброке церковные земли в Белях (Московский уезд), задолжав оброчную годовую плату (3 алт. 3 деньги) за 15 лет, с 1652 по 1667 г.⁵⁷ Крестьяне П. Афанасьев «с товарищи» держали в 70—80-х годах на оброке (15 алт.) церковные земли в Ваханской десятине (Московский уезд)⁵⁸.

Подобные же факты можно проследить и относительно патриаршего с. Троицкого. В 50—60-е годы крестьяне А. Иванов «с товарищи» держали на оброке (30 алт. 2 деньги) церковные земли в Звенигородском уезде⁵⁹, задолжав оброк за 12 лет (с 1655 по 1667 г.), М. Деменьев «с товарищи» держали в 60-е годы на оброке церковную землю в Радонежской десятине (Польский стан, Московский уезд) за 20 алт. 2 деньги⁶⁰. Крестьяне А. Власов «с товарищи» в эти годы владели из оброка церковными землями в Звенигородском уезде, задолжав платежи с 1662 по 1667 г.⁶¹ В 80-е годы группа крестьян этого же села владела «изоброчпо» (24 алт.) церковными землями вдоль рек Черемховки и Пахры в Пехрянской десятине (Московский уезд)⁶².

Крестьяне с. Косинского (Звенигородский уезд) Ю. Кузьмин и Ф. Тимофеев с «товарищи» держали на оброке в 40—70-е годы церковные земли и пустоши в Звенигородском уезде (отдельные участки стоили им: 14 алт. 2 деньги; 18 алт. 2 деньги; 8 алт.; 2 гривны; 22 алт. 4 деньги). Платили они неисправно, без конца оказываясь «в доимке», тянущейся долгие годы⁶³. Остальные группы крестьян за небольшие суммы берут на оброк церковные земли в патриарших селах Сабурове

⁵⁶ Там же, д. 55, лл. 139, 444, 763, 1103; кн. 94, л. 193.

⁵⁷ Там же, кн. 55, лл. 6 об., 31 об., 953, 1312 об.

⁵⁸ Там же, лл. 146, 773 об., 1138 об., 1486 об.; кн. 94, л. 307; кн. 109, л. 256.

⁵⁹ Там же, кн. 55, лл. 6 об., 442, 650, 997, 1356.

⁶⁰ Там же, лл. 134 об., 439, 758.

⁶¹ Там же, лл. 170, 477, 800, 1164, 1514.

⁶² Там же, кн. 109, лл. 50, 253 об.

⁶³ Там же, кн. 19, лл. 29, 29 об., 30, 138—138 об., 145, 244 об., 281—281 об., 398—398 об., 538—539 об., 663, 819 об.—820 об., 1102 об.—1104; кн. 55, лл. 643, 644; кн. 94, лл. 10 об., 21, 22.

(40—60-е годы)⁶⁴, Озерецком⁶⁵, Владыкине⁶⁶, дер. Старые Рыболовы (90-е годы)⁶⁷ и др. Довольно часто встречаются записи, где говорится о взятии на оброк «пустых» церковных земель отдельными крестьянами за столь же мизерные суммы. Так, крестьянин дер. Шелоховой (Московский уезд) М. Иванов держал на оброке (10 алт.) пустошь поблизости от своей деревни⁶⁸; Ш. Шарыгин арендовал (12 алт. 2 деньги) церковные земли на Тихмене (Рузский уезд)⁶⁹. Крестьяне патриаршего Покровского монастыря Я. Степанов и И. Дмитриев держали на оброке в конце 30—40-х годов церковную землю во Владимирском уезде (11 алт. 2 деньги), задолжав платеж за ряд лет⁷⁰. Почти во всех случаях сумма не превышает 20 алт., и всюду оброчному держанию сопутствует недоимка.

Таким образом, в ходе освоения церковных земель выделялись аренды общинные и отдельных крестьян, арендующих небольшие участки земли⁷¹ за малые суммы индивидуально или сообща (это очень напоминает складничество, отмеченное А. Г. Маиновым⁷²), что, однако, не позволило крестьянам выйти из нужды, как об этом говорят статьи недоимок⁷³.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 19, лл. 308, 1198 об.

⁶⁵ Там же, кн. 55, лл. 7, 310 об., 013—613 об., 953 об., 1313 об.

⁶⁶ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 63, л. 15.

⁶⁷ Там же, л. 35 об.

⁶⁸ Там же, кн. 25, л. 171.

⁶⁹ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 55, лл. 196, 1195, 1547 об.

⁷⁰ Там же, кн. 19, лл. 94 об., 333, 590, 874 об., 1025, 1309 об.

⁷¹ Сумма оброка является в данном случае определенным, правда, не совсем точным признаком величины земельного участка. Так, по другим записям удалось установить что, например, в Переяславском уезде за 15 алт. можно было арендовать 5 дес. земли и сенокос, с которого накашивалось 10 копен сена (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 109, л. 265 об.), за 25 алт.— 8 дес. земли и сенокос с 20 копами сена (кн. 55, л. 255); 2 руб. в год стоило здесь же оброчное держание в 20 четв. пашенной земли в поло (кн. 19, л. 462); в Можайском уезде 3 алт. платилось за 2 дес. пашни и сенокос, с которого накашивалось 10 копен сена (кн. 109, л. 312).

⁷² А. Г. Маинов. О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI в., стр. 141.

⁷³ Необходимо заметить, что встречаются и факты аренды земель всей общиной за самые различные суммы. Например, крестьяне дер. Богоявленской с. Андреевского арендовали в 90-е годы за 6 руб. расположенные поблизости пустоши (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 58, л. 73 об.).

Церковные земли были лишь одним из фондов для крестьянских аренд. Другим таким фондом являлись непосредственно домовые патриаршие земли. В 30—40-е годы крестьяне Вятской волости держали на оброке сенные покосы⁷⁴. В 30-е годы оброки «с пустошей и с сенных покосов и за пашню» платили кафедре крестьяне сел Одноушева, Сабурова (Новинский монастырь), Игнатовского, Дмитровского, Пушкино, Троицкого⁷⁵. В 40-е годы крестьяне Карашской волости также держали на оброке патриаршие пустоши⁷⁶, а от 1666 г. есть сведения о том, что за оброчные пустоши в этом районе крестьяне двух третей (Чашницкой и Синилецкой) вели упорную борьбу⁷⁷. В 30—40-х годах «пустошные пашни» и сенокосы арендовали крестьяне Баглачевской волости⁷⁸.

От 90-х годов поступают записи об арендах домовых земель крестьянами сел Никольского⁷⁹, Воробьева⁸⁰ (Можайский уезд), Бродницы⁸¹ и Порецкого⁸² (Владимирский уезд) и др. Пока для нас важен не столько характер этих аренд, сколько факт их массовости, обычности для XVII в., начиная примерно с 30-х годов превращения этих аренд в неотъемлемую часть как крестьянской, так и владельческой экономики. Там, где налицо эта тенденция, где взятые на оброк земли приобретают обычный характер, неминуемо в условиях развития товарно-денежных отношений должны были выделиться крупные держания. Так оно и случилось.

На фоне массовых оброчных общинных держаний отдельными яркими пятнами выделяются индивидуальные аренды крестьян за значительную оброчную сумму. Так, крестьяне с. Троицкого Д. Киприянов и И. Шарапов в 60-х годах держали на оброке за 1 руб. 3 алт. 2 деньги церковные земли с отхожими пустошами в Московском уезде⁸³. В 90-е годы за крестьянином с. Озсрецкого М. Степановым числились оброчные пустоши. Сумма оброка равнялась

⁷⁴ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 10, л. 814; ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 144 об.

⁷⁵ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 10, л. 813.

⁷⁶ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 140.

⁷⁷ Там же, кн. 16, л. 463.

⁷⁸ Там же, кн. 91, л. 123 об.

⁷⁹ Там же, кн. 60, л. 82.

⁸⁰ Там же, л. 81 об.

⁸¹ Там же, кн. 25, л. 209.

⁸² Там же, л. 210 об.

⁸³ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 55, л. 635 об.

2 руб. 10 алт.⁸⁴ А. В. Григорьев из этого же села платил оброк 1 руб. 16 алт. 4 деньги за две пустоши⁸⁵. Крестьянин с. Игнатовского Л. Семенов в 80—90-е годы владел за оброчную плату в 2 руб. 31 алт. 4 деньги пустошами Павликовой и Дубининой⁸⁶.

Братья Я. и Д. Юрьевы из с. Владыкино в 90-е годы взяли на оброк сроком на пять лет пять пустошей за 6 руб. в год⁸⁷. В 80—90-е годы в фонд патриарших земель, отдаваемых в оброчные держания, были вовлечены Павловские пустоши⁸⁸ в Переяславском уезде (по-видимому, также бывшая церковная земля). Среди многих мелких аренд этих земель выделяется в 80—90-е годы оброчное держание А. Абакумова, крестьянина патриаршей дер. Рожновой Карашской волости. За 4 руб. 16 алт. 4 деньги в год он взял на оброк 10,5 дес. земли. А. Абакумову было разрешено сечь имеющийся под рукой лес «про свою нужду, а на сторону п на продажу сечь не велено»⁸⁹. Любопытно, что идентичное условие мы встречаем и при оформлении аренд в Антониево-Сийском монастыре в XVII в., где крестьянам наказывалось, что во время эксплуатации участка они не имеют права «в те жилые годы... на сторону сена продавати»⁹⁰. Тенденция крестьянства к расширению товарности своего хозяйства встречает противодействие феодальной организации, заинтересованной в нивелировке крестьянских хозяйств, в торможении процессов расслоения крестьянства, наносящих ущерб феодальному собственнику. Хотя упоминание о «продаже» не позволяет сделать каких-либо определенных выводов, однако сам факт его появления рядом с перечислением довольно значительных земельных угодий указывает на некоторую связь размеров держания и торговых устремлений его владельцев.

Церковные оброчные земли, как мы видим, явились одним из средств расслоения крестьянства патриарших вла-

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 25, лл. 47, 168 об.

⁸⁵ Там же, л. 167 об.

⁸⁶ Там же, лл. 92—93; кн. 63, л. 36.

⁸⁷ Там же, кн. 25, л. 166.

⁸⁸ Пользуясь случаем, заметим, что понятие «пустошь» не означает «пустая», «целинная», земля. Нередко под пустошью разумелись сложные комбинации различных земель и угодий. Нередко именовались по традиции пустошами когда-то запустевшие, но уже давно ставшие культурными участки земли.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 57, лл. 82 об.—83, 284.

⁹⁰ Г. Н. О б р а з ц о в. Указ. соч., стр. 87.

дений. Однако этот процесс был связан не только с мобилизацией церковных земель. К подобному же результату вело введение в фонд оброчных земель и собственно вотчинных владений. И здесь снова необходимо вспомнить о кризисном состоянии русского сельского хозяйства в первой трети XVII в., в результате чего во многих вотчинах, в том числе и патриаршей, появлялись заброшенные, поросшие лесом участки, ставшие источником хозяйственных устремлений крестьянства в период становления экономики, которое явственно ощущается с 30-х годов XVII в.

Связь расширения системы оброчных держателей с развитием вотчинного хозяйства несомненна. В фондах патриаршего Дворцового приказа сохранились документы, показывающие, как кафедра использовала свое право феодального собственника и эксплуатировала крестьян в новой форме путем приложения крестьянского труда к освоению целинных земель, используя такой фактор, как острая нехватка земли у крестьян.

Как правило, в начале аренды участок земли, сдаваемый на оброк, — это или целина, или лес, или сенокос, или «старая роспашь», т. е. такой участок, к которому необходимо приложение значительного количества труда. Эти земли патриаршая кафедра раздает «иод селидбу», «из росчистки» и т. д., давая их владельцам значительные льготы с тем, чтобы затем сделать эти участки либо оброчными (что было выгодно крестьянам), либо тяглыми (к чему порой стремилась феодальная организация)⁹¹. В этом случае возможно, что сведения об оброчной задолженности крестьян (статья недоимок) говорят не только о хозяйст-

⁹¹ Особенно много фактов подобного рода относится к концу столетия. Крестьянин с. Работки И. Любимцев взял «в оброк на очистку» от кустов сениые покосы (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 58, л. 67). Бсрут на оброк «из розчистки» земли крестьяне с. Романовского (Переяславский уезд) — группами, за небольшие суммы (кн. 25, лл. 223, 223 об., 310, 311 об.; кн. 60, л. 31—31 об.). В марте 1691 г. бьют челом патриарху крестьяне дер. Домницной о «збавлении» оброков за Буйковский луг (кн. 58, л. 87). «Новорозчистной» поляной в Белозерском уезде владел «из оброку» крестьянин патриаршего Череповецкого монастыря Ф. Андреев (кн. 58, л. 119 об.). Заинтересованность крестьян в оброчных держаниях подтверждается фактами существования челобитий, относящихся к этому сюжету. О заинтересованности кафедры в этих же держаниях говорит, например, следующая короткая запись в книге Дворцового приказа, относящаяся к приказчику патриаршего с. Троицы: «Велено Федьке Федотову на нанятом месте строипа, безволокитно» (кн. 58, лл. 111 об.— 112).

венном положении крестьянства, но и о его стремлении как можно дольше сохранить либо льготное status quo, либо как максимум пойти на уплату оброка, не допуская до положения участка в тягло. Среди оброчных держаний на домовых землях мы видим и такие, которые появлялись в результате малоземелья, «утеснения» крестьян. В этом случае участок невелик, сумма оброка мала⁹². Их большинство. Есть держания и другого типа — значительные земельные владения за сравнительно большие суммы. Они встречаются гораздо реже. В 40-е годы крестьянин с. Пяницына А. Михайлов держал на оброке (3 руб.) «пустошную пашню» и сенокосы патриаршего с. Ильинского, причем оброк платил исправно⁹³. В 60-е годы крестьянин с. Троицкого Д. Киприянов платил оброк (1 руб. 3 алт. 20 денег) за отхожие пустоши Гридниковы и церковную землю⁹⁴. Позже, от 80—90-х годов доходят сведения об оброчном держании крестьянами С. Обросимовым (с. Озерцкое) и Ф. Юрьевым (с. Владыкино) половины пустоши Марфиной (1 руб. 16 алт.)⁹⁵, трое крестьян с. Владыкина платят оброк 16 руб. 16 алт. в год за пустоши, взятые ими «на покос»⁹⁶; двое крестьян с. Романовского держали на оброке «из розчистки» за 4,5 руб. пустоши Кулишку и Владыкову⁹⁷. Любопытна запись о сдаче па оброк (16 алт. 4 денги) крестьянину патриаршего Новинского монастыря И. С. Кабанову пустоши Хотякиевой под Москвой. Он мог владеть пустошью, пахать здесь землю и косить сено до тех пор, пока она не будет отдана кому-нибудь «в тягло»⁹⁸. Эта запись ясно говорит о том, что оброчное держание было лишь дополнением к основному хозяйственному комплексу крестьянских владений в том случае, если оно не бралось «под селидьбу», и являлось средством усиле-

⁹² Показательным в этом смысле является «оброчная» деятельность в 80-е годы крестьян патриаршей дер. Ивашевой (Переяславский уезд), где было много крестьян, сидевших на крохотных участках с пятью, четырьмя, тремя сыновьями, которые уходили от отцов селиться на оброчные земли (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 33, лл. 91, 91 об., 93, 94, 95); с. Боголюбова (63 двора), крестьяне которого держали на оброке 70 дес. сенных покосов (там же, л. 34 об.), и т. д.

⁹³ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 134 об.

⁹⁴ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 55, л. 161.

⁹⁵ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 164.

⁹⁶ Там же, л. 44 об.

⁹⁷ Там же, л. 309.

⁹⁸ Там же, л. 48.

ния мощности хозяйства. Вызывают интерес и сведения о том, что «домовой оброчный» крестьянин патриаршего Новинского монастыря И. Семенов держал на оброке (5 руб. в год) участок земли близ подмонастырской слободы⁹⁹. Здесь аренда связана с такими понятиями, как «оброчный крестьянин», т. е. крестьянин, не несущий иных повинностей по отношению к кафедре, кроме денежного оброка, и, следовательно, более независимый, чем те, кто нес на своих плечах весь комплекс тягла, и «подмонастырская слобода», являвшаяся бойким торговым местом. Связь земельной аренды с предпринимательством, торговлей здесь несомненна. В этом же плане следует, на наш взгляд, рассматривать и запись, говорящую о том, что Новинский монастырь сдает на оброк торговые места, огороды, мельницы, пашню, покосы крестьянам патриаршего с. Сабурова¹⁰⁰. Здесь в одном ряду такие явно «предпринимательские» статьи, как торговые места, огороды, мельницы и земля. Знаменательный факт.

Необходимо отметить определенную связь всех этих фактов с другими явлениями.

Прежде всего здесь следует сказать о том, что мобилизация земельных владений частью крестьянства неукоснительно связывается в документах с процессом выделения деревенской верхушки, закабаляющей бедных крестьян. В этом смысле классической является запись патриарших дьяков, сделанная в 1694 г. во время описания патриаршей Карашской волости (Ростовский уезд), видимо, в связи с челобитьем беднейшей части населения волости на «прожиточных» крестьян: «А на семьянистых и па прожиточных крестьян тягло наложили,— говорит дьячья запись,— чтоб семьянистые и прожиточные крестьяня перед скудными в избытке не были и лишних оброков и в мирские поборы на скудных крестьянях ничего не чинили и не корыстовались. И у сторонних заволостных людей пашни и сенных покосов не нанимали, и не пахали, и сена не косили. О том им всем крестьянам приказали накрепко»¹⁰¹. Здесь совершенно четко прослеживается мысль о том, что послабление от тягла вместе с фактом эксплуатации оброчных земель обеспечивает крестьянину «прожиточность». Видимо, хозяйничанье «про-

⁹⁹ Там же, кн. 90, л. 268.

¹⁰⁰ Там же, кн. 69, лл. 38, 39, 41, 79 об.

¹⁰¹ Там же, кн. 48, л. 6.

житочных» крестьян, усиливающих мощь своих хозяйств за счет оброчных земель (в данном случае выступают земли заволостных людей, а не патриаршей кафедры, что в принципе не меняет дела), приводило к такому давлению на остальную часть волости, что потребовалось даже законодательное вмешательство феодальной организации, сдерживающей этот естественный в тех условиях процесс обогащения одних и пауперизации других.

Любопытно при этом отметить и другую тенденцию: «мир» стремится воспрепятствовать расслоению крестьянства и при помощи патриаршей администрации прилагает усилия к тому, чтобы нивелировать уровень благосостояния своих членов, что находит отклик и у феодальной организации. Это как раз относится к тем факторам, которые оказывали сдерживающее влияние на хозяйственную инициативу крестьян. Налицо две противоборствующие тенденции: стремление укрепить общину силой постановления и ее разложение, происходящее под воздействием могучих экономических сил.

А вот еще пример — уже более частный и более ранний (1664 г.). Крестьяне дер. Селятины той же волости били челом патриарху на крестьянина этой же деревни Г. Павлова, «что отымает у них... тяглых их жеребьевые пашни и накладывает тягости». Решение было таково: «А у них тое их тяглой земли отымать не велено, покаместа будут в Карашской волости земляные окладчики»¹⁰². И в этом случае мы видим, что владение более обширным, чем у остальных крестьян, комплексом земель за счет тяглых участков приводит к серьезным противоречиям между их владельцем, накладывающим на крестьян «тягости», и остальной частью деревни. На сей раз в качестве индикатора выступают даже не оброчные, а тяглые земли, которые, как отметил еще А. Лаппо-Данилевский, не давали крестьянству той инициативы в хозяйстве, что оброчные¹⁰³.

Аренда оброчных участков отдельными крестьянами вызывала противоречия в их среде. Известен факт, когда крестьянин с. Стоянца (Кашилский уезд) обратился к патриарху с просьбой защитить его интересы против односельчан, гонящих скот и травящих хлеба на его «наемных», т. е. оброчных, пустошах. Просьба была удовлетво-

¹⁰² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 315.

¹⁰³ А. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 22.

рена патриаршей администрацией¹⁰⁴. И по другим районам вотчины имеются данные, говорящие о том, что владение дополнительным участком земли в виде оброчного держания тесно связывалось с понятием об экономически более мощном хозяйстве, что расслоение крестьянства нередко уходило корнями в аграрные отношения¹⁰⁵.

А теперь коснемся другой стороны вопроса, которая, на первый взгляд, не имеет отношения к аренде крестьянством земельных участков,— самого факта расслоения крестьянства: на «скудных» крестьян и «прожиточных».

Что стоит за этими терминами? Прежде всего определенная связь этих категорий крестьян с земледелием. Именно здесь зарождалось то расслоение, которое давно уже заметили исследователи. Чего стоит, например, такой факт, когда в 1669 г. крестьяне приселка Кривдина с Ильинского М. и М. Федосеевы били челом на односельчанина Е. Максимова. Они жаловались, что «бьет на них челом по плаченой кабале», требует выполнения ее условий раньше срока. Любопытно решение патриаршей администрации: «Велено дать сроку, покаместо папшенная пора минет»¹⁰⁶. Совершенно ясно, что отношения между этими тремя крестьянами родились здесь же, на базе родного приселка и здесь же развивались, базируясь на земледельческой основе. Или другой факт: крестьянин И. Зотиков просил в 1659/1660 г. у патриаршей администрации, чтобы крестьянин Ивашка до нового урожая не требовал с него «заемный хлеб». Причина: хлебный недород¹⁰⁷. Здесь более явственно, чем в предыдущем случае, мы видим аграрную основу крестьянского расслоения. В патриаршей дер. Офонасовой (Вятская волость Костромского уезда) в 70-е годы жил крестьянин А. Федосеев, имевший различного рода крепости, купчие записи, кабалы, духовные памяти¹⁰⁸. Не исключено, что и его хозяйство было связано с земледелием, так как торгово-промышленная прослойка крестьян обычно выходила из крупных торго-

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кп. 58, л. 93 об.

¹⁰⁵ В с. Владыкине в 1662 г., например, было удовлетворено челобитье крестьянина М. Михайлова, который просил «для его скудости» снять с него пол-осмака тягла. Земля вместе с тяглом была передана крестьянину того же села П. Юреву.

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 751 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 90 об.

¹⁰⁸ Там же, кн. 40, л. 67.

вых, промышленных сел. Весьма знаменательным является упоминание в одной из записных книг о челобитье патриаршего «оброчного крестьянина» А. Леонтьева, «о побеге от него ево крепостного работника Ганки Михайлова с женою. Взяли жемчуга — 18 золотников» и 11 руб. денег¹⁰⁹. Что такое «оброчный крестьянин» — мы уже знаем. А вот сведения о применении в хозяйстве таких крестьян труда работников — новость. На основании этой записи, конечно, трудно делать определенные выводы, но несомненно одно: именно в оброчных хозяйствах как в земледелии, так и вне его скорее создавались условия для применения наемного труда, пусть даже определенного в источниках старой «крепостной» терминологией. Наконец на фоне множества «скудных» крестьян вотчины¹¹⁰, которые без конца занимают «хлеб» то у патриаршей администрации, то у своих богатых односельчан, мы видим другую группу крестьян, ссужающих хлебными семенами своих односельчан и продающих в значительном количестве свои хлебные излишки. Так, патриаршая кафедра в 1692 г. закупила 22 четв. овса у крестьянина с. Спасского (Владимирский уезд) М. Филиппова¹¹¹, в 1693 г. у крестьянина с. Пьяницына (Юрьевский уезд) И. Мелентьева — 16 четв. пшеницы и 22 четв. ячменя¹¹², у крестьянина с. Сеславского (Владимирский уезд) С. Кондратьева — 8 четв. пшеницы¹¹³, у крестьянина с. Ильинского (Юрьевский уезд) В. Михайлова — 42,5 четв. ячменя¹¹⁴. В это же время крестьянин патриаршего Борисоглебского монастыря дер. Милятиной в «яровую пору» продал на семена 2½ четв. пшеницы¹¹⁵, а крестьянин с. Богослова «про домовой обиход» продал «добрые пшеницы» 49¾ четв.¹¹⁶ и т. д. Причем отмечается, что и пшеница, и ячмень, и овес были «добрыми» и шли или на «крупчатую муку» (пшеница) или на солод (ячмень). Крестьянин с. Пушкино Л. Киприянов продал в 1677 г. кафедре «про домовой обиход» три стога сена на значи-

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 602 об.

¹¹⁰ Там же, кн. 63, л. 162; кн. 56, лл. 330 об., 331, 332, 332 об.; кн. 58, лл. 543, 634 об. и др.

¹¹¹ Там же, кн. 25, л. 390.

¹¹² Там же, л. 455.

¹¹³ Там же, л. 438.

¹¹⁴ Там же, л. 432 об.

¹¹⁵ Там же, кн. 61, л. 729—729 об.

¹¹⁶ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 61, л. 136 об.

тельную сумму в 16 руб.¹¹⁷ Какие основания говорить, что мы имеем дело с перекупщиками, ис связанными с сельскохозяйственным производством, а с самими выделившимися из числа рядовых крестьян производителями? Во-первых, об этом говорит принадлежность того или иного крестьянина к определенному патриаршему владению — селу или деревне. Во-вторых, в книгах записи о покупке у отдельных крестьян чередуются с записями, говорящими о покупке хлеба и других продуктов сельского хозяйства у групп крестьян (имя рек «с товарищи»), что несомненно указывает на связь с земледелием как этих групп, так и отдельных лиц именно в данном районе.

На связь «пашенных» крестьян с торговой деятельностью, на товарный характер отдельных крестьянских хозяйств указывают и сведения о продаже в пределах патриарших владений так называемого домашнего хлеба, т. е. хлеба, поставляемого на рынок крестьянскими хозяйствами. Хлеб крестьянских хозяйств регулярно поступал, в частности, на большой торг Осташкова. В сентябре 1670 г. крестьянин Я. Стенанов «оброчился» торговать здесь «домашним хлебом, а не скупным»¹¹⁸. Интересны и сведения о сборе пошлин в «воскресные торговые дни» «с привозного со всякого мешешного хлеба с уездных крестьян»¹¹⁹. Часто в Осташкове продавался хлеб «уездной купли», т. е. купленный у крестьян перекупщиками по патриаршим, да и не только патриаршим селам и деревням. Эти факты связаны не только с Осташковым — крупным торговым центром. «Хлебная продажа» имела место в патриаршей Вятской волости (Костромской уезд)¹²⁰, торговые пошлины регулярно собирались в селах Пушкино, Троицком и других, крестьяне которых активно брали на оброк пашни и сенокосы. Связь этих явлений нам представляется весьма непосредственной.

Все эти факты, как нам кажется, нельзя рассматривать изолированно от участвовавших «аренд» земель, от появления крупных крестьянских земельных держаний.

Оброчное держание, увеличение тяглого надела, увеличение товарности крупного крестьянского хозяйства, усиление экономического давления со стороны богатых

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 273 об.

¹¹⁸ Там же, кн. 24, л. 13.

¹¹⁹ Там же, лл. 63 об.— 64.

¹²⁰ Там же, кн. 25, л. 23.

крестьян на своих бедных односельчан, наконец, зарождение противоречий между этой беднотой и верхушкой деревни — все это звенья одной цепи. Факты, отмеченные для различных районов страны, в различных вотчинных хозяйствах, в черносошной деревне, указывают именно в этом направлении. Феодальные производственные отношения придавливали этот процесс, и все-таки он прослеживается с 30-х годов XVII в. Речь может идти лишь о степени его яркости и отчетливости, о его масштабах и темпах.

В одном ключе с арендами пахотных земель и сенокосов звучат и факты аренды крестьянами патриарших сел и деревень земель под строительство мельниц. Мельничные аренды, как и вообще аренда в XVII в., — явление, также повсеместно распространенное в центральных районах государства. Как и пустые земли, мельницы и земли под будущие мельницы арендуются и крестьянскими общинами, и отдельными крестьянами. В первом случае мы видим стремление общины добиться независимости от феодального собственника в важной хозяйственной акции — помоле зерна, во втором — стремление отдельных более сильных хозяйств встать на путь предпринимательства, обещающего нечто большее, чем производство на рынок хлеба собственными усилиями и усилиями своей семьи или работников. Характерно, что «мельничное дело» патриаршие крестьяне начинают, имея уже значительные по тем масштабам средства. А патриаршая кафедра с удовольствием идет на такие аренды, видя в этом средство для развития производительных сил вотчины, получения добавочных прибылей.

Имеются факты о многочисленных арендах мельниц крестьянами патриарших сел Спасского и Ватрасы (Нижегородский уезд), Пушкино, Троицкого (Московский уезд), Романовского (Переяславский уезд), Порсцкого (Владимирский уезд) и других. Любопытно, что это те же села, где уже отмечались факты многочисленных земельных аренд. Однако сам характер мельничного держания, требующего значительных средств и приложения квалифицированного труда, приводит к тому, что аренды общиной здесь не так многочисленны, как при оброчных земельных держаниях, зато чаще встречаются случаи индивидуальных аренд. Заметим при этом, что приказная терминология различает при оформлении аренд тех, кто

давно уже специализируется в области мельничного дела, — таких людей документы именуют «мельниками»¹²¹, и тех, кто входит в эту сферу из земледелия. Это — «крестьяне». Крестьянские аренды мельничных мест и мельниц «на ходу» прослеживаются в патриаршей вотчине с 30-х годов и до конца XVII в. Особенно часты случаи взятия на оброк мельниц в 80—90-х годах. В этом потоке также выделяются крупные индивидуальные держания. Причем к концу века размеры арендной платы значительно вырастают как за счет увеличения размеров и хозяйственной ценности держания, так и за счет увеличения «аппетитов» земельного собственника.

В 40-е годы крестьянин с. Пьяницына П. Посников владел из оброку (2 руб. 10 алт.) мельницей на р. Колокше¹²². В 80-е годы арендовали сроком на 15 лет мельницу двое крестьян Карашской волости — В. Перепелкин и А. Вантеев. Сумма оброка — 20 руб. в год¹²³. В 90-е годы две мельницы с. Игнатовского были отданы на оброк за 68 руб. в год и 200 четв. помола для кафедры крестьянам с. Троицкого С. и А. Ивановым сроком на 5 лет¹²⁴. Причем в договоре отмечалось, что Ивановы должны были эти мельницы «строить и починивать» «на свои деньги и своими работными людьми»; крупное оброчное держание само собой предполагает применение наемного труда¹²⁵. В 1696 г. крестьянин Спасской волости (Нижегородский уезд) Л. Родионов получил от кафедры разрешение на строительство мельницы на р. Урге близ крупного торгового с. Бармина. Сумма аренды 5 руб. в год, срок 10 лет. После истечения срока аренды, согласно договору, Л. Родионов обязан был возвратить мельницу «на ходу со всяким строением и безденежно» патриаршей кафедре¹²⁶. Берут на оброк мельницы отдельные крестьяне сел Пушкино (сумма оброка 40—50 руб. в год)¹²⁷, Троицкого (50 руб. в год)¹²⁸ и т. д. Имеющие средства крестьяне, по-видимому, были заинтересованы в получении от ка-

¹²¹ См., например: ЦГАДА, ф. 236, он. кн. 9, лл. 110—110 об., 111; кн. 25, л. 5.

¹²² Там же, кн. 9, л. 135.

¹²³ Там же, кн. 40, л. 172 об.

¹²⁴ Там же, кн. 90, л. 43; кн. 84, л. 171.

¹²⁵ Там же, кн. 84, л. 171 об.

¹²⁶ Там же, л. 365 об.

¹²⁷ Там же, кн. 25, л. 129 об.; кн. 104, л. 26.

¹²⁸ Там же, кн. 104, л. 36 об.

феодры этих аренд, ими пользовалась и феодальная организация, которая устраивала из этих аренд своеобразный аукцион. В документах нередко упоминается о передаче мельниц «из наддачи», т. е. с повышением нормы оброка, от одного крестьянина к другому¹²⁹. Показательны в этом случае аренды крестьян с. Романовского (Переяславский уезд), того самого Романовского, где особенно были развиты аренды пустошей, сенокосов, пахотных земель церковных и «домовых». Только для этого села в 90-е годы известны следующие факты мельничных аренд: мельницу близ пустоши Суровок держали на оброке «из наддачи» (общая сумма — 13 руб. в год) двое крестьян сроком на 5 лет¹³⁰. Двое крестьян арендуют мельницу на р. Киржаче¹³¹, четыре человека мельницу в этом же районе¹³². Во всех случаях неизменным условием сделки являлся институт поручиков. Они были как из данного села, так и из близлежащих патриарших владений, люди зажиточные, способные обеспечить неустойку в 20, 30, 50 руб.

«Наддача» вообще была явлением распространенным и свидетельствовала о значительном расслоении крестьянства, часть которого, более мощная в хозяйственном отношении, «перебивала» аренды у менее состоятельных собратьев. На это обратил внимание также Г. П. Образцов, изучавший вотчинный архив поморского Антониево-Сийского монастыря. «Монастырь, — писал он, — чаще всего сдавал в аренду крестьянам свои оброчные же владения, причем нередко «из наддачи» более состоятельным плательщикам»¹³³.

Однако нельзя думать, что аренда мельниц являлась во всех этих случаях предпринимательством, выходящим за рамки феодальных производственных отношений. Как и земли, мельницы и мельничные строения были собственностью феодальной организации. Труд и инициатива крестьян только на время привлекались к этой собственности в интересах феодального собственника. Во всех случаях кафедра довольно свободно распоряжалась тру-

¹²⁹ См., например: ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 25, лл. 292 об., 293; кн. 9, л. 113.

¹³⁰ Там же, кн. 25, л. 308 об.

¹³¹ Там же, л. 225.

¹³² Там же, л. 252.

¹³³ Г. Н. О б р а з ц о в. Указ. соч., стр. 87.

дом и личностью арендатора. Даже тогда, когда она удовлетворяла челобитье крестьян об аренде, форма договора носила со стороны кафедры распорядительный и принудительный характер. Показательной является в этом смысле следующая запись, восходящая к 30-м годам XVII в.: «По челобитью Володимирского уезда села Сеславского крестьянина Карпунки Андреева велено ему под тем селом Сеславским на реке Рпене устроить мельницу... А для мельничного строения дано ему льготы на три года... А как ту мельницу построят, и ему платить в патриаршу казну оброк сколько положат... смотря по промыслу»¹³⁴. Принудительный характер держания, возможность произвола со стороны кафедры в отношении держателя — характерные черты мельничных аренд. Кафедра могла в нарушение договора «отказаться» от мельницы его держателю и передать ее другому «из наддачи», могла распоряжаться личностью арендатора, как это было в случае, когда одному из них было приказано ехать в Москву и служить там в мельничных засыпках на одной из мельниц на р. Ходынке⁵³⁵. И все же преодолевая уродливые формы арендных отношений, крестьянство, прочно вступив на путь аренды, уже не сходило с него, находя в этих отношениях свою хозяйственную выгоду. Арендные держания мельниц являлись существенным моментом в создании условий для дальнейшего расслоения крестьянства XVII в., для приложения в сфере предпринимательства крестьянских накоплений и инициативы.

Вместе с арендой пахотных земель, сенокосов, мельниц можно отметить массовый характер крестьянских оброчных держаний рыбных ловель, бортовых угодий и также отметить среди них крупные индивидуальные держания¹³⁶. М. Киприянов из Баглачевской волости держал на оброке в 70-х годах за 7 руб. озеро Великие Луки¹³⁷. Крестьянин с. Тарки (Ярымовская волость) Сидорка держал в 90-е годы на оброке за 16 руб. в год озеро и плесы в этой же волости¹³⁸.

¹³⁴ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 19, л. 218 об.

¹³⁵ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 94, л. 3.

¹³⁶ См., например: там же, ф. 235, оп. 2, кн. 55, лл. 116, 274 об., 1091, 1281 об., 1448.

¹³⁷ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 83.

¹³⁸ ГИМ, Синодальные списки, № 1476.

Общая тенденция к увеличению отдельными хозяйствами комплекса своих земельных угодий захватила и надельные земли, стала проникать в глубь крестьянской общины. Стремление крестьян к увеличению тяглых участков проглядывается повсеместно. Крестьяне пользуются любым случаем для увеличения своих надельных участков. Основой этого являлась утвердившаяся в XVII в. практика пользования надельной землей как землей собственной со всеми вытекающими отсюда последствиями. И хотя формально земля принадлежала общине, но по существу жизнь вносила в эту схему свои коррективы.

«В условиях растущего товарного производства крестьянского хозяйства, — отмечал Н. Л. Рубинштейн, — покупка и аренда земли крестьянами получили широкое распространение, подрывая систему крестьянского надельного землепользования»¹³⁹. Это наблюдение, относящееся к XVIII в., полностью применимо и к более раннему периоду. Еще В. А. Милютин заметил, что в XIV—XVII вв. «из некоторых уставных грамот видно, что крестьянам монастырским предоставлялось право продавать и менять друг другу дворы свои и земли»¹⁴⁰. На эту же сторону дела указывал и А. П. Доброклонский, изучавший хозяйство Солотчинского монастыря в XVII в.¹⁴¹ Эти черты замечали и советские исследователи, в частности Г. Н. Образцов, занимавшийся оброчными и порядными записями Антониново-Сийского монастыря. Он отмечал случаи обмена земель крестьянами, купли-продажи, а также факты длительного пользования надельными участками со стороны отдельных крестьянских семей¹⁴².

Факты отчуждения надельных земель в XVII в. прослеживаются и по материалам патриаршего землевладения. От 1680 г. доходит факт о продаже крестьянином дер. Окатово Вятской волости (Костромского уезда) Е. Ефи-

¹³⁹ Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века. — «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 34.

¹⁴⁰ В. А. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1859, стр. 354.

¹⁴¹ А. П. Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII веке. М., 1883, стр. 58.

¹⁴² Г. Н. Образцов. Указ. соч., стр. 82, 84, 85, 90.

мовым крестьянину этой же волости В. Филатову «пашенного жеребья» «со всякими угодьями и з двором и с хоромы и с огороды и со всяким строением». Причина — моровое поветрие. Сделка была оформлена купчей грамотой¹⁴³. В 1679 г. пристав И. Шадрин «оценил тяглый жеребей» в Вятской же волости с тем, чтобы отдать его крестьянам в тягло¹⁴⁴. В 1669 г. в кашинские села в ответ на челобитье был направлен приказ из Москвы, в котором говорилось о том, чтобы передать крестьянину З. Иванову «тяглый жеребей» «по записи дяди ево» П. Михайлова. Этим «жеребеем» завладел было крестьянин С. Федосеев. От этого же периода времени доходит разбор дела между несколькими крестьянами патриаршего Череповецкого Воскресенского монастыря «во владенье отца своего жеребьем и дворовым строеньем»¹⁴⁵.

Особенно много сведений, говорящих о переходе наделных земель из рук одних крестьян в руки других от 90-х годов XVII в.: ведут тяжбу за тяглый «жеребей» два брата в Карашской волости¹⁴⁶, племянники и дяди в с. Сеславском¹⁴⁷. О покупке «тяглою жеребья» упоминается в с. Троицком-Сельцах¹⁴⁸. Продал отцовский участок один из крестьян в юрьевских селах¹⁴⁹, а некто Левка Потапов в с. Бродницы продал другому крестьянину свой собственный «жеребей»¹⁵⁰. Эти факты указывают, что отчуждение наделных земель было делом вполне возможным. Причем формы его были самыми различными: наследование, купля-продажа, обмен. В этих формах лишь утверждалась борьба за землю внутри класса крестьянства, борьба, которая была вызвана в XVII в. не только острой нехваткой земли, необходимой для поддержания минимума жизни крестьянской семьи, но и развитием товарно-денежных отношений, стремлением отдельных крестьянских хозяйств к расширенному товарному воспроизводству. Эта борьба расшатывала общину и вызывала тревогу как у феодального собственника, так и у самого «мира».

¹⁴³ ЦГАДА, ф. 226, оп. 5, кн. 40, л. 159 об.

¹⁴⁴ Там же, л. 77.

¹⁴⁵ Там же, кн. 16, л. 741.

¹⁴⁶ Там же, кн. 58, л. 141.

¹⁴⁷ Там же, л. 127.

¹⁴⁸ Там же, л. 118 об.

¹⁴⁹ Там же, л. 97.

¹⁵⁰ Там же, л. 94.

В 1665 г. в Москве была подписана память в Ростовский уезд в ответ на челобитье крестьян Синилицкой трети Карашской волости на крестьянина — старосту С. Алексеева «с товарищи», что они «отдали мирскую свою пустошь Осминину в тягло деревни Борушки крестьянам» — двум человекам и не дают владеть им, синилицким крестьянам, этой пустошью. Кафедра указала вернуть пустошь «миру»¹⁵¹. Попытка усиления одних хозяйств за счет общинной земли, взятой в аренду, здесь кончилась неудачей. Однако дело не всегда кончалось столь миролюбиво. Общинные земли становятся со временем объектом жестоких противоречий.

Документы упоминают о борьбе за землю в 60-х годах между крестьянами сел Бродницы и Сеславского (Владимирский уезд)¹⁵², крестьянами двух половин дер. Запрудной Баглачевской волости¹⁵³, сел Пьяница и Ильинского¹⁵⁴, крестьянами нескольких деревень Карашской волости из-за пустоши Круглицы¹⁵⁵ и т. д. В 90-е годы отмечена ожесточенная борьба за пахотные земли с «драками» и «ссорами» между крестьянами деревни Гнилицы патриаршего Нижегородского Благовещенского монастыря и крестьянами дер. Гавриловки Троице-Сергиевского монастыря¹⁵⁶. Тщетны были призывы вроде тех, с которыми обратились крестьяне дер. Ивашовой (Переяславский уезд) к кафедре «поверстать их в земле» с крестьянами дер. Петроковой, «во всех полях поровну. А будут станут учинится сильны, и им чинить наказанье или за поруками присылать к Москве»¹⁵⁷.

Никакими указами и памятями нельзя было остановить начавшийся процесс борьбы за наделные земли как между отдельными частями «мира», так и отдельными крестьянами. Из дошедшей до нас записной книги, относящейся к 60-м годам XVII в., видно, какой ожесточенный характер имела эта борьба. Памяти с приказом «учинить расправу» «в пашне», «в земле» направлялись во многие владения вотчины¹⁵⁸. Разбирались тяжбы между двумя крестьяна-

¹⁵¹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 407.

¹⁵² Там же, л. 408.

¹⁵³ Там же, л. 521.

¹⁵⁴ Там же, л. 546 об.

¹⁵⁵ Там же, л. 767 об.

¹⁵⁶ ГИМ, Синодальные списки, № 1487.

¹⁵⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 757 об.

¹⁵⁸ Там же, л. 409.

ми с. Порецкого, между двумя крестьянами с. Вятца ¹⁵⁹, с. Стоянца ¹⁶⁰. В одной из челобитных, направленных в Москву, звучит просьба крестьянина дер. Петроковой с. Романовского унять его соседа С. Васильева, который захватил у него «дворовую землю и конопляники» ¹⁶¹. И позднее надельная земля становится объектом притязаний со стороны крестьян. В 1682 г. в Москву было направлено челобитье крестьян дер. Марфино с. Владыкина с просьбой дать им «в раздел в тягло» пустые крестьянские «жеребы». Просьба крестьян была удовлетворена.

Все эти факты ясно указывают, что и в пределах общины, в рамках надельного землевладения начинали зарождаться тенденции, которые особенно ярко проявлялись на оброчных землях: стремление крестьянства увеличить свои наделы путем присоединения к ним тяглых наделов, что было под силу лишь состоятельным хозяйствам. В своем стремлении эти хозяйства использовали как легальные приемы, так и откровенный захват, вызывавший резкую реакцию «мира».

Эти факты, как нам кажется, также нельзя рассматривать изолированно от участвовавших «аренд» земель, от появления крупных крестьянских земельных держаний.

Превращение аренды земли крестьянством из случайных фактов в прочно сложившуюся систему отношений в русской деревне в XVII в., формирование на этой основе хозяйств, тесно связанных с рынком, переходящих к расширенному воспроизводству, — это явления, которые нельзя игнорировать при изучении начального этапа генезиса капиталистических отношений в сфере аграрного производства. Мобилизация земель крестьянством в XVII в. явилась в условиях развития товарно-денежных отношений важным этапом в создании предпосылок для будущего буржуазного расслоения деревни.

Подводя итоги, следует сказать, что и в вопросе крестьянской аренды XVII в., которая приняла к этому времени во многих районах страны широкие масштабы, содействуя расслоению крестьянства, действовали те же противоречивые «крепостническая» и «антикрепостническая» тенденции, которые были свойственны многим сторонам жизни крестьянства того периода. С одной сто-

¹⁵⁹ Там же, л. 411.

¹⁶⁰ Там же, л. 716.

¹⁶¹ Там же, л. 640.

роны, феодальная организация осуществляла наступление на крестьянские общинные земли, увеличивая барщину, свою запашку в «барщинных» районах. Вместе с тем именно для этих районов — села Пушкино, Троицкое, Игнатовское, Дмитровское, Владыкино, некоторые владимирские села — отмечены массовые «общинные» аренды церковных и целинных вотчинных земель. Это было своеобразным ответом крестьянства на наступление феодальной организации на крестьянские земли, на «утеснение». В вопросе аренды крестьяне искали свои выгоды: оброк вместо барщины, льгота, увеличение надела; феодальная организация — свои: расширение феодального хозяйства, увеличение количества тягловцев. Переплетение и борьба этих тенденций достаточно ярко видны в многообразной арендной деятельности крестьянства и политике феодальной организации, руководившей на своих «феодальных» принципах этой деятельностью.

7. Эволюция категорий крестьянства

Действия противоречивых социально-экономических сил, «крепостнических» и «антикрепостнических» тенденций в русской деревне хорошо видны на примере эволюции некоторых категорий крестьянства XVII в. С одной стороны, различные категории крестьянства, характерные для XIV—XVI вв., постепенно исчезают в XVII в. под влиянием крепостного законодательства, с другой — нарождаются новые категории, эволюционируют старые под действием сдвигов в социально-экономической жизни страны.

В течение долгого времени в советской историографии подход к вопросу о категориях крестьянства в период феодализма являлся одним из тех методологических рубежей, который отделял марксистско-ленинскую историческую науку от дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Важное значение в этом смысле имеют работы Б. Д. Грекова¹ и Л. В. Черепнина², подводившие итоги многолетних исследований и обобщившие большой историографический и конкретно-исторический материал по данной проблеме. Эти работы дали марксистско-ленинскую интерпретацию различных категорий русского крестьянства. Однако задачи обоих исследователей были строго ограничены. Во-первых, хронологическими рамками. И Б. Д. Греков, и Л. В. Черепнин изучение проблемы вели в плане анализа эволюции категорий крестьянства в XIV—XVI вв. Во-вторых, речь шла о категориях крестьянства в основном в их правовом выражении, в связи с изуче-

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1—2. М., 1952—1954.

² Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

нием проблемы развития на Руси крепостного права, хотя и Б. Д. Греков, и Л. В. Черепнин анализ правовых черт вели, учитывая и социально-экономическое положение крестьянства того периода. Преимущественное внимание к проблемам развития крепостного права в отношении тех или иных групп крестьянства было не случайным, так как именно в этой области истории крестьянства и относящейся именно к этому периоду буржуазная историография оставила наиболее весомое наследство, груз которого давил в течение продолжительного времени и на плечи советских историков.

Что касается XVII в., то данный период остался вне поля зрения этих исследователей, хотя Б. Д. Греков в конце своего фундаментального труда отметил, что начиная с 80-х годов XVI в. развивается «процесс слияния различных групп зависимого населения в однородную крепостную массу»³. Это положение развивало, как уже отмечалось, взгляды, высказанные еще М. А. Дьяконовым⁴. Оно стало затем основополагающим и для конкретных исследований, а также для обобщающих трудов. Создалось положение, когда в применении к XVII в. считалось неудобным ставить вопрос о дальнейшей эволюции категорий крестьянства. И действительно, о чем может идти речь, если развивалось крепостное законодательство, если на свет появилось Уложение 1649 г., уравнившее все категории крестьянства перед лицом закона, если это уравнивание продолжалось и далее. Но среди историков были и иные точки зрения.

Так, Л. В. Черепнин, признавая для XIV—XV вв. право на специфику за такими категориями крестьянства, как «старожилцы», «пришлые», «бобыли»⁵, возражал против того, чтобы считать самостоятельными категориями крестьянства «серебренников», «половников», «окупленных людей», псковских «изорников»⁶. Определение этих категорий крестьянства Л. В. Черепнин связывает не только

³ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 232.

⁴ М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 240.

⁵ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства..., стр. 218; он же. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси.— «Исторические записки», т. 56, стр. 235 и сл.

⁶ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства..., стр. 245.

с правовыми моментами, но и с развитием форм ренты, с различными формами эксплуатации феодально зависимого населения. Этот тезис был, в частности, развернут на примере анализа «серебрянников» XV в. Если Б. Д. Греков отличал их от «старожильцев» лишь по признаку отношения к крестьянскому тяглу, то Л. В. Черепнин решал вопрос и в другой плоскости. «Под „серебром“, — писал он, — можно понимать как денежные доходы, полученные от реализации хлеба па рынке феодалом, так и денежную ренту с крестьян, наконец, те деньги, которые розданы в долг крестьянам и должны быть с них взысканы (с процентами или без процентов)»⁷. В другом случае под «серебром» Л. В. Черепнин понимает «денежный оброк с половников»⁸. Такой подход к вопросу чрезвычайно важен в методологическом плане, так как, не отрицая определенных правовых черт, отличающих одну группу крестьян от другой, он учитывает не только юридические, но и социально-экономические признаки.

В этой связи нельзя не напомнить высказывание Л. В. Черепнина о том, что термины, обозначающие отдельные категории крестьянства, «не просто сосуществуют, но их появление и смена в сохранившихся источниках, а также изменение содержания отражают отдельные этапы процесса возникновения и развития феодальных отношений»⁹. Такая постановка вопроса дает возможность рассматривать категории крестьянства не статично, а в развитии.

Что касается исследователей, которые в основном приняли посылки Б. Д. Грекова, то и их не смог удовлетворить исход дела, при котором крестьянство в XVII в. и позже объявлялось «сплошной» крепостной массой.

Если в отношении XIV—XVI вв. в основном речь идет о тех коррективах, которые были сделаны Л. В. Черепниным относительно оценок Б. Д. Грекова, коррективов, в которых прозвучал уже иной, более широкий подход к вопросу, то в применении к истории XVII в. налицо гораздо большее многообразие в толковании категорий крестьян-

⁷ Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. — «Проблемы источниковедения», т. IV, стр. 324.

⁸ Там же, стр. 326.

⁹ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси, стр. 235.

ства. Так, в «Очерках истории СССР» по существу прозвучала переоценка положений Б. Д. Грекова, когда авторы отмечали: «Крестьянство в XVII в. может быть разделено на две основные категории: крестьян частновладельческих и черносошных. Эти крестьяне различаются как по формам их феодальной эксплуатации, так и правовому положению»¹⁰. Тем самым «Очерки» по существу говорят и для XVII в. о категориях крестьянства, характеризующихся признаками и социально-экономическими и юридическими¹¹.

Л. С. Прокофьева, также признав, с одной стороны, тезис Б. Д. Грекова о превращении русского крестьянства в XVII в. в единую крепостную массу, сделала вывод о том, что в анализируемом сю хозяйстве в конце XVI—XVII в. были две категории тяглого населения — крестьяне и бобыли¹².

Некоторые авторы, приняв положение Б. Д. Грекова о нивелировке правовых градаций среди крестьянства, тем не менее подчеркнули, что «юридический признак деления крестьянства постепенно уступает место экономическому признаку, появляется слой „прожиточных“ и торгово-промышленных крестьян»¹³. Аналогично трактуют данный вопрос Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов, подчеркивая, что при сокращении «социальных градаций проявляется тенденция к буржуазному расслоению деревни, которое означает постепенное формирование в среде основного трудящегося класса — сословия феодальной формации слоев будущего капиталистического общества»¹⁴. Таким образом, отдельные исследователи, изучая различные этапы истории русского крестьянства, делали акцент то на юридические, то на социально-экономические

¹⁰ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 64.

¹¹ Не говоря уже о существовании вопроса, при таком подходе к делу куда-то выпадают крестьяне, принадлежащие различным феодальным организациям: церквям, монастырям, патраршей кафедре.

¹² Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, стр. 105, 116.

¹³ См., например: П. Баканов. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи.— «Вопросы истории», 1950, № 2, стр. 77.

¹⁴ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв.— «История СССР», 1962, № 3, стр. 82.

признаки категорий крестьянства (впрочем, не отрицая ни тех, ни других). Особенно это выявилось при изучении истории крестьянства XVII в., когда, действительно, внешне (вспомним законодательство этого периода) юридические признаки уступают место социально-экономическим, развивавшимся на фоне общих сдвигов в экономике и социальных отношениях XVII в.

Подобная постановка вопроса нам представляется недостаточной динамичной.

Не отрицая ни юридических, ни экономических признаков, определяющих различные категории крестьянства, мы полагаем, что действительно всеобъемлющим критерием здесь является их синтез. Ключ к такому синтетическому пониманию заключается, как нам думается, в марксистско-ленинском понимании развития феодальной земельной ренты, определяющем и развитие отдельных категорий крестьянства.

К. Маркс, рассматривая генезис феодальной земельной ренты, тесно связывал различные ступени в развитии ренты с определенными социально-экономическими тенденциями, происходящими в крестьянском хозяйстве. Говоря о том, что «несвобода» непосредственного производителя в феодальном обществе бывает различной, он совершенно четко определял грани этой «несвободы» — «от крепостничества с барщинным трудом... до простого оброчного обязательства»¹⁵. Как видим, К. Маркс связывает здесь крепостничество непосредственно с барщинным трудом, с отработочной формой ренты. Если мы посмотрим, как В. И. Ленин определял барщинное хозяйство, то также обнаружим, что его характерными чертами он считал прикрепление крестьян к земле, рутинную технику, внеэкономическое принуждение¹⁶. При этом В. И. Ленин исходил из Марксова положения о том, что именно при отработочной форме ренты «необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов»¹⁷.

В свете сказанного совершенно ясно, что при эксплуатации крестьян в форме барщины придавленность кре-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

¹⁶ См. В. И. Ленин. ИСС, т. 3, стр. 184—185.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

стьянства является наибольшей, а возможности для имущественной дифференциации, не говоря уже о социальном расслоении капиталистического типа, — наименьшей, хотя К. Маркс и подчеркивал, что и при такой системе эксплуатации «может вообще совершаться самостоятельное увеличение имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных нести барщину или крепостных»¹⁸ (заметим, что и в этом случае К. Маркс отождествляет с крепостными именно барщинно-обязанных крестьян).

Еще отчетливее связь между формами эксплуатации крестьян и тенденциями крестьянского хозяйства выступает при характеристике К. Марксом ренты продуктами. «...Производителю дается здесь,— указывает он,— по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда... Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд»¹⁹.

Таким образом, и здесь мы видим определенную связь новой ступени в развитии форм ренты и хозяйственных тенденций в среде крестьянства, ведущих к более яркой имущественной дифференциации, чем прежде. Наконец дальнейшее развитие, согласно положению К. Маркса, этот процесс получает при появлении и утверждении ренты денежной: «...Превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги»²⁰.

Итак, каждая новая форма ренты, новые формы феодальной эксплуатации крестьян определяют не только степень зависимости крестьян от феодальных собственников, но и уровень имущественной дифференциации и социального расслоения крестьянства. Нам представляется, что именно такой подход к вопросу о категориях крестьянства может помочь в понимании эволюции различных категорий крестьян в XVII в.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 356.

¹⁹ Там же, стр. 359.

²⁰ Там же, стр. 363.

Попробуем рассмотреть поставленные вопросы на конкретно-историческом материале, взяв за основу несколько категорий крестьянства на данным патриаршего землевладения и хозяйства и материалах, представленным в исследованиях советских историков.

В первую очередь наше внимание привлекли бобыли — категория крестьян, которая давно уже стала предметом спора в исторической науке. У нас эта категория крестьянства вызывает интерес потому, что она существовала и в XV—XVI вв. и в XVII столетии, что позволяет на примере эволюции данной категории попытаться решить некоторые методологические вопросы.

Наиболее полно взгляд на бобылей как на своеобразную юридическую категорию крестьянства выразил Б. Д. Греков. «Бобыльство,— писал он,— это одно из состояний феодальной зависимости. Бобыль — зависимый от своего господина человек, по договору получающий право „жить“ за господином и тем самым освобождающийся от тягла на обоюдных с господином условиях: со стороны господина — включить бобыля в число своих подданных, предоставить ему жилище, иногда и участок нетяглой земли, со стороны бобыля — оставаться в зависимости сначала на время, в XVII в. навсегда, платить оброк и исполнять ряд повинностей, обычно оговариваемых в договоре»²¹. И далее: «Это категория людей, отличающихся от других признаками юридическими»²².

Бобыли, согласно взглядам Б. Д. Грекова,— это бедные люди, стремящиеся «избыть» тягло, заменить его легким бобыльским оброком. Как видим, Б. Д. Греков делает акцент при характеристике этой категории крестьянства на юридических чертах, отличающих бобылей от крестьян, хотя и признает, что между теми и другими было много общего. Особенно четко эта «общность», согласно взглядам Б. Д. Грекова, обозначается в XVII в., когда бобыли сравниваются перед законом с крестьянами и между ними пропадает какое бы то ни было различие.

В то же время нельзя не заметить, что уже в этих выводах Б. Д. Грекова проглядывают и совершенно иные

²¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 205.

²² Там же, стр. 200.

определяющие черты бобыльства, мимо которых проходит исследователь. Во-первых, бобыли выступают по отношению к своему господину как типичные оброчные крестьяне, чья степень зависимости от феодального собственника намного слабее, чем у остальной массы крестьянства. Это видно и из материалов Б. Д. Грекова. Анализируя, например, положение одного из бобылей Софийского дома, исследователь пишет: «Этот работный человек покупает за свою полтипу, кроме квартиры, еще и полную свободу от всяких работ и повинностей»²³. Особенно важно в этом плане высказывание Б. Д. Грекова о том, что «бобыль не сомневается в возможности раздобыть именно деньги, тогда как крестьянин часто затруднялся в этом отношении»²⁴. Здесь снова мы видим черту, роднящую бобылей с той группой крестьян, которые перешли на денежный оброк. В условиях, когда денежная форма ренты лишь зарождалась, когда развитие товарно-денежных отношений еще не достигло того уровня, при котором большие группы крестьян могли бы перейти на денежный оброк, появление бобыльского оброка было, по-видимому, одной из рано обозначившихся форм денежной ренты. Правда, это нашло свое выражение не в чистой, «классической» форме ренты, а в виде особой категории «льгот», да и сами крестьяне выходили на бобыльский оброк не ради выгод использования рыночных связей, ради предпринимательства, а просто из-за того, что не имели возможности вести собственное хозяйство, т. е. от бедности. Вместе с этим в условиях оброчных отношений уже в XV—XVI вв. среди бобылей намечается имущественное расслоение, что было весьма любопытным симптомом²⁵.

Об оброчном статусе бобылей, роднящем их в принципе с оброчным крестьянством, говорят и другие исследователи. Так, М. А. Дьяконов подчеркивал, что бобыльский оброк — это либо плата за двор и усадебное место, либо за «изделье»²⁶, а по существу — замена барщины денежным obroком. В специальной работе, посвященной данному вопросу, М. А. Дьяконов указывал, что бобыли — обедневшие люди, забросившие пашню. Не тяглые, не пашенные бо-

²³ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 200.

²⁴ Там же, стр. 203.

²⁵ Там же, стр. 197—198.

²⁶ М. А. Дьяконов. Очерки..., стр. 235.

были, по его мнению, — типичная черта бобыльства в XVI—начало XVII в.²⁷

М. А. Дьяконов также считал бобылей обедневшей частью крестьянства, севшей на более легкий для нее бобыльский оброк. Он отмечал возрастание бобыльства на протяжении XVI—XVII вв. и связывал это с ухудшением положения русского крестьянства²⁸. В подобном же плане трактовал бобылей и В. О. Ключевский²⁹. Таким образом, попутно отметим еще одну существенную черту бобыльства, на которую указали исследователи, — возрастание этой категории в XVI—XVII вв. В дальнейшем многие историки вслед за М. А. Дьяконовым и В. О. Ключевским, а позднее и Б. Д. Грековым считали бобылей в основном бедными людьми, платящими бобыльский оброк в казну. Эти взгляды высказывала А. М. Панкратова³⁰. На этих же позициях стоит Л. С. Прокофьева, которая даже полагает, что «положение бобылей было подчас тяжелей, чем положение крестьянина»³¹. Считают бобылей беднейшей частью сельского населения и авторы «Очерков истории СССР». На основании возрастания или убывания количества бобылей они даже делают вывод об уровне развития сельского хозяйства в XVII в., употребляя в качестве показателя определение: «процент бобылей возрастал», «процент бобылей падал»³². Пауперизированным слоем крестьянства XVII в. считают бобылей Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов³³.

Ю. В. Готье также считал эту категорию феодально зависимого населения бедными людьми, как правило, беспашенными, уплачивающими оброк, а «пашенное бобыльство, — по мнению Ю. В. Готье, — естественный переход

²⁷ М. А. Дьяконов. Бобыли в XVI и XVII веках. СПб., 1996, стр. 18.

²⁸ Там же, стр. 20, 21.

²⁹ В. О. Ключевский. Опыты и исследования. М., 1915, стр. 182—183.

³⁰ А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в.— «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 208.

³¹ Л. С. Прокофьева. Указ. соч., стр. 104.

³² «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 32.

³³ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 91.

от бобыльства к крестьянству»³⁴. При изложении различных точек зрения на бобыльство авторы в полемике между собой то признавали эту категорию наделенной специфическими правовыми признаками (Б. Д. Греков и др.), то отрицали эту специфику (С. Б. Веселовский³⁵, Ю. В. Готье³⁶). Однако большинство авторов были единодушны в одном: денежный оброк — это черта, действительно свойственная всем разновидностям бобылей — «пашенным» и «непашенным», тяглым и нетяглым.

Наконец группа авторов подходила к вопросу несколько по-иному; их интересовала не столько юридическая особенность бобылей, сколько непосредственно их хозяйственные черты. Так, А. А. Савич отмечал, что бобыль не был изъят от государственных повинностей и платил особый оброк-бобыльщину, а среди самих бобылей происходила имущественная дифференциация³⁷. Г. М. Наспер обращал внимание на то, что бобыли в XVII в. часто выполняли полевые работы из найма³⁸. К. Н. Сербина замечала, что бобыли, приходившие на Тихвинский посад еще до появления в данном месте, не занимались земледелием, а торговали, ремесленничали, нанимались чернорабочими³⁹. К. Н. Сербина делает интересный вывод о том, что бобыльство, по-видимому, было переходным состоянием от крестьянства к горожанам⁴⁰. О бобылях как о наемных людях говорил Н. А. Рожков⁴¹. З. А. Огризко отмечала факты их найма, отхода на работы⁴². А. Ц. Мерзон писал о бобылях, что в XVII в. их ряды в исследуемых им районах пополнялись не только обедневшими крестьянами, но и людьми

³⁴ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1937, стр. 58.

³⁵ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, стр. 517—518.

³⁶ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 57.

³⁷ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 238.

³⁸ Г. М. Наспер. Краткий обзор документальных материалов XVII—XVIII вв. из бывшего архива Синода. — «Археографический ежегодник за 1959 г.» М., 1960, стр. 305.

³⁹ К. Н. Сербина. К вопросу о бобылях. — «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия», стр. 173.

⁴⁰ Там же, стр. 171.

⁴¹ Н. А. Рожков. Город и деревня в русской истории. М., 1923, стр. 67.

⁴² З. А. Огризко. Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII в. — «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 88.

разного имущественного положения, уклонявшимися от гягла⁴³. И далее автор заключает: «Бобыли находились в основном в тех районах, которые отличались развитием ремесла, торговли, судоходства»⁴⁴. О преобладании бобылей над крестьянством в промысловых районах говорил и Н. В. Устюгов⁴⁵.

Специально исследовавший вопрос о бобыльстве в XVI—XVII вв. А. Л. Шапиро также отмечал, что бобыли — это люди, обложенные оброком. «Главное его (оброка. — А. С.) отличие от вытных повинностей заключается в его значительно большей определенности, в том, что его плательщики не были связаны общей круговой порукой с крестьянской мирской общиной»⁴⁶. Этот же автор говорит и о дифференциации бобылей, среди которых выделяются богатые люди, платящие большой оброк⁴⁷.

Вместе с тем и А. Л. Шапиро и Н. В. Устюгов не отказывались от традиционного понимания бобылей как людей бедных или необеспеченных⁴⁸.

Итак, можно отметить, что большинство авторов, писавших о бобылях, несмотря на различия во взглядах относительно юридического положения этой категории крестьянства, едины в одном: 1) бобыли — это обедневшая часть крестьянства; 2) бобыли платят оброк; 3) количество бобылей растет в конце XVI—XVII в. в связи с общими хозяйственными потрясениями в стране. Наконец, данная категория крестьянства в основном рассматривалась как неизменная на протяжении всего долгого, более чем трехсотлетнего периода ее существования.

Однако если взглянуть на бобыльство не только с юридической точки зрения, но подойти к этой группе крестьян и с социально-экономической меркой, исходя из форм эксплуатации бобылей феодальным собственником, то можно видеть, что бобыльство уже в ранний период русской исто-

⁴³ А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в XVII в. М., 1960, стр. 349.

⁴⁴ Там же, стр. 353.

⁴⁵ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. — «История СССР», 1961, № 6, стр. 70.

⁴⁶ А. Л. Шапиро. Бобыльство в России в XVI—XVII вв. — «История СССР», 1960, № 3, стр. 57.

⁴⁷ Там же, стр. 55.

⁴⁸ Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 72; А. Л. Шапиро. Указ. соч., стр. 60.

рии являлось одной из первых групп крестьян, перешедших на денежный оброк. Какие мотивы руководили как бобылем, так и феодальным собственником, когда между ними возникали новые чисто оброчные отношения? По-видимому, не специфические, а общие для всех случаев подобного рода. Феодальный собственник нуждался в деньгах, крестьянин искал возможности облегчить свое положение, выйдя на оброчный путь. В условиях слабого развития товарно-денежных отношений, когда и хозяйство феодала и хозяйство крестьянина имело еще ярко выраженный натуральный характер, перевод на денежный оброк крепких, зажиточных крестьян, «старожильцев», означал бы непоправимую катастрофу для обеих составных частей феодального хозяйства в целом. Легче на такие эксперименты феодальный собственник шел с маломощными, бедными хозяйствами, которые в тех условиях не представляли большой ценности. Поэтому вполне понятно, что как система отношений оброчно-денежные отношения в русской деревне XIV—XVI вв. могли зародиться в виде бобыльства (это не исключает и появление фрагментарного денежного оброка среди крестьянства). Понятно также и то, что термин «бобыль» действительно, как убедительно показали многие авторы, и том числе и Б. Д. Греков, на первых порах означал не просто оброчного крестьянина, но бедного оброчника, который к тому же имел определенные льготы при несении тягла.

Необходимо отметить, что на первых порах, когда оброчно-денежные отношения еще не охватили большие комплексы хозяйств, когда перевод на льготный оброк части крестьянства был не столько экономическим велением времени, сколько необходимостью поддержать экономически часть крестьянства или, не нарушая крестьянских хозяйств, заполучить работников в иных областях собственного хозяйства, отношения бобылей к феодальным собственникам не достигали большой степени независимости. Положение бобылей мало чем отличалось от положения крестьян, и на поверхности этих различий действительно оставалась лишь особенность в тягле.

По-иному выглядит та же категория в XVII в. Как мы видели, исследователи, занимающиеся изучением разных районов, по-прежнему считая бобылей в целом бедными людьми, в то же время отмечали усилившуюся среди них дифференциацию, появление бобыльства в районах разви-

тия ремесла, торговли, промыслов. Любопытно, что одновременно отмечалось (с точки зрения усиления пауперизации крестьянства) и увеличение бобыльства. Если смотреть на эту категорию под углом зрения положений К. Маркса о том, что денежная форма ренты дает возможность крестьянству неизмеримо развить свою хозяйственную инициативу по сравнению с отработочной и оброчно-натуральной формами ренты и, используя сферу товарно-денежных отношений, выйти при благоприятных условиях на дорогу «предпринимательства», а при неблагоприятных — уйти в сферу наемного труда, то придется признать, что тезис о бобыльстве лишь как о беднейшей части крестьянства в применении к XVII в. ни о чем не говорит и уже ничего не объясняет.

В патриаршей вотчине крестьяне и бобыли были двумя крупными группами крестьян, выделяемых как таковые источниками.

Данные о бобылях в вотчинах московских патриархов в XVII в. появляются в самом начале века, как бы продолжая сведения, восходящие еще к XV—XVI вв., и затем фигурируют в источниках вплоть до конца столетия. Свидетельства эти самые разноречивые. Так, в вотчинах патриаршего Нижегородского Благовещенского монастыря писцы неоднократно отмечали наличие бобылей, «питающихся у церкви божпей»⁴⁹, т. е. попросту нищенствующих людей; среди запустевших в годы войны дворов упоминаются не только крестьянские, но и бобыльские дворы. Причем в этом случае их количество уже довольно значительно: в с. Мигине из 28 дворов — 13 крестьянских и 15 бобыльских беспашенных⁵⁰, в дер. Вершинине из 13 дворов — 7 бобыльских, также беспашенных⁵¹. Примерно такая же пропорция (около 50) процентов или чуть выше) бобыльских дворов прослеживается и по другим владениям патриаршего монастыря. Это как будто подтверждает точку зрения о бобылях как категории бедных людей, количество которых выросло на рубеже XVI—XVII столетий. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: когда речь идет о запустевших дворах, то крестьянские и бобыльские хозяйства трактуются в едином плане. Иногда, сказав о запустевших дворах кре-

⁴⁹ ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1621, л. 19.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, л. 20 об.

стьян и бобылей, источник прямо говорит: «А запустели те дворы и крестьяне разбрели от податей в прошлом в 125-м году»⁵², — происходит своеобразное отождествление тех и других. Однако это может дать лишь повод для робкого предположения о том, что перед нами по существу в социально-экономическом отношении единая крестьянская масса, разделяющаяся на крестьян, обложенных денежным оброком, и барщинных или барщинно-оброчных. Другие данные, относящиеся к этому же периоду (первая четверть XVII в.), позволяют эти попытки поставить на более солидную основу. От второго десятилетия XVII в. до нас доходят сведения о том, что в Нижнем Новгороде, близ стен патриаршего Благовещенского монастыря, начинают возникать («ставятца ново») торгово-промышленные слободы. Кто основывает их? Крестьяне и бобыли — говорит источник⁵³. Жители слобод платят лишь оброк в монастырь и не несут никаких других повинностей⁵⁴. Главное их занятие — «рукоделье», т. е. ремесло⁵⁵.

Появление льготных монастырских слобод близ Нижегородского посада вызывает резкий отпор со стороны посадского населения, что было отражением начавшейся борьбы русского посада против обельных слобод. В Москву на имя царя идут челобитья с просьбой «притянуть» в тягло монастырских слободчиков, унять их инициативу, наносящую вред посаду. Причем в своих челобитьях посадские люди пишут о том, что слобожане — это торговцы и ремесленники, «избывающие» государственное тягло. В ответном челобитье монастырские власти пишут, что «слободка... у них под монастырем. А живут в той слободке их монастырские бобыли и детеныши. А пашут... пашню, огороды и всякое изделие делают на монастырь»⁵⁶. Монастырь явно лукавит, выдавая торговцев и ремесленников — бобылей за обычных барщинных крестьян с тем, чтобы этим снять обвинение посада в их адрес. Между тем другие документы показывают, что жители слобод занимались перекупкой товаров, иными видами торговли, ремеслом⁵⁷ и т. д.

⁵² ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1621, л. 22 об.

⁵³ Там же, л. 364.

⁵⁴ Там же, л. 365 об.

⁵⁵ Там же, л. 368.

⁵⁶ Там же, л. 594 об.

⁵⁷ Там же, лл. 299 об., 300, 312 об.— 313, 314 об.

Любопытно, что подобные конфликты у бобылей с посадом были не единичным явлением. М. А. Дьяконов приводит факт, когда посадские люди на Вятке жаловались местному воеводе в 1656 г. на бобылей, не несущих тягла ⁵⁸.

В дальнейшем в течение всего XVII в. мы еще неоднократно в источниках встречаем бобылей, и неизменно в одном и том же качестве: оброчный крестьянин. Так, в 30—40-х годах патриаршие «оброчные бобыли» упоминаются живущими на патриаршем дворе в Соли Галицкой ⁵⁹. Но в конце 20-х — начале 30-х годов возникает патриаршая бобыльская слободка на Костроме. И здесь бобыли сидят на оброке ⁶⁰. В 40-е годы в слободке было 29 дворов (оброк 14 руб.) ⁶¹, с 60—70-х до 80—90-х годов их количество возросло до 39 ⁶². В Суздальском уезде в Махотской волости за патриархом в 40-е годы также жили оброчные бобыли ⁶³. Бобыльские дворы на оброке упоминаются в это время и в Карашской волости ⁶⁴. В с. Ярымове в 40-е годы упоминаются 28 бобыльских дворов, платящих денежный оброк; в 70-е годы этих дворов уже 36. Сведения о бобылях в этом селе доходят вплоть до 90-х годов XVII в. ⁶⁵ На протяжении 60—90-х годов упоминаются оброчные бобыли в селах Работки и Верхние Работки (Нижегородский уезд) ⁶⁶. Бобыли-оброчники жили в 70—80-х годах в селах Спасском п Ватрасе этого же уезда ⁶⁷. В 70—90-х годах в Можайском уезде в патриаршей дер. Никольской жили новоселебные бобыли, которые поселились на церковных землях и платили оброк по 1 руб. с человека ⁶⁸.

К концу XVII в. в вотчинах патриаршего Нижегородского Благовещенского монастыря из пятисот с лишним

⁵⁸ М. А. Дьяконов. Бобыли в XVI и XVII веках, стр. 21, 35.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 10, л. 589.

⁶⁰ Там же, кн. 19, л. 66 об.

⁶¹ Там же, лл. 222, 481, 751, 883 об., 1034 об., 1317.

⁶² Там же, ф. 230, оп. 5, кн. 32, л. 95 об.; кн. 25, л. 134; ф. 235, оп. 2, кн. 55, лл. 116 об., 1093, 1448 об.

⁶³ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 19, лл. 97, 245 об., 505 об., 592, 878, 1063, 1372.

⁶⁴ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 171.

⁶⁵ Там же, л. 150 об.; кн. 32, л. 102 об.; кн. 57, л. 196.

⁶⁶ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 55, лл. 111, 259, 415, 574, 1063, 1633—1633 об.; ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 109; кн. 25, л. 147; кн. 57, л. 201 об.

⁶⁷ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 32, лл. 28, 105—105 об., 106.

⁶⁸ Там же, кн. 57, л. 202 об.; кн. 32, л. 114.

дворов 330 было бобыльских⁶⁹. Целиком из бобылей состояло с. Работки в Нижегородском уезде, приписанное к патриаршей кафедре в 1652/1653 г. Впоследствии оно попросту выступает в качестве «оброчного» села вместе с остальными частями вотчины, перешедшими на денежный или денежно-натуральный оброк⁷⁰.

Упоминаются бобыли и в других владениях вотчины: селах Пушкино и Озерецком, дер. Буркове⁷¹ и т. д.

Рассматривая территориально все факты, связанные с бобылями, нетрудно обнаружить одну интересную деталь. Как правило, бобыли-оброчники в XVII в. приходятся на те районы вотчины, которые либо полностью перешли на оброчный статус, либо проделали в этом направлении значительный путь.

В пользу этого говорит и анализ сумм бобыльского оброка, который очень живо напоминает нам о положении оброчных крестьян как в сельских районах вотчины, так и оброчных крестьян-отходников. Общим в литературе о бобылях является мнение, что бобыльская полтина была наиболее распространенной формой бобыльского оброка. Это подтверждается и нашими источниками. Так, в 90-е годы 4 руб. ежегодно собиралось с 7 бобыльских дворов Оковецкого погоста, тянущего к патриаршей Осташковской слободе⁷². По полтине платят кафедре и бобыли Никольской слободы на Костроме⁷³. То же повторяется и в отношении бобылей, живущих в Можайском уезде⁷⁴ и других частях вотчины. Однако во второй половине XVII в. зарождается и другая традиция взимания платы с бобылей — 1 руб. в год; эта норма прослеживается, например, для бобылей патриаршего Нижегородского Благовещенского монастыря⁷⁵.

Вместе с этим часть бобыльства платит не фиксированный, традиционный оброк, а, если так можно выразиться, «хозяйственный» оброк, т. е. денежную сумму с какого-то определенного вида хозяйства, от прибыльности которого и зависит сама величина суммы. Бобыли

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 36, л. 162 об.

⁷⁰ Там же, л. 21 об.

⁷¹ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 72, л. 193; ф. 236, оп. 5, кн. 22, л. 299 об.; кн. 25, л. 150.

⁷² Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 137 об.

⁷³ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 19, л. 222.

⁷⁴ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 90, л. 182.

⁷⁵ Там же, кн. 57.

патриаршего Новинского монастыря платили по 13, 14, 16 алт., которые взимались с них в одном случае за аренду дворового места, в другом — за аренду лесного участка ⁷⁶.

Анализируя эти факты, можно видеть, что бобыльский оброк по своему характеру и суммам весьма близок к суммам, выплачиваемым оброчными крестьянами-отходниками, которые вышли из общины на независимый от «мира» хозяйственный путь.

Нет разницы и между занятиями оброчных крестьян в отходе и занятиями бобылей. Патриаршие бобыли в разных частях страны, как это уже отмечалось исследователями других хозяйств, в основном сосредоточивались в сфере ремесла, торговли, наемного труда. Известен случай, когда в 1690 г. в «барщинном» с. Троицком-Сельцах бобыль занимался квасоварением для нужд кафедры, получая за работу 0,5 четв. ржи ⁷⁷. В патриаршем Козмине монастыре бобыли подрядились в июле 1693 г. «делать огородную стену» ⁷⁸. За недельную работу бобыль Борисоглебского монастыря получил четверть пшеницы ⁷⁹. В с. Дмитровском (также село, бывшее на барщине) бобыли М. Иванов «с товарищи» за плату пасли патриарших лошадей ⁸⁰. Эти данные как бы перекликаются со статьей 32 «Суда о крестьянах» Уложения 1649 г., где говорится о возможности найма крестьян и бобылей ⁸¹. Эти факты прослеживаются и по другим владениям. Вспомним, например, «рукодельцев» — бобылей патриаршего Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде, бобылей Николаевской слободки на Костроме, варящих квас и усло, и т. д. Наконец нельзя обойти и тот факт, что в книге 62 патриаршего Дворцового приказа, где были записаны патриаршие оброчники, ушедшие из сел и жившие в Москве, говорится о том, что книга посвящена записи «крестьян и бобылей». Нет между ними разницы и в сфере сельского хозяйства. Известен факт, когда в 1662 г. в с. Старом Дворе бобыль Ф. Марков вел тяжбу из-за земельного участка с крестьянином Л. Михайловым.

⁷⁶ Там же, кн. 69, лл. 567, 579, 583.

⁷⁷ Там же, кн. 61, л. 157.

⁷⁸ Там же, л. 491 об.

⁷⁹ Там же, л. 725 об.

⁸⁰ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, л. 194.

⁸¹ «Соборное уложение царя Алексея Михайловича». — «Памятники русского права», вып. 6. М., 1957, гл. XI, ст. 32, стр. 173.

К этому времени село уже стало «оброчным», и конкуренты в смысле форм их эксплуатации по существу ничем не отличались друг от друга⁸².

Любопытно, что и появляющиеся в пределах патриаршей вотчины поселения сельского типа, основанные бобылями, с самого начала были оброчными, что также не отличает их от поселений, основанных крестьянами. Примером может служить дер. Верхние Работки в Нижегородском уезде. Основанная во второй половине XVII в., она жила лишь оброком. Здесь находилось два двора крестьянских и пять дворов бобыльских⁸³. Наконец и сами источники, относящиеся к концу XVII в., почти не различают оброчных крестьян и бобылей. Так, жителей уже знакомой нам Никольской слободки документы называют «бобылями», «крестьянами», «оброчными крестьянами»⁸⁴. Эта невнимательность к терминологии, несомненно, отражает изменения, происшедшие в положении бобылей на протяжении XVII в., когда они по существу стали сливаться с оброчным крестьянством.

Что касается тезиса о том, что бобыли — это беднейшая часть русского феодально зависимого населения, то на этот счет необходимо внести некоторые коррективы. Сказать так — значит по существу определить как беднейшую часть оброчное крестьянство в целом, отказав категории бобылей в хозяйственной эволюции на протяжении XV—XVII вв., что в принципе противоречит положениям К. Маркса о том, что денежная форма ренты предполагает более широкие возможности для хозяйственной инициативы крестьян, для их дальнейшего социального расслоения. Как и в среде оброчного крестьянства, среди бобылей шло расслоение. Определелись те, кто находил применение в сфере наемного труда, мелкой торговли, и те, кто вел хозяйство на частнособственнической основе, увеличивал его масштабы при помощи дополнительных в то время средств. О зажиточности отдельных слоев бобылей, выступающих в сфере торговли, промыслов, ремесла, исследователи говорили неоднократно. Эти выводы подтверждаются и данными патриаршего хозяйства. Конечно, рублевый ежегодный оброк, который пла-

⁸² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 255.

⁸³ Там же, кн. 25, л. 147.

⁸⁴ Там же, кн. 63, л. 104 об.; кн. 25, л. 134; ф. 235, он. 2, кн. 19, л. 222.

тили бобыли патриаршего Благовещенского монастыря, мог платить не всякий оброчный крестьянин. Выделяется в среде бобылей К. Марков в с. Романовском, держащий в 60-е годы на оброке за 2 руб. в год церковную землю⁸⁵. Мы уже говорили о том, что известны и другие случаи аренды бобылями пашенных и лесных участков, а также дворовых мест. Нередким было явление, когда среди бобылей выделялись крупные «предприниматели», ворочающие значительными капиталами. Таковыми в рамках патриаршей вотчины были бобыли К. и М. Калмыковы, которые в 90-е годы «отбились» от рук патриаршей кафедры и стали членами гостиной сотни⁸⁶.

Конечно, среди бобылей была бедная часть, вполне возможно, что порой уровень этой бедности был у бобылей ниже, чем у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, но и само это — лишь следствие более глубокой имущественной дифференциации в среде оброчного крестьянства, ведущей к социальному расслоению. Попутно заметим, что не всегда можно верить документам, исходящим от бобылей, где они характеризуют собственное хозяйственное положение. Написать о том, что «бобылишка вконец разорился», «запустел» и т. д., стоило немного, а в случае благожелательного исхода дела это давало новые льготы, новые возможности для развития своего хозяйства. В этой же связи хочется обратить внимание на факты роста недоимок среди оброчного крестьянства и бобылей в XVII в. Конечно, с одной стороны, это было объективным отражением тяжести феодальных повинностей, но с другой — говорило о том, что крестьяне и бобыли осуществляли «льготу» «явочным порядком», на долгие годы попадая в доимку. Иногда целые хозяйства задалживали оброчную плату за 10—20 лет, хотя никаких особенных потрясений они не испытывали. В приходо-расходных книгах патриарших приказов со временем появилась даже особая часть, где регулярно записывались оброчные недоимки крестьян и бобылей за многие годы. Недоимки росли, крестьяне и бобыли продолжали вести свое хозяйство, кафедра метала на их счет громы и молнии, а положение не менялось. Несомненно, что уклонение от уплаты оброчных денег в массовом

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 235, он. 2, кн. 55, лл. 246, 554 об., 1610 об.

⁸⁶ ГИМ, Синодальные описки. № 1501.

масштабе было не столько показателем имущественного уровня крестьянских хозяйств, сколько отражало одну из форм классовой борьбы крестьянства против феодальной денежной ренты.

Подводя итоги, можно сказать, что бобыльство XVII в., зародившись гораздо ранее как категория мало-мощных крестьян, перешедших на денежный оброк в рамках сильной натурализации хозяйства, недостаточно уровня товарно-денежных отношений, к этому времени теряет некоторые специфические черты и превращается в обычное оброчное крестьянство.

Выступая и в XVII в. под термином «бобыли», эта часть феодально зависимого населения в области хозяйственной но существу теряет все те качества, которые отделяли ее от крестьянства в XV—XVI вв., сохраняя лишь юридические отличия: половинная норма тягла, большая свобода передвижения. Происходит хозяйственное сближение этой категории с другими слоями крестьянства. Причем основой эволюции, как и зарождения этой категории, служило изменение формы эксплуатации крестьянства: переход от барщины и натурального оброка к оброку денежному.

В дальнейшем в конце XVII в. и в юридическом отношении происходит сравнение бобылей с оброчным крестьянством. Это сравнение отражают и источники, не отличающие бобылей от оброчных крестьян. В XVIII в. термин «бобыли» исчезает, что отражает полное слияние понятий «бобыль» и «оброчный крестьянин» (или «посадский человек», «слобожанин»). И совершенно прав А. Л. Шапиро, когда он пишет: «Благодаря распространению крестьянских промыслов и отходов вотчинники получили возможность отказаться от льгот, которые они раньше вынуждены были предоставлять бобылям и другим лицам, полностью или частично лишенным средств крестьянского производства»⁸⁷. Если отвлечься в этом высказывании от усиленного акцента на мысли о бобылях как экспроприированной части крестьянства, мы можем уловить связь между исчезновением этой категории и развитием хозяйства страны, где находили применение оброчные крестьяне. Кстати, здесь же уместно задать вопрос тем, кто трактует бобыльство как бедней-

⁸⁷ А. Л. Шапиро. Указ. соч., стр. 65.

шую часть крестьян, — почему эта «беднота» исчезает в дальнейшем? Правильным, по нашему мнению, будет ответ, согласно которому бедная часть бобылей сливается с беднейшей частью оброчного крестьянства, образуя единый слой «экспроприированного» оброчного крестьянства.

* * *

Наше внимание привлекла еще одна группа крестьян XVII в. — «крестьянские дети», о которой В. О. Ключевский сказал, что ее существование — «один из самых темных вопросов в истории крепостного права»⁸⁸. Основанием для такой неэкономической оценки послужило известное противоречие между законодательством о «крестьянских детях» и практикой. Это противоречие сбивало с толку и порождало самые различные суждения. В чем же оно выражалось? Согласно Уложению 1649 г., дети крестьян являлись «крепкими» своим владельцам «по старине» точно так же, как дети холопов, т. е. считалось, что крепостное состояние отца переходило на сына и служило основанием для прикрепления крестьянских детей к земле как «по крепости», так и без оной⁸⁹. Вместе с тем хозяйственная практика второй половины XVII в. полна случаев, когда крестьянские дети совершенно свободно уходили от своих владельцев, рядились на тягло, шли в отход и т. д., невзирая на законодательные ограничения. Причем незаметно, чтоб эти факты сопровождались какими-либо эксцессами: и феодальные собственники и сами «крестьянские дети» смотрели на это дело как на само собой разумеющееся. На основании этого А. П. Доброклонский считал их вольными людьми, которые «хотели брали землю, хотели нет, хотели жили в родной вотчине, хотели уходили куда-нибудь, хотели нанимались у своего помещика, хотели шли в город и т. п.»⁹⁰. В. О. Ключевский называл их последней категорией русского свободного крестьянства, которая после писцового наказа 1646 г., а тем более после Уложения оказалась в состоянии вечной зависимости от владельцев. Но так как речь шла о «крепости» не по тяглу (посадить крестьян-

⁸⁸ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 304.

⁸⁹ «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича», гл. XX, ст. 24, стр. 334.

⁹⁰ А. П. Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. М., 1883, стр. 33.

ского сына на тягло значило дать ему ссуду, что не всегда отвечало намерениям владельца), и само писцовое прикрепление в этом случае являлось условным, то появилась новая категория крепостных людей — нетяглые «крестьянские дети», которых постепенно верстают в тягло или отчуждают как крепостных крестьян, дробя семьи, переводя их в дворовые люди и т. д.⁹¹ Таким образом, и А. П. Доброклонский и В. О. Ключевский рассматривали «крестьянских детей» как определенную юридическую категорию русского крестьянства в XVII в., считая основным ее признаком степень прикрепления к тяглу. Но были и иные мнения.

М. А. Дьяконов считал «крестьянских детей» детьми в полном смысле слова — «подростками», «отроками», близкими монастырским «детенышам»⁹², однако эту мысль он проводил непоследовательно, указывая, что в состав «детенышей» попадали и взрослые обедневшие люди, т. е. по существу возрастной признак подменялся здесь имущественным⁹³. Вместе с тем М. А. Дьяконов обращал внимание на такую особенность в положении этой категории крестьянского населения, как возможность уйти со своих старых мест ввиду земельной «тесноты», а также нераспространение на нее права возврата из бегов по крепости своих дедов и ограничение этого права лишь «старинной отца»⁹⁴. Позднее эту точку зрения М. А. Дьяконова о крепости детей крестьян и бобылей «по старине», которая в данном вопросе смыкалась с позицией В. О. Ключевского, признал и Б. Д. Греков, считавший, что эта крепость возникала на тех же основаниях, что и закрепощение крестьян⁹⁵. Близок к такому же пониманию «крестьянских детей» и С. Б. Веселовский, считавший их условно тяглыми людьми, «за которыми приказы то в большей, то в меньшей мере признавали право стдеяться от своих отцов и родичей и рядиться в тягло»⁹⁶. Как и М. А. Дьяконов, С. Б. Веселовский не прочь признать их действительно детьми и родственниками, отделя-

⁹¹ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 301—305.

⁹² М. А. Дьяконов. Очерки..., стр. 267, 295—296, 299.

⁹³ Там же, стр. 301.

⁹⁴ Там же, стр. 42, 67, 178.

⁹⁵ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 149.

⁹⁶ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2, стр. 143.

ющимися от своих отцов, дядей, братьев⁹⁷, если это не нарушало фискальных принципов и не противоречило интересам владельцев.

Итак, с одной стороны, «крестьянские дети» — это свободные люди или последняя категория свободных крестьян, которых укладывали в прокрустово ложе крепостничества, уготованное для всего русского крестьянства, с другой — это действительные дети, родственники крестьян, являвшиеся «крепкими» своим владельцам «по старине», условно тяглыми людьми, которые имели некоторые правовые льготы по сравнению с остальной массой крестьянства.

Анализ этой группы исследователи, занимавшиеся данным вопросом, вели лишь в плане изучения ее юридических признаков. Вполне возможно, что именно такой подход к вопросу и привел к появлению многих «темных мест» при изучении «крестьянских детей». Так и остались необъясненными вопросы — почему эта категория складывается в основном в конце XVI—XVII в., почему она исчезает позднее, в чем кроется противоречивость между законодательством о «крестьянских детях» и практикой жизни, можно ли ее объяснить лишь интересами фискальной политики и заинтересованности владельцев разрядить «утеснение» крестьян. Наконец, в каком соответствии находятся признаки возрастной, имущественной и юридической, которыми оперировали исследователи применительно к этой группе крестьян.

Попытаемся ответить на эти вопросы на основе социально-экономической характеристики этой категории крестьянства по материалам патриаршего землевладения и хозяйства. К сожалению, эти данные не систематичны и представляют собой отдельные записи о «крестьянских детях» в приходо-расходных книгах; но, относящиеся к различным сюжетам и сопоставленные друг с другом, они могут значительно помочь в решении вопроса.

Первая деталь, которая бросается в глаза при знакомстве с упоминаниями о «крестьянских детях», заключается в том, что нигде ни разу эта группа крестьян не связана с выполнением барщинных работ; все «крестьянские дети» обязаны выплачивать кафедре денежный оброк. Так, от 90-х годов XVII в. дошли сведения о «крестьянских де-

⁹⁷ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 1, стр. 243.

тях», «крестьянском сыне», сидящих на денежном оброке в Баглачевской волости⁹⁸. Упоминаются «крестьянские дети», уплачивающие денежный оброк и в Сенежской волости⁹⁹. В с. Махайлова Сторона «крестьянский сын» Т. Горынин платил оброк по 0,5 руб. в год¹⁰⁰. Жилп «крестьянские дети» и в подмонастырской слободе патриаршего Нерльского Троицкого монастыря¹⁰¹, и в других районах. Норма оброка у них была примерно одинакова, чаще всего 0,5 руб. в год (в Баглачевской волости, в с. Михайлова Сторона), реже по 1 руб. в год (такой оброк платили, например, двое «крестьянских детей», живущих в Сенежской волости¹⁰²). Эта норма оброчной платы близка по своим размерам к бобыльскому оброку, а также к суммам, уплачиваемым крестьянам-отходникам, перешедшими в города. Таким образом, в хозяйственном отношении «крестьянские дети» ничем не отличаются в конце XVII в. от обычных оброчных крестьян. (Кстати, почти все упоминания о них относятся именно к районам, перешедшим на денежный оброк.) В пользу этого тезиса говорит и анализ занятий «крестьянских детей» как в городе, так и в деревне. Придя в Москву из Пошехонской вотчины патриархов — дер. Марьиной, «крестьянский сын» А. Михайлов работал «в работниках» на огороде патриаршего Новинского монастыря и получил плату за лето в 2,5 руб.¹⁰³ «Крестьянский сын» Д. Сергеев из Владимирского уезда был нанят на «урочные годы на шесть лет» Л. Малафеевым из Берешковской слободы (Москва)¹⁰⁴. Многочисленные сведения о «крестьянских детях»-отходниках, живущих в Москве «в наймах» и занимающихся торговлей, ремеслом и т. д., имеются в книге 62 патриаршего Дворцового приказа. При этом обращает на себя внимание тот факт, что среди «крестьянских детей» часто упоминаются два-три брата, ушедшие из какого-либо селения и ставшие московскими патриаршими оброчниками. Это как будто подтверждает положение о возрастном признаке «крестьянских детей», но тут же бросается в глаза следующее: для источника возрастной, родственной и т. п. при-

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 204—204 об.; кн. 63, л. 183.

⁹⁹ Там же, кн. 25, л. 287; кн. 63, л. 180; кн. 60, лл. 144 об.—145.

¹⁰⁰ Там же, кн. 63, л. 185.

¹⁰¹ Там же, кн. 60, л. 55 об.

¹⁰² Там же, кн. 63, л. 180.

¹⁰³ Там же, кн. 62, лл. 10 об., 20, 32 об.

¹⁰⁴ Там же, кн. 94, л. 316.

знаки не имеют никакого значения. Главное, чтобы появление «крестьянского сына» в городе не ослабило тяглых сил в деревне. Именно поэтому кафедра легко идет на то, чтобы перевести па оброк своего крестьянина из дер. Посниковой (Московский уезд) «для того, что он с отцом своим живет не в разделе и жеребий не пуст»¹⁰⁵, и других «крестьянских детей». В случае, если это требование нарушается, кафедра стремится вернуть крестьян из города в деревню, и здесь уже совершенно безразлично, кто они: крестьяне, «крестьянские дети» или бобыли. Любопытно, что и сам источник иногда содержит на этот счет весьма недвусмысленные сведения. Так, в одной из записей нам встретилось такое сочетание: «Крестьянский сын Тимошка Иванов сын Горынин». И хотя нет оснований в этом случае к отделению понятий «сын» в прямом смысле слова и «крестьянский сын» как определенной категории крестьянства, повод для такого разделения несомненно имеется.

В качестве оброчников «крестьянские дети» выступают не только в сфере несельскохозяйственных занятий, но и непосредственно как земледельцы. Показательной в этом смысле является история с расселением крестьян дер. Ивашевой с. Романовского (Переяславский уезд). В конце 80-годов XVII в., когда выяснилось, что в этой деревне крестьяне испытывают острую нехватку земель, кафедра разрешила им расселиться на Покровских пустошах, здесь же, в этом уезде. К этому времени крестьяне дер. Ивашевой уже не несли барщины, а пашня, которую они пахали «на патриарха», была передана им в оброчное пользование¹⁰⁶. В качестве челобитчиков о земле выступают крестьяне, у которых имеется от двух до пяти сыновей¹⁰⁷. Получив разрешение, крестьяне начинают расселяться. На Покровские пустоши уходят из дворов своих отцов один-два-три сына, оставляя на старом хозяйстве отца с кем-то из сыновей¹⁰⁸. Возникает новоселебный район, где крестьяне, согласно новоселебным традициям, садились на хозяйство в качестве оброчников. Таким образом, налицо оказывается синтез двух понятий — сын крестьянский в прямом смысле слова и «крестьянский сын» как человек, уходящий на новое место жительства, оброчный новоселеб-

¹⁰⁵ Там же, кн. 62, л. 17 об.

¹⁰⁶ Там же, кн. 33, л. 91.

¹⁰⁷ Там же, л. 93.

¹⁰⁸ Там же, лл. 94—95.

ный крестьянин. На основе уже сложившихся традиций оброчных отношений для крестьян, как отходников, так и «новоселебных», «крестьянские дети» в конце XVII в. предстают уже в виде одной из разновидностей оброчных крестьян, имевших больше свободы передвижения и не связанных такими «крепостями», как остальная масса крестьянства.

Любопытно в связи с этим отметить, что в одном из указов патриарха от 1683 г. о переселении части крестьян из оброчных Баглачевской и Сенежской волостей в «барщинное» с. Троицкое-Сельцы сказано о том, что «всем крестьянам, которые похотят от отцов дети, и от братьи братьей, и от семей крестьян з женами и з детьми и со всеми их животы, прислать к Москве на житье»¹⁰⁹. По существу речь идет о «крестьянских детях», которые из сферы оброка направлены в сферу действия барщины. По другим документам также прослеживается заселение с. Троицкое-Сельцы, однако нигде не сказано, что среди новоселебных крестьян именно в этом селе появились «крестьянские дети». Вполне возможно, что в данном случае термин исчезает в связи с переводом крестьян с оброка на барщину.

«Крестьянские дети» выступают как юридически самостоятельные лица в земельных операциях. Есть сведения о продаже ими своего «тяглого жеребья»¹¹⁰; они выступают как специфическая группа и при наборе в солдаты¹¹¹.

Подытоживая соображения насчет бобылей и «крестьянских детей», следует сказать, что пути формирования оброчного крестьянства в России были сложными и многообразными. Эта сложность и многообразие объяснялись медленным развитием товарно-денежных отношений по сравнению с другими странами Европы, силой крепостнических отношений, существованием в стране постоянно растущей нормы барщины. В этих условиях на протяжении XIV—XVII вв. оброчные отношения выступают то в виде «серебреничества», то в виде «бобыльства», то в форме существования категории «крестьянских детей». Все эти линии были своеобразным генезисом русского оброчного крестьянства. К концу XVII в., когда начинает выделяться группа оброчного крестьянства, складываются и определенные районы, где крестьяне несли барщинные по-

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кп. 40, л. 354 об.

¹¹⁰ Там же, кн. 104, л. 19.

¹¹¹ Там же, кн. 91, лл. 46—47.

шинности. Кстати, такой подход к вопросу объяснит, откуда взялись районы с барщиной и оброком, как они предстают перед нами в XVIII—XIX вв.

На основании критерия, связанного с изменением форм ренты, мы можем говорить и о таких фактах, как имущественная дифференциация крестьянства, его социальное расслоение. Подобные тенденции наблюдались среди бобылей и «крестьянских детей»¹¹², и лишь после этого необходимо, на наш взгляд, обращаться к характеристике юридического статуса той или иной категории, постоянно сравнивая этот статус с реально существующим положением.

При анализе категорий крестьянства в XVII в. хорошо видно, как в прежнюю терминологию жизнь вкладывала новое содержание, что и приводит со временем к отмиранию и исчезновению этой терминологии.

* * *

В заключение несколько замечаний о крестьянах-«новоприходцах», т. е. о тех, которые либо заново садились «во крестьяне», переходя в эту категорию населения из других слоев, либо, уже являясь крестьянами, меняли по тем или иным причинам свое местожительство и заново начинали хозяйствование на новом месте. В XVII в. эта категория крестьян в отдельных районах п вотчинах выступает под терминами «новые крестьяне», «новоселебные», «новопорядчики», «порядчики». Причем одни и те же термины могут обозначать как вольных людей, порядившихся в крестьяне в рамках той или иной вотчины, так и феодально зависимых людей данной вотчины, начавших хозяйствование на новом месте.

Характеристика этой категории крестьянства в советской историографии в основном развивалась в общем плане анализа развития крепостнических отношений. Так, Б. Д. Греков писал о новопорядчиках, что они — «обедневшие люди, которые не могут справиться с крестьянским тяглом, не имеют средств начать самостоятельное крестьянское хозяйство, но надеются со временем через подмогу или ссуду от землевладельца стать в ряды крестьян-старо-

¹¹² Это легко проследить на примере многочисленных данных книги 62, где были записаны «крестьянские дети» — отходники, жившие в Москве.

жильцев. Их количество, — отмечал далее Б. Д. Греков, — растет в связи с ростом внутреннего рынка»¹¹³. Согласно этой точке зрения, чем сильнее развиваются рыночные связи, тем сильнее крепостническое ярмо давит на плечи крестьянства, увеличивая его пауперизацию, рост числа бедняков, ищущих подмоги, ссуды и принимающих на себя новые «поряды».

Весьма своеобразно интерпретирует это положение Б. Д. Грекова Л. С. Прокофьева. Говоря о новопорядках Спасо-Прилуцкого монастыря, она отмечает, что развитие порядка во второй половине XVI в. и появление вместо порядных записей поручно-порядных, введших институт поручителей, — не что иное, как проявление дальнейшего усиления крепостничества в Русском государстве¹¹⁴. При этом совершенно необъясненными остаются следующие вопросы: почему именно со второй половины XVII в., когда уже вышло в свет Уложение 1649 г., явившее собой апофеоз закрепостительной политики правительства, понадобилось связывать часть «сплошной крепостной массы» крестьянства еще и поручными записями¹¹⁵; чем объяснялись те факты, что среди ивопорядчиков и порядчиков XVII в. мы не видим преобладания беднейшей части крестьянства, а если это действительно беднейшая часть, то почему поручителями ивопорядчиков и порядчиков выступают, как правило, зажиточные крестьяне, отвечающие за нарушение порядчиком договора своим имуществом и деньгами; наконец, почему крестьяне стремятся любыми средствами получить ту самую ссуду или подмогу, которая должна их, уже закабаленных общегосударственным законом, закабалить еще раз. На все эти вопросы трудно ответить с позиций односторонней оценки, делающей упор при характеристике этой категории крестьян лишь на закрепощении. На наш взгляд, к решению этих вопросов необходимо подходить с иных, если так можно выразиться, «реалистических» позиций, т. е. не отрицая того, что и порядные записи и поручно-порядные и факт ссуды и подмоги, конечно, делали крестьянина более зависимым

¹¹³ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 185.

¹¹⁴ Л. С. Прокофьева. Указ. соч., стр. 158—173.

¹¹⁵ «В период, когда крестьяне фактически были уже закрепощены, он (т. е. институт поручителей.— А. С.), как никакое другое средство, гарантировал сохранение крестьянина-порядчика за монастырем по принципу круговой поруки» (Л. С. Прокофьева. Указ. соч., стр. 173).

от феодала, чем до свершения им всех этих акций, вместе с тем подчеркивать, что здесь наблюдалось некоторое, весьма условное «совпадение» интересов крестьянина и феодала (конечно, до какого-то определенного момента, за пределами которого элементы противоречий в той или иной сделке становились доминирующими). На это, кстати, указывали некоторые авторы. В частности, Б. Д. Греков писал о том, что «количество ивопорядчиков росло вместе со стремлением землевладельцев увеличить доходность своей земли»¹¹⁶. В применении к хозяйству Антониево-Сийского поморского монастыря об этом же говорил Г. Н. Образцов¹¹⁷.

Кроме того, что все эти явления были отражением диалектической взаимосвязи хозяйства крестьянина и феодала, нужно помнить также, что стремление крестьянства к «новой селидье», распространение порядка отражали не столько рост крепостничества, сколько его ослабление в применении к определенной категории крестьянства — оброчным крестьянам. Что касается поручительств, о которых Л. С. Прокофьева говорит как о факте дальнейшего закрепощения крестьянства, то с таким же успехом можно характеризовать их как следствие большей свободы крестьянского передвижения, которое было нежелательным для феодальных собственников, расширяющих при помощи ивопорядчиков и порядчиков собственное хозяйство. Отсюда стремление сдерживать это передвижение оброчных крестьян при помощи «круговой поруки».

И совершенно прав Г. Н. Образцов, подчеркивая, что «порядная запись не создавала правовых норм крепостной зависимости, а отражала в себе те формы эксплуатации крестьянства, которые складывались в феодальных хозяй-

¹¹⁶ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 182.

¹¹⁷ «Приобретая деревни, починок, пустоши, лесные угодья в различных частях Поморья, монастырь был заинтересован в их хозяйственной эксплуатации. Одни монастырские крестьяне не могли освоить всех принадлежавших монастырю земель. Перевод крестьян-старожильцев с их старых участков на новые не представлял, разумеется, больших выгод для монастыря. В этом отношении гораздо больше выгод представляли или крестьяне-арендаторы, или крестьяне-порядчики» (Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийского монастыря.— «Исторический архив», 1953, т. VIII, стр. 82).

ствах вместе с развитием и укреплением феодальных отношений»¹¹⁸.

На все эти мысли нас наводят материалы патриаршего землевладения и хозяйства, среди которых данные о новоселебных крестьянах занимают далеко не последнее место.

Во-первых, сразу же приходится констатировать, что в документах патриаршей кафедры не встречается ни одного случая, когда бы новоселебные крестьяне (свои или со стороны), садившись на тягло во вновь осваиваемых районах, начинали его с барщины. Во всех случаях мы видим складывание оброчных отношений, и, что самое интересное, не только на срок льготы, но и на последующее время. Об этом говорят, в частности, факты крестьянских аренд земельных угодий кафедры на протяжении XVII в. Правда, здесь порой среди оброчных держаний, присовокупляемых к основному земельному комплексу того или иного крестьянского хозяйства, трудно еще выделить элементы «новоселебства». Легче это сделать тогда, когда речь идет только о фактах заселения крестьянами новых районов вотчины без примешивания мотивов «арендного» характера. Но что удивительно: по своему характеру отношения новоселебных крестьян к кафедре идентичны тем же отношениям кафедры с крестьянами-«арендаторами». Достаточно обратиться к характерным в этом смысле документам, восходящим ко второй половине XVII в. В 40-е годы идет переселение патриарших крестьян с Степановского (Звенигородский уезд) на новые земли в этом же уезде.

На старом месте жительства крестьяне выполняли отработочные повинности, характерные для «барщинных» сел патриаршей вотчины. При выходе на хозяйство из с. Степановского на новые земли пустошей Спицыной и Казаминой крестьяне перешли с барщины на денежный оброк. При этом интересно отметить такую деталь: раньше эти патриаршие пустоши находились в оброчном пользовании за князем И. А. Воротынским; затем были отняты у него и переданы «под селидьбу» «села Степановского новым крестьянам». А часть земель и в дальнейшем отдавалась «из оброку» крестьянам, жившим и хозяйствовав-

¹¹⁸ Г. Н. О б р а з ц о в. Указ. соч., стр. 105.

шим в селе ¹¹⁹. Таким образом, использование данных земельных участков при помощи аренды как бы определило и форму повинности новоселебных крестьян: денежный оброк. Еще более определенно связь оброчных держаний с новоселебными участками на оброке выступает на примере освоения церковных земель в том же Звенигородском уезде. Эти земли первоначально были в оброчном пользовании за крестьянами здешнего патриаршего с. Никольского. Затем в 1642/1643 г. они были переданы «на селидбу» «не того ж оброку» выходцам из патриаршей московской слободы Козье Болото ¹²⁰. Но дело здесь не только в хозяйственной «традиции». Хозяйствование на новом месте, требующем приложения большего (по сравнению с прежним) количества труда, удаленность осваиваемых районов от основного комплекса земельных угодий, конечно, само по себе исключает в этом районе эксплуатацию крестьян в форме барщины. Барщина для крестьян — это отсутствие свободного рабочего времени или сведение его до минимума, сокращение возможности для проявления инициативы. А именно это-то — время, инициатива, труд на себя и были необходимы крестьянам при освоении новых участков. Перед кафедрой стояла альтернатива: или держаться за барщину и отказаться от развития хозяйства на новых местах, или перевести крестьян на оброк, видя в этом выгоду для крестьян и, таким образом, для себя. Феодалная организация прочно вступила на второй путь.

В 1665 г. несколько крестьян дер. Мартьяновой (Карашская волость) получили в тягло пустошь неподалеку от деревни. Память, направленная по этому поводу из центра в волость патриаршему управителю, гласила о том, что крестьянам разрешено «на той пустоши селитца вновь и подати платить с своею братьею в ряд» ¹²¹. Здесь у новоселебных крестьян при появлении на новом месте жительства положение не менялось, как у степановских крестьян (мы должны помнить, что вся Карашская волость к этому времени была на оброке), но сам этот факт еще раз подчеркивает «оброчный» характер крестьянских новоселебных хозяйств.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кв. 19, лл. 12, 47—49, 942 об., 1238 об.—1239, 1351 об.—1352.

¹²⁰ Там же, л. 821.

¹²¹ Там же, ф. 236, оп. 5, кв. 16, л. 376 об.

Подобные же факты прослеживаются и по другим владениям кафедры в разных частях государства.

В Можайском уезде был положен в оброк крестьянин Л. Васильев, поселившийся на пустоши Кузнечиковой¹²². Были поверстаны «в земле и в оброке» новоселебные крестьяне дер. Рясницыной (Переяславский уезд)¹²³. В этом же уезде платили оброки крестьяне с. Романовского, поселившиеся на Павловских пустошах¹²⁴. Во Владимирском уезде в Опольском стану пустоши, розданные «под селидьбу» патриаршим крестьянам этого же уезда, также были «положены в оброк»¹²⁵. Все эти факты восходят к началу 90-х годов, а к концу последнего десятилетия XVII в. относятся интересные данные о массовом заселении пустошей в уже знакомом нам с этой стороны Переяславском уезде. Здесь к 1700 г. уже существовали две новоселебные волости — Павловская и Покровская, на которых появилось 82 крестьянских и бобыльских двора, с которых собиралось ежегодно до 200 руб. оброка¹²⁶. Причем этот оброк был суммой, которую крестьяне уплачивали кафедре на тех же основаниях, что и при аренде пустых земель, не неся при этом никаких других обязательств¹²⁷. Однако к 1700 г. пустоши оказались уже в значительной мере освоенными, и кафедра решила наложить на крестьян тягло по всем правилам. В волости были посланы приказные люди с указом патриарха о положении льготчиков в тягло, причем в указе говорилось: «В тягло и в оброк те крестьяне не положены. Только платят оброк с земли, почему плачивали с пустой земли»¹²⁸. Здесь совершенно явно проводится мысль о том, что оброк с земли — это одно, а «тягло и оброк» — это другое, но в обоих случаях мы имеем дело с денежным оброком, феодальной денежной рентой, выступающей в одном случае в чистом виде, возможно, весьма заниженном по сумме, в другом — в комплексе с другими формами феодальных повинностей феодальной организации и государству. Проходит льгота, усложняются повинности,

¹²² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 58, л. 74.

¹²³ Там же, л. 70.

¹²⁴ Там же, кн. 60, л. 31.

¹²⁵ Там же, кн. 25, лл. 165, 199 об.

¹²⁶ Там же, кн. 90, л. 271—271 об.

¹²⁷ Там же, л. 323.

¹²⁸ Там же, л. 323.

но по-прежнему главной из них для новоселебных крестьян остается денежный оброк.

Откуда же появились здесь новоселебные крестьяне? В основном это «свои», вотчинные люди, перешедшие на пустоши из сел патриаршей кафедры в этом же уезде. Анализ сроков ухода ведет нас на 2, 3, 5, 7, 8, 10, 15, 18 лет назад¹²⁹. Значит, заселение пустошей началось в конце 70-х — начале 80-х гг. — в период, когда многие владения кафедры, в том числе и в Переяславском уезде, перешли на оброчный путь. Если учесть, что многие из поселившихся крестьян вышли «из семей», т. е. принадлежали с какой-то стороны к категории «крестьянских детей», оброчников, то становится ясной связь оброчного статуса этих новоселебных крестьян с общими оброчными тенденциями, захватывающими отдельные районы государства. Если мы с этой точки зрения взглянем на ивопорядчиков и порядчиков XVII в. у других авторов, то заметим ту же специфику. В основном — это оброчные крестьяне. В данном случае оброчный путь был подсказан самой жизнью, особенностью хозяйствования на новом месте, необходимостью иметь время, возможности для проявления инициативы. Лишь в этом случае и для крестьянина и для феодала была гарантия развития хозяйства в осваиваемом районе.

В том же плане, нам представляется, следует рассматривать и вопрос о льготах новоселебным крестьянам. Эти льготы, заключающиеся, как правило, в освобождении крестьян на время от уплаты оброка и выполнения других повинностей, давали возможность организовать крестьянину свое хозяйство и тем самым обеспечивали феодалу исправного плательщика на будущее. Применительно к более раннему времени на это указывал Л. В. Черепнин, говоря, что «новики» — инициаторы новых поселений — получали льготы на 20—30 лет, а затем феодал начинал использовать продукты их труда в форме феодальной ренты¹³⁰.

Вызывает большое сомнение правильность такой постановки вопроса, когда льготы, ссуды, подмога и т. д. крестьянину со стороны феодала или феодальной организации рассматриваются лишь как средство закрепощения

¹²⁹ Там же, кн. 90, лл. 324—329.

¹³⁰ Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в., стр. 340.

крестьянина, усиления его эксплуатации и т. д. Крестьянство стремилось к льготе. Почти все новоселебные хозяйства имели такую льготу. Иногда она достигала значительных размеров. Так, в Карашской волости долгое время новоселебные крестьяне не платили кафедре положенных оброков в сумме 46 руб.¹³¹ В Переяславском уезде новоселебным крестьянам, уплачивающим кафедре по 200 руб. оброчных денег, в 1698/1699 г. была дана льгота, выражавшаяся в послаблении платежа с 200 до 150 руб. «для нынешней хлебной недороды и для скудости»¹³². Характерной в этом смысле является одна развернутая запись об условиях «новой селидьбы», сохранившаяся в приходе-расходной книге 1642—1648 гг. Относится эта запись к 1642/1643 г. Она говорит о том, что участок церковной земли был отдан «из селидьбы» крестьянину М. Еремееву (Юрьевский уезд, дер. Столбицы). И далее: «И на той земле велено ему двор поставить и всяким дворовым строением устроить. А в тех оброчных деньгах для селидьбы дано ему, Мартынку, льготы на два года... А как льготные годы отойдут, и ему с той земли оброк платить по-прежнему и изделье делать со крестьяны вместе»¹³³. Совершенно ясно, что те крестьяне, вместе с которыми М. Еремеев обязан был тянуть тягло, выполняли как оброчные, так и «издельные» повинности и то, что М. Еремеев был на два года освобожден от этих повинностей, никак не может свидетельствовать в пользу того, что льгота была одним из добавочных средств закрепощения крестьян.

И, наконец, последний вопрос: являлись ли новоселебные крестьяне патриаршей вотчины обедневшими людьми? Пожалуй, в такой же степени, как и другие оброчные крестьяне. Некоторые из их хозяйств были маломощными, задыхающимися на старом месте от «утеснения»¹³⁴, другие, напротив, имели определенный достаток, крестьяне начинали на новом месте хозяйствовать на «широкую ногу», прибирая к рукам плохо лежащие участки земли, занимаясь арендной деятельностью¹³⁵. Но не эти признаки являлись определяющими при характеристике но-

¹³¹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 9.

¹³² Там же, кн. 90, л. 272 об.

¹³³ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 19, л. 232.

¹³⁴ См., например: там же, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 198.

¹³⁵ Там же, кн. 69, л. 48 об.; кн. 97, л. 30.

воселебных крестьян, а формы их повинностей, определившиеся спецификой развития хозяйства на новом месте.

Таким образом, среди новоселебного крестьянства можно определенно выделить оброчных крестьян, которые в дальнейшем перенесут эти оброчные отношения порайонно и в более позднее время.

Но все ли новоселебные крестьяне были оброчниками? Ставить вопрос таким образом — значило бы вместо одной схемы, где новоселебным крестьянам, новопорядчикам, порядчикам отводится лишь роль объекта приложения крепостнических правовых норм, отдать предпочтение другой схеме, согласно которой новоселебные крестьяне-оброчники в силу личных хозяйственных устремлений, специфики хозяйствования на новом месте, заинтересованности феодала в развитии своего хозяйства, покоящегося на эксплуатации возможно большего количества крестьян, предстают перед нами как категория крестьянства, освободившегося от крепких крепостнических барщинных уз. Сказать так — значило бы погрешить против истины. Наряду с категорией новоселебных крестьян-оброчников мы встречаем в патриарших владениях значительную группу новоселебных крестьян — барщиннообязанных. Чтобы подтвердить это, достаточно обратиться к анализу процесса заселения патриарших подмосковных сел, которые, как мы уже видели, представляли собой комплекс «барщинных» владений и которые тщанием патриарших управителей при личном внимании к ним со стороны патриархов быстрее развивались в хозяйственном отношении. Здесь увеличивалась барская запашка, вводились новые рабочие и жилые помещения, строились мельницы, проводились опыты по улучшению породности скота, развитию садоводства, рыбоводства и т. д. Для этих растущих хозяйств нужны были люди (вспомним письмо А. И. Безобразова к своему приказчику: «Мне земля ненадобна, мне крестьяне надобны»¹³⁶).

Начиная с 40-х годов XVII в., а в отдельных селах и раньше заметен приток новоселебных крестьян из других районов вотчины. И если в случае с новоселебными оброчниками мы отметили тенденцию — от барщины к

¹³⁶ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929, стр. 48.

оброку, то здесь следует говорить о совершенно противоположном процессе — о движении населения из сферы оброчных отношений в сферу барщинных. Так, в с. Троицком-Сельцах в 60—70-х годах XVII в. появляются новоселебные крестьяне белозерцы — выходцы из патриарших вотчин Белозерского уезда¹³⁷, крестьяне из юрьевских сел¹³⁸; их число превышало 40 человек (причем учитывались лишь работающие мужчины, хотя переселение происходило семьями). Новоселебные крестьяне были расселены на пустошах близ с. Троицкого¹³⁹ и получили ссуду зерном «на семена» и «на корм». Причем все эти операции — и переселение и ссуда — были проделаны, как показывают записи в приходо-расходных книгах, в основном весной — марте-апреле, реже в мае-июне. Кафедра торопилась с тем, чтобы не потерять напрасно дорогое страдное время и использовать крестьян в полной мере. То, что они предназначались для полевых работ, не вызывает сомнения. В это время крестьяне с. Троицкого в качестве основной повинности знали лишь барщину. Об этом же говорит и одна из записей, указывающая, что ссуду зерном новоселебные крестьяне получили «для деловые поры»¹⁴⁰. Термин «деловая пора» в применении к крестьянскому населению вотчины означал одно — выполнение работ, связанных с весенне-полевым циклом.

Аналогичную картину мы видим и в другом крупном подмосковном патриаршем селе — Пушкино. Здесь от 40-х годов XVII в. также доходят сведения о появлении новоселебных крестьян. Они были из тех же белозерских владений и из юрьевских сел, что и в с. Троицком, расселяла их кафедра в новой слободе близ с. Пушкино, оказывая значительную материальную поддержку: ссуды деньгами от 1 до 8 руб. на покупку лошади, коровы, «на избной нутр», «на всякой завод»¹⁴¹ и т. д. В 60—70-е годы процесс заселения с. Пушкино продолжается, и снова среди новоселебных крестьян мы видим выходцев из Белозерского и Юрьевского уездов. Снова налицо ссуды деньгами, помощь зерном, сухарями, снова, как и в с. Троицком, все факты относятся в основном к весеннему вре-

¹³⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кв. 22, лл. 70, 126, 288 об.— 289.

¹³⁸ Там же, лл. 74—75, 103 об.— 104 об., 123 об.

¹³⁹ Там же, лл. 286 об.— 287 об., 315—315 об., 336.

¹⁴⁰ Там же, л. 287 об.

¹⁴¹ Там же, ф. 235, оп. 2, кв. 22, лл. 157, 172, 178 об., 188 об.

мени ¹⁴², и снова мы встречаем знакомое обоснование этой помощи: «для деловые поры» ¹⁴³ — слова, указывающие на наличие здесь барщинных повинностей. Точно такие же процессы отмечены и для других подмосковных патриарших сел: Игнатовского ¹⁴⁴, Владыкина ¹⁴⁵, Хлябова ¹⁴⁶, дер. Посниковой, которая до 80-х годов, по-видимому, оставалась барщинной ¹⁴⁷, дер. Петрищевой, где поселялись патриаршие крестьяне из нижегородской Спасской волости ¹⁴⁸. Новые крестьяне появлялись и в других селах, и, что весьма интересно, в тот период, когда эти села еще являлись барщинными (40-е годы). Такие факты отмечены для сел Бродницы (Владимирский уезд) ¹⁴⁹, позднее перешедшего в состав оброчных, и Ильинского (Юрьевский уезд) ¹⁵⁰, где барщинные повинности были сокращены лишь к концу века.

Таким образом, можно отметить, что новоселебное крестьянство XVII в. в патриаршей вотчине не являлось однородным, что оно вообще не было единой категорией, точно так же, как его нельзя определять понятием «бедное» или «небедное». Общие социально-экономические процессы, захватывающие вотчину московских патриархов, приводили к тому, что и новоселебные крестьяне дифференцировались на оброчных и барщинных, что соответствовало тем уже определившимся районам с той или иной формой ренты, которые складывались в течение XVII в. Новоселебные оброчники во многом отличались от новоселебных барщинных крестьян по своим хозяйственным тенденциям, степени зависимости от феодального собственника и т. д., и это также соответствовало уже складывающимся в этом смысле отношениям там, где появлялись новоселебные крестьяне. При этом достаточно явно обозначается своеобразный круговорот крестьянского населения. Одни из барщинных сел стремились выйти на оброк и искали этот путь в «новой селидьбе», а дру-

¹⁴² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 22, лл. 274 об., 275, 281 об., 298, 316 об., 339, 389.

¹⁴³ Там же, л. 280.

¹⁴⁴ Там же, ф. 235, он. 2, кн. 22, лл. 165 об., 175 об., 177 об., 189.

¹⁴⁵ Там же, кн. 34, л. 234 об.

¹⁴⁶ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 22, лл. 283, 306 об., 388 об.

¹⁴⁷ Там же, лл. 284 об.— 285, 296, 318, 389 об.

¹⁴⁸ Там же, кн. 32, л. 334.

¹⁴⁹ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, л. 175 об.

¹⁵⁰ Там же, лл. 163 об., 186 об.— 187.

гие, напротив, уходили из оброчных уездов в «барщинные» села. На первый взгляд сам по себе этот факт кажется парадоксальным, но стоит проанализировать материальное положение этих последних крестьян, чтобы парадокс оказался объяснимым. Мизерные денежные ссуды, скудная помощь зерном и сухарями (все это в размере одной четверти, а иногда и того меньше), цель ссуд — «на лошадь» или «на корову» — указывают, что перед нами маломощные, часто безлошадные хозяйства, начинающие свою жизнь на новом месте, не имея, как говорится, ни кола, ни двора. Об этом же говорят более определенно и отдельные записи в приходо-расходных книгах, затрагивающие данные сюжеты. Так, крестьянину с. Никольского (Московский уезд) Л. Еуфимьеву в 1646 г. было дано 2 руб. «на лошадь» «для его бедности»¹⁵¹. В с. Пушкино в начале 50-х годов было выдано 2 руб. «новому» крестьянину С. Савельеву «на избу» «для его бедности»¹⁵². Позднее, от 1677 г., доходят сведения о ссуде зерном на семена новоселбным крестьянам дер. Посниковой, которых документ называет «осмачниками», т. е. крестьянами, несущими тягло с $\frac{1}{8}$ доли выти, что само по себе уже указывает на маломощность этих хозяйств. Крестьянам было выдано по 3 четв. ржи¹⁵³. В приселке Аминева с. Троицкого крестьянину И. Никитину было выдано 1 четв. пшеницы, 1 четв. ячменя и 1 четв. овса «для его скудости новоселебства»¹⁵⁴.

Если теперь сравнить размеры ссуд и иные формы помощи этим крестьянам, которых документы часто определяют как «скудных», то окажется, что по всем «барщинным» селам эти размеры держатся примерно на одном и том же уровне: от 1—2 руб. или 1—3 четв. зерна, что достаточно ясно указывает на невысокий уровень этих хозяйств, хотя документы и хранят на их счет молчание. Все это не может не подвести к выводу о том, что переселения в барщинные села затрагивали в основном беднейшую часть крестьянства, кому, по-видимому, не всегда было дорого преимущество оброчного состояния и кто видел в получении ссуды, помощи на новом месте возможность поправить свои дела. Любопытно, что

¹⁵¹ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 22, л. 195.

¹⁵² Там же, кн. 34, л. 224 об.

¹⁵³ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 22, л. 390—390 об.

¹⁵⁴ Там же, л. 281 об.

и правовой статус этой части крестьянства значительно отличается от новоселебных-оброчников, хотя формально, в соответствии с государственным законом, все они крепостные. Появление оброчных крестьян в новых местах, как правило, связано с их собственной инициативой, выраженной в челобитных. (Кстати, в пользу этого свидетельствуют и данные о переселении в конце 60-х годов в подмосковные села крестьян из Белозерского уезда, про которых сказано, что они «приехали в подмосковные села на вечное житие»¹⁵⁵.) Большими преимуществами этой группы крестьян являются льготы, возможность новых роспашей, использования сенокосов и т. д. Правда, и они находятся в железных тисках крепостничества, но это уже по сравнению с действительно свободными арендаторами будущего, если таковые вообще имелись в центральной России вплоть до Столыпинской аграрной реформы. Однако слова «железные тиски» в применении к оброчникам приходится брать в кавычки, едва речь заходит о новоселебных барщинных крестьянах. Их положение намного отличалось от положения оброчников. Хотя не исключено, что они порой переселялись в барщинные села добровольно, о чем мы уже говорили, весьма часты случаи их насильственного переселения. Об этом говорит и стереотипная формула: «что ему жить» там-то и там-то¹⁵⁶, и упоминание о том, что переводимых крестьян перевозили на патриарших подводах с провозжатыми¹⁵⁷, и жестокие наказания порутчикам в случае побега новоселебного крестьянина¹⁵⁸. Кроме того, когда речь заходит о характере переселения, то в документах совершенно недвусмысленно употребляются термины «перевезен», «переведен», «новопривозной», «новывозной»¹⁵⁹, что указывает на императивный характер этих переселений. Вместе с тем в отношении оброчных новоселебных крестьян мы в наших источниках не встречаем подобной терминологии. Более того, этих крестьян документы, как правило, определяют либо обобщенным понятием новоселебные, либо более конкретным и весьма

¹⁵⁵ Там же, кн. 22, лл. 263 об.— 265.

¹⁵⁶ См., например: там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, лл. 157, 196.

¹⁵⁷ Там же, лл. 173 об.— 174.

¹⁵⁸ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 149 об.

¹⁵⁹ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, лл. 156, 157 об.— 158, 176, 187 об., 375; кн. 15, л. 519.

выразительным — «повопримные»¹⁶⁰. В число «перевозимых» крестьян попадают как крестьяне барщинных сел, так и оброчных сел, не желающие, видимо, добровольно вступать на новый для них путь. И здесь сила феодальной зависимости непосредственного производителя от феодального собственника раскрывается в полной мере.

Таким образом, среди новоселебного крестьянства в XVII в. четко обозначались группы оброчных и барщинно-обязанных крестьян: форма ренты определяла здесь не только степень их зависимости от феодального собственника, но и специфику их собственного хозяйства, а также в известной мере и действие тех или иных правовых норм.

Подводя итоги, следует заметить, что тезис Б. Д. Грекова о русском крестьянстве XVII в. как о сплошной крепостной массе не совсем точен. Не говоря уже о том, что и в это время существовали различные по своей принадлежности группы крестьян: черносошные, дворцовые, монастырские, помещичьи, патриаршние, в рамках этих групп существовали категории крестьян, отличающиеся друг от друга как социально-экономическими, так и юридическими признаками: бобыли, «крестьянские дети», новоприходцы. Их отличие друг от друга заключалось в том, что формально уравненные перед законом, в практической жизни они долго еще пользовались различными преимуществами, выделявшими их из основной массы крестьянства: пользовались правом перехода («крестьянские дети»), несли половинное тягло (бобыли), имели возможность заново рядиться на тягло (новоприходцы). Теряя затем эти преимущества, они сохраняли некоторые из них или приобретали новые в результате сдвигов, происшедших в форме эксплуатации крестьянства. Так, бобыли, превратившись к концу XVII в. окончательно в группу оброчного крестьянства, пользовались более широким правом отхода, чем остальные крестьяне; новоприходцы, разделившись на барщинных и оброчных крестьян, соответственно этому разделению сохранили или не сохранили ту степень зависимости от землевладельца, которой они пользовались раньше: новоприходцы.

¹⁶⁰ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 52 (о крестьянах Осташковской слободы). Именно таким термином обозначаются и 14 крестьян, поселившихся в с. Покрове (Юрьевский уезд) (там же, кн. 61, л. 931).

посаженные в барщинные села, были более скованы крепостническими порядками, чем новоприходцы-обручники. «Крестьянские дети», перейдя на путь оброчных отношений, сохранили за собой право выхода из сел и деревень на новые места жительства. Таким образом, категории крестьянства XVII в., о которых говорили, не остались неизменными на протяжении XVII в. Они испытали существенную эволюцию, которая в дальнейшем подвела эти категории к их исчезновению в период, когда признаки юридические все более и более уступали свое место признакам социально-экономическим и когда, слившись с оброчным или барщинным крестьянством, различные группы крестьянства утратили прежние специфические черты.

8. Причины и источники развития вотчинного хозяйства

Лишь теперь на основании изучения тенденций развития феодальной ренты и последствий этого развития для русской деревни XVII в. появляется возможность подойти к вопросу о том, за счет чего развивалось крупное феодальное хозяйство того времени, бурно увеличивало количество дворов, сохраняя в основном неизменно свою территорию: во-первых, это объяснялось стремлением патриаршей кафедры употребить личные средства на развитие хозяйства (эта тенденция вообще свойственна любому феодальному хозяйству); во-вторых — инициативой крестьянского населения вотчины, его стремлением вложить в освоение тех или иных участков земли или в другие виды хозяйства свой труд и свои средства. Используя труд крестьян, феодальная организация искала своих выгод, хищнически эксплуатируя крестьянство. Крестьяне стремились к выгодам для себя. В каком-то пункте эти глубоко противоречивые антагонистические интересы той и другой стороны расходились. Кафедра предоставляла крестьянам землю, ссуду; крестьяне начинали развивать в том или ином районе свое хозяйство с тем, чтобы со временем дать возможность феодалу увеличить за их счет размеры феодальной ренты. Далее интересы расходились, и степень классовой борьбы определяла дальнейшие пути развития крестьянских хозяйств, форму эксплуатации, степень зависимости крестьянства от феодального собственника, хотя здесь постоянно присутствовала и другая сторона дела: заинтересованность феодала в сохранении жизнеспособности (а точнее сказать — платежеспособности) и нормальном функционировании крестьянского хозяйства и,

как результат этого, компромиссные решения по отношению к крестьянству в целом ряде вопросов.

Лишь учитывая эти тесно переплетающиеся, единые и в то же время глубоко противоречивые тенденции, можно показать истинную картину развития, роста феодального хозяйства на том или ином отрезке времени.

Первые два десятилетия XVII в. патриаршая вотчина встретила в состоянии тяжелой хозяйственной разрухи, которая была характерна в то время (в силу серьезных внешних и внутренних потрясений конца XVI — начала XVII в.) для многих районов страны. Упадок хозяйства того периода отмечали многие историки¹. Отзвуки потрясений конца XVI — начала XVII в. слышатся в патриаршей вотчине в течение долгого времени. Это выражается и в количестве пустых и нищенствующих дворов, которых особенно много в первой четверти XVII в., и в появлении в пределах вотчины пустошей, возникших на местах прежних поселений, и в росте «поросшей лесом» пашни. Прекрасной иллюстрацией этого является хозяйственное состояние одного из крупнейших патриарших монастырей — Нижегородского Благовещенского или крупного подмосковного села кафедры — Троицкого-Сельца. В селах и деревнях Благовещенского монастыря количество пустых дворов достигало 50%, при посещении обложении документы упоминали сохи «в живущем и в пусте». Грамоты монастыря, идущие в центр, полны жалоб на «скудость» и «убожество»². В с. Троицком в 20-х годах упоминаются «лес пашенный», пашни «лесом поросло», перелог — в качестве преобладающих частей комплекса земельных угодий³. Подобные же факты отмечаются и для других частей вотчины. Однако начиная примерно с 20-х годов XVII в. налицо элементы хозяйственного оживления, но настоящий хозяйственный подъем вотчины обозначается с конца 30-х — начала 40-х годов XVII в.

Что касается патриаршей кафедры, то она в это время и позднее в течение всего века многое делала для раз-

¹ См., например: С. Б. Веселовский. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М., 1927, стр. 98, 104; Ю. В. Готье. Крестьяне в XVII столетии. М., 1911, стр. 15; он же. Замосковский край в XVII веке. М., 1937, стр. 128.

² ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1621, лл. 228 об.— 232 об., 345 об., 347.

³ ГИМ, Синодальные списки, № 1315.

вития своего хозяйства. Правда, ее усилия в основном касались районов, где сохранялась барская запашка, так как именно здесь ярче всего проявлялось стремление к улучшению, развитию своего хозяйства, продукция которого полностью принадлежала кафедре. От начала 40-х годов XVII в. до нас доходят сведения о расширяющихся покупках кафедры для нужд подмосковных сел. Покупаются орудия труда, рабочий скот⁴. Позднее, в 70—80-х годах, эта тенденция продолжается. Среди орудий труда мы видим топоры, кирки, тесла, сошники, долота, скобели, заступы, лопаты, косы, серпы, а также цепи, скобы, гвозди, железо, «всякие деревянные и железные запасы»⁵. От 90-х годов поступают сведения о покупке в подмосковные села леса, бревен, петель, крюков, кирпича, «железных припасов» и т. д.⁶ Все эти припасы шли в села Троицкое, Пушкино, Владыкино, Озерецкое, Игнатьевское, Дмитровское (Звенигородский уезд), Порецкое (Владимирский уезд), а в самих селах в это время слышится гул стройки. В Троицком сооружаются новые житницы, сараи, сушила, овины, избы для крестьян и клетки, «хоромы» для патриаршей администрации, скотные и воловьи дворы, идет постройка каменной плотины на местном пруду, сооружается каменная церковь⁷. В с. Пушкино также строятся «дворовые строения», «хоромы», покупается племенная скот, снаряжение для рыбной ловли, сооружается мельница «на новом пруде»⁸; «хоромы», скотный двор, «прудовая» плотина, погреба и т. д. сооружаются в с. Владыкине⁹. Подобные же факты отмечаются и для сел Игнатовского, Озерецкого, Дмитровского, Ильинского, Ославского, Богословского, Порецкого¹⁰.

⁴ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 22, лл. 381, 390.

⁵ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 320; кн. 57, лл. 262 об., 263, 341—341 об.

⁶ Там же, кн. 25, л. 385.

⁷ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 15, лл. 193, 202 об., 207, 708—708 об.; кн. 22, лл. 154, 169, 171, 275 об.; ф. 236, оп. 5, кн. 22, лл. 65, 109, 136, 308 об.; кн. 32, л. 189; кн. 57, лл. 270—271.

⁸ Там же, кн. 22, л. 390 об.; ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 440; кн. 25, лл. 426, 459; кн. 84, л. 158.

⁹ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 32, лл. 190, 192; кн. 57, лл. 335, 367.

¹⁰ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, лл. 186—186 об., 390 об.; ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 204 об.; кн. 84, л. 170 об.; кн. 57, лл. 273—275, 311 об.; кн. 58, л. 109 об.; кн. 25, лл. 323—325.

Однако сколько бы кафедра ни отпускала средств на развитие хозяйства, сколько бы ни осуществлялось покупок для нужд этого хозяйства, все это осталось бы втуне, не будь в вотчине заметного увеличения крестьянского населения. Именно крестьянским трудом растет и крепнет крупное вотчинное хозяйство, и феодальная организация прекрасно понимает это, всячески содействуя заселению своих земель. Кафедра выступает как организатор процесса заселения вотчины, крестьяне — как непосредственные исполнители. Интересы обеих сторон в этом процессе противоположны, и тем не менее достигается единство, так как обе стороны в данном случае заинтересованы друг в друге. В этой связи приведем документ, вышедший из стен патриаршего Нижегородского Благовещенского монастыря в конце XVI в. Монастырские власти жалуются кафедре на то, что «монастырь их скуден и впредь им монастырь и монастырских сел и деревень строити нечем и ссуды крестьянам новоприходцом давати нечем»¹¹. В этих строках заключается вся хозяйственная концепция феодала — простая и ясная — призвать на свои земли крестьян, поддержать их хозяйство при помощи ссуды и тем самым, эксплуатируя затем крестьянство, ликвидировать собственную «скудость».

Сведения о заселении владений кафедры начинают доходить от 1614/1615 г. В это время появляются новоселебные крестьяне в с. Пушкино, получившие от кафедры 33 руб. «для новой селидьбы»¹². В это же время отмечены ссуды крестьянам сел Горицы и Стоянец (Кашинский уезд), которые «от литовского перваго разорения пришли с лесов к Москве»¹³. Позднее процесс заселения вотчины продолжается, причем формы его самые различные: по крестьянскому челобитию (1665 г.) во владениях вотчины в с. Пушкино садятся «в пустовые крестьянские дворы» крестьяне стольника князя М. Львова, получившие от кафедры ссуду зерном¹⁴. Среди новоселебных мы видим и беглых крестьян: в Белозерском уезде Череповецкой волости, в с. Косинском (Дмитровский уезд), Багачевской волости, Спасской волости (Нижегородский

¹¹ ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1621, л. 346 об.

¹² ЦГАДА, ф. 396, столбцы, № 48677, л. 14.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 26, л. 2 об.

уезд), в Осташковской слободе¹⁵ и др. Значительную часть новоселебных крестьян со стороны составляют так называемые «окупленные люди». «Окуп» — по существу прикрытая форма покупки крестьян без земли. Феодальная организация выкупала поступные холопские записи у других владельцев и, таким образом, приобретала права на выкупленных людей¹⁶. Они сажались во владениях вотчины и становились обычными крестьянами, должными кафедре значительные денежные суммы. Лишь в этом случае мы можем говорить о том, что долг служил здесь средством закабаления, но и здесь много условного. Обычно крестьяне обязывались заплатить «окупные» суммы в определенное количество лет, правда, как правило, нарушали эти сроки. И действительно, как они могли покрыть, скажем, сумму в 91 руб. за 5 лет, которую обязаны были выплатить кафедре «окупленные» крестьяне с Ильинского Б. и К. Карповы? Любопытно, что кафедра приняла решение в данном случае «имать» с них те «заемные деньги» «по три рубля с человека в год», т. е. вопреки сделочной записи, где указывался срок в пять лет, теперь практически он растягивался на 15 лет. Мы не убеждены, что и в 15 лет крестьяне могли покрыть эту сумму. Во всяком случае, от 70—90-х годов в приходо-расходных книгах дошло значительное количество записей о деньгах, отпущенных на «окуп»¹⁷, но лишь единожды встречается упоминание о том, что крестьянин выплачивал этот свой долг. Видимо, и кафедра и «окупленные люди» отлично сознавали в какой-то степени эфемерность этого долга, который по сути представлял плату за крестьянские рабочие руки.

До сих пор речь шла о крестьянах, появившихся во владениях патриаршей вотчины со стороны, но это был лишь один источник увеличения крестьянского населения, другой — представлял собой заселение отдельных частей вотчины за счет собственно вотчинных людских ресурсов. Выше в разделе о категориях крестьянства в пат-

¹⁵ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 251 об.; кн. 58, лл. 69 об., 76 об., 84 об.; ф. 235, оп. 2, кн. 22, л. 191 об.

¹⁶ Подробно см. об этом: Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории крестьянства XV в.— «Проблемы историко-социологии», т. IV, стр. 317.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 36 об.; кн. 25, лл. 45, 55, 56, 59, 62, 65 (приведенный случай), 70 об., 196, 238, 248, 482 об., 483, 523.

риаршей вотчине, касаясь новоселебных крестьян, мы подробно разбирали отдельные виды этих крестьян. Здесь же нам хочется обратить внимание не на социально-экономическую характеристику этой категории, а на некоторые характерные черты, сопутствовавшие как добровольному переходу крестьян на новые участки земли, так и насильственному их перемещению. Имеются в виду прежде всего широкие, массовые масштабы помощи крестьянству в форме денежных ссуд и ссуд зерном на развитие своего хозяйства. Особенно в большой степени это касается сел, где была распространена барщина, где велика была барская запашка, — села Троицкое-Сельцы, Пушкино, Игнатовское, Владыкино, Хлябово, Топорково, Ильинское, Бродницы (последнее до 70—80-х годов XVII в.). Во всех этих случаях ясно видно, как заинтересованная в привлечении крестьян в развивающиеся части вотчины, в становлении крестьянского хозяйства кафедра расходует значительные средства на поддержку крестьянских хозяйств, что практически обеспечивает ей дополнительные рабочие руки в барщинных владениях и добавочное поступление денежного оброка из районов, уплачивающих феодальную денежную ренту. И эти ссуды, размеры которых мизерны (1—2 руб. или 2—3 четв. зерна), конечно, не могли явиться средством закрепощения, усиления зависимости, о котором говорят некоторые историки.

Так, М. А. Дьяконов, совершенно правильно отметил факт выдачи «подмоги или ссуды без условия о возврате или с таким условием, но когда *de facto* крестьянин не возвращал ее», в то же время сделал весьма ответственный, но не во всем правомерный вывод: это «послужило поводом к тому, что и землевладельцы и правительство стали смотреть на крестьянские животы не как на собственное крестьянское имущество, а как на имущественную массу, из которой при известных условиях могли быть покрываемы личные долги землевладельцев»¹⁸. Эта односторонняя оценка перешла затем и в советскую историографию. Наиболее полно данная точка зрения была выражена в «Очерках истории СССР», где утверждается, что «постоянная практика хлебных ссуд была

¹⁸ М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 125.

следствием крайнего истощения платежных сил крестьян непомерной эксплуатацией»¹⁹. На наш взгляд, сказать о «страданиях» крестьянства, связанных с тем, что крестьяне получали от землевладельца деньги или зерно,— дело нетрудное. А в жизни было так: крестьянин получал деньги и хлеб. Иногда он их отдавал, чаще всего помощь была безвозмездной. Было ли это вредным для крестьянского хозяйства? С одной стороны, да, так как связывало крестьян обязательством. Вместе с тем нам думается, что если бы крестьянам долго и упорно объяснять, насколько вреден, пагубен для них был тот или иной заем деньгами или хлебом, то они все же продолжали бы брать эти ссуды, видя в этом не только опасность закрепощения, но и реальное увеличение их собственных средств. Более правильно, по нашему мнению, подходит к решению этого вопроса Л. В. Черепнин, указывая на кредитование крестьян феодальным собственником не только как на средство экономического закабаления, но и развития барщинного хозяйства²⁰. Однако отдельные замечания на этот счет не получили у этого исследователя дальнейшего развития. Оценка ссуд и других видов помощи крестьянам лишь с позиций усиления закрепощения крестьян, лишь как отражение ухудшающегося положения крестьянства неполностью отражает марксистское понимание феодальных общественных отношений как отношений, полных диалектических противоречий, борьбы сил, связанных в единое хозяйственное целое, затрудняет понимание взрывной силы классовой борьбы, зарождавшейся как проявление противоречий в рамках этого единства.

Подобные взаимоотношения феодальной организации с крестьянством распространяются не только на сферу политики в отношении новоселебных крестьян. Они свойственны политике феодальной организации в отношении крестьян вообще. На протяжении всего XVII в.

¹⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 182. Эта же точка зрения отражена и в работе Л. С. Прокофьевой, где пишется что рост задолженности по заемным кабалам необходимо рассматривать как проявление ухудшения положения крестьян («Вотчинное хозяйство в XVII в.». М.—Л., 1959, стр. 106—109).

²⁰ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 327; он же. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 242, 244.

до нас доходят многочисленные случаи хлебных и денежных ссуд крестьянам со стороны кафедр. И эти факты говорят не только о бедности и маломощности крестьянских хозяйств, но и о той противоречивой политике кафедры в отношении крестьян, суть которой заключалась, с одной стороны, в их эксплуатации, а с другой, в постоянном «подкармливании», поддержке. Учет этих противоречивых тенденций, на наш взгляд, может лишь глубже, всесторонне объяснить сущность антагонистического характера феодальных производственных отношений.

Для патриаршей вотчины, как, по-видимому, и для других крупных, располагающих средствами феодальных хозяйств, кредитование крестьян было делом весьма распространенным. Другой стороной этого же явления было послабление от тягла, льготы. В этой связи большой интерес вызывает указ, изданный после того, как в 1691 г. управители подали патриарху доклад о причинах оскудения крестьянских хозяйств в пределах вотчины (среди них в качестве основной упоминаются «многие взятки» администрации). В указе, в частности, говорится: «А какова упадка учинилась, в которой вотчине какое разорение, хлебной недород или скотинной падеж или пожарное разорение учинилось, в том году взять с них (т. е. крестьян.— А. С.) доход в половина, а другая к платежу развить погодно, как им в мочь в настоящиими доходы тое развитьную доимку выплачивать». Другими словами — крестьянам предлагалось дать льготу. А вот и общее обоснование всей этой «филантропии» — «чтоб был впредь тяглец»²¹. В этих словах — смысл всей помощи, оказываемой кафедрой крестьянам своей вотчины — тяглецам.

Ссуды крестьянам деньгами и зерном были обычным делом и в отношении тех, кто постоянно живет и хозяйствует на одном месте. Уже в 1614/1615 г. из казны патриарха было дано «на ссуду на семена» крестьянам 51 руб.²² Затем в течение всего века эти сведения доходят регулярно из многих владений кафедры. Причем в приходо-расходных книгах появляется своеобразный формуляр: деньги и хлеб, розданные в долг крестьянам, записывались в расходную часть книг под рубрикой

²¹ ГИМ, Синодальные списки, № 1409.

²² ЦГАДА, ф. 396, столбцы, № 48677, л. 11.

«роздачи такого-то года», что указывает на традиционность, привычность этой меры поддержки крестьянского хозяйства.

Денежные ссуды продолжаютсЯ годы и далее вплоть до конца века. Они называются по-разному: «ссудные заемные деньги», «розданные в долг деньги». Сумма этих займов обычно 1—2 руб. Оформляются они либо памятми, либо долговыми кабалами, либо даются «бескабально». Во всех случаях необходимым условием займа является челобитье крестьянина. Сроки займов различны. Обычно — год-два²³. Крестьяне берут деньги «на строение», «на избы», «ради пожарного разорения»²⁴ и т. д., а также на различные покупки (лошадей, коров), от которых зависит уровень их благосостояния²⁵. Кафедра нередко дает деньги в долг крестьянам на уплату различных государственных налогов или сама вносит за них эти деньги, записывая их в книги в качестве долга²⁶.

Кто чаще всего обращался к кафедре за «заемными деньгами»? Конечно, крестьяне, чей хозяйственный потенциал являлся явно недостаточным не только для того, чтобы быть исправными тяглецами, но и для того, чтобы поддерживать на необходимом для существования уровне свое хозяйство. Весьма часто аргументацией как челобитий, так и указов патриархов о займе выступают такие определения: «для скудости», «скудным крестьянам взаимы», «на мирскую перехватку» «до нового урожая»²⁷.

Аналогичную картину можно видеть и с займами хлебом²⁸. Причем среди должников, как правило, скуд-

²³ См. ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кп. 15, лл. 148, 149, 169, 171, 171 об., 543 об., 546—546 об.; кп. 48, л. 273; кн. 10, лл. 69 об., 72, 73 об., 75—76, 201 об. и др.; кн. 72, л. 196; кн. 22, лл. 183—183 об., 186 об., 207 об.; ф. 236, оп. 5, кн. 69, л. 18; кн. 57, лл. 38 об.—40.

²⁴ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, лл. 162—162 об., 173; кн. 72, л. 196; ф. 236, оп. 5, кп. 69, л. 15 об.

²⁵ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 22, лл. 165 об., 181, 207 об., 208—210; кн. 34, л. 245 об.; ф. 236, оп. 5, кн. 32, л. 51; кн. 94, л. 12 и др.

²⁶ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 10, л. 92 об.; кн. 22, лл. 190 об., 191; кн. 72, лл. 198 об., 200—200 об., 201; ф. 236, оп. 5, кп. 40, лл. 101—102 об.; кн. 63, л. 78 и др.

²⁷ Там же, кн. 22, л. 168; ф. 236, оп. 5, кп. 61, лл. 157, 310 об.

²⁸ См. по с. Троицкому — там же, ф. 236, оп. 5, кн. 15, л. 11 об.; кн. 61, лл. 206 об., 320 об., 327; по с. Пушкину — там же, кн. 66, л. 345; по с. Сеславскому — там же, кн. 58, л. 98; по с. Дмитропскому — там же, кн. 61, л. 354 об.; по с. Ярымову — там же, кп. 66, л. 57, по с. Озерскому — там же, кн. 15, л. 225; кн. 61, л. 1009;

ные крестьяне — и не один-два, а десятки человек (как это видно на примере Ярымовской волости²⁹), да и сами размеры займов по селам — десятки и сотни четвертей хлеба, — практикующиеся в течение долгих лет в одних и тех же районах, — указывает на широкий контингент бедных крестьян, вынужденных обращаться за поддержкой к кафедре. Справедливости ради следует оговориться, что не все жалобы, выраженные в крестьянских челобитьях, нужно принимать за чистую монету. Порой крестьянство пыталось, пользуясь благоприятной возможностью, просто урвать у кафедры лишний рубль, лишнюю четверть хлеба без надлежащих (по тогдашним понятиям) экономических обоснований, и феодальная организация, зная это, предупреждала своих управителей «досматривать и сыскивать», действительно ли крестьяне нуждаются в помощи³⁰.

Конечно, широкие масштабы займов говорят о маломощности крестьянских хозяйств, об их бедности, а долговые кабалы, памяти «за поруками», несомненно, указывают на более сильную степень зависимости крестьян от феодального собственника, чем прежде. Но нельзя абсолютизировать эти моменты. Иногда долг, сделанный сроком на год-два, тянулся в недоимках по 15—20 лет, переходил от отца к сыну. И хотя хлеб и деньги по заемным памятям поступали обратно к кафедре, но весьма лениво, и это говорит не столько о бедности крестьянских хозяйств, сколько о нежелании крестьян вернуть долг своему господину. Очень редко в книгах попадают данные о том, что «заемной хлеб весь сполна выбран»³¹. Часто в приходных статьях имеются записи о том, что срок долга (денежного и хлебного) прошел³², а еще чаще статьи долга просто переходят из одной приходо-расходной книги в другую, фигурируя под рубрикой «доимки». Комментарии при этом отсутствуют, что ясно

ф. 235, оп. 2, кн. 61, л. 137—137 об.; по Спасской волости (Нижегородский уезд) — ф. 236, оп. 5, кн. 61, лл. 306—309 об.; по с. Владыкину — там же, кн. 61, лл. 57 об., 180, 184, 188 об., 330; по с. Игнатовскому — там же, кн. 15, лл. 126—129 об., 217 об., 225; кн. 22, л. 340; по юрьевским селам — там же, кн. 15, л. 225.

²⁹ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 66, л. 57.

³⁰ Там же, кп. 16, л. 178.

³¹ Там же, кн. 50, л. 452; кн. 40, л. 206 об.

³² Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 10, лл. 68 об., 69, 200; кн. 72, лл. 168,

указывает на отсутствие здесь какого-нибудь движения. Правда, иногда, когда сботаж с уплатой долга принимает затяжной или злонамеренный характер, кафедра разражается угрозами и приказывает своей администрации «доправить хлеб без пощады»³³, однако эти случаи единичны, зато факты длительных, практически бессрочных ссуд становятся почти традиционными.

И, наконец, еще замечание (*Last but not least*). По нашим источникам видно, что подобные взаимоотношения феодальной организации с крестьянами особенно выпукло прослеживаются по тем владениям, где в качестве основной формы феодальной ренты выступает барщина (подмосковные вотчины, села Дмитровское, Игнатовское, а также некоторые другие села до их перехода на оброк — т. е. до 80-х годов XVII в.). Это как бы лишней раз подчеркивает, что, во-первых, наиболее тяжелым являлось положение именно барщинных крестьян, среди которых было особенно большое количество скудных, «осмачников», а, во-вторых, что именно эти районы с барской запашкой, обрабатываемой крестьянами, с другими частями феодального хозяйства (мельницы, сенокосы, рыбные ловли, житницы, скотные дворы, сады, огороды и др.) пользуются наибольшим вниманием и поддержкой со стороны феодальной организации. Получается, что именно здесь наиболее ярко обозначаются сила феодального гнета и все противоречия, свойственные хозяйству крестьянина и феодала, соединенных в едином хозяйственном комплексе. Именно отсюда возникают истоки той борьбы, которая в дальнейшем разрушает самую сущность этих отношений.

Несомненно, что политика патриаршей кафедры, направляемая на развитие своих барщинных владений (в форме личной хозяйственной инициативы, поддержки крестьянского хозяйства, содействия переселениям — добровольным и насильственным), а также широкая поддержка движения новоселебных крестьян, сдвинутых на оброк в различных частях вотчины, — все это способствовало, если не увеличению размеров самой вотчины, то увеличению ее населения, развитию хозяйства.

³³ См., например: ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, лл. 363, 366; ф. 235, оп. 2, кн. 72, л. 191.

Говоря о росте населения в патриарших владениях, о развитии хозяйства, хочется попутно остановиться на двух вопросах: о значении «внутренней» колонизации и о развитии форм поселений в XVII в.

Под «внутренней» колонизацией мы понимаем освоение земельных массивов в «исконных» районах — уездах Московском, Владимирском, Юрьевском, Звенигородском, Дмитровском, Ростовском и некоторых других. На эту «колонизацию» неоднократно обращалось внимание как в работах буржуазных ученых, увлеченных вообще мотивами широкого колонизационного движения русского крестьянства и не только на юг, юго-восток, север и северо-восток, но и в центре страны, так и в советской историографии. На заселение южной окраины Московского государства как на основное содержание истории сельского хозяйства этого района указал И. Н. Миклашевский³⁴. О развитии частновладельческой колонизации, тесно связанной с усилившимся закрепощением крестьян, писал Ю. В. Готье. По его мнению, эта колонизация носила характер принудительного переселения холопов, крестьян, бобылей из одного имения в другое по усмотрению владельца³⁵.

Позднее исследователи, касающиеся вопросов колонизации, совершенно справедливо рассматривали этот процесс в двух аспектах: речь шла как о «внешней» колонизации, т. е. о движении из центра на окраины, так и о «внутренней». В. К. Яцунский считал, что экономический рост в XVII в. обозначился лишь с середины 80-х годов, чему способствовала колонизация черноземных пространств, а также приток пушных богатств Сибири³⁶.

В таком же духе рассматривали этот вопрос авторы «Очерков истории СССР», полагая, что развитие производительных сил в области сельского хозяйства в XVII в. было достигнуто «не столько за счет интенсификации землевладения, сколько за счет распространения его на

³⁴ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894, стр. 5.

³⁵ См. Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 174—175.

³⁶ В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России. — «История СССР», 1958, № 5, стр. 66.

новые территории»³⁷. Л. В. Черепнин в применении к более раннему времени (XV в.) связывал сдвиги в развитии производительных сил с освоением новых и заброшенных земель в старых районах. Формы новых поселений он в свою очередь связывал с различными категориями крестьянства³⁸.

Не отрицая в принципе ни одного из высказанных положений, нам хочется обратить внимание на другое. При анализе процессов как «внешней», так и «внутренней» колонизации акцент делается в основном на проблемы развития крестьянского закрепощения. Наступление крепостного права гнало крестьян на окраины страны, крепостное же право позволяло частным владельцам осуществлять и «внутреннюю» колонизацию, переводя крестьян из одного владения в другое, распределяя рабочие руки в пределах своих вотчин в соответствии с собственными хозяйственными интересами. Ну, а где же были в это время сами крестьяне? Какое участие они-то принимали во всех этих процессах, и не ведет ли забвение тенденций самих крестьянских хозяйств в процессе колонизационного движения к известному преувеличению роли феодального собственника в определении экономического развития русской деревни?

Анализ материалов патриаршего землевладения и хозяйства показывает, что дело было гораздо сложнее, что в процессе освоения новых земель в «старых» районах, возвращения к жизни заброшенных некогда участков инициатива крестьянства играла такую же роль, как и инициатива феодала. Конечно, были и насильственные переселения крестьян в барщинные села, и сопротивление этим переселениям, но существовал и другой поток, направляемый уже не рукой феодала, а объективными экономическими стимулами, — стремлением крестьянства выйти из барщинных сел на новые, осваиваемые земли, на льготу, позднее на оброк и развивать свое хозяйство уже в новых условиях оброчных отношений с феодальным собственником. Нам представляется эта роль оброчного крестьянства XVII в. весьма важной в развитии производительных сил в сельском хозяйстве «старых» русских уездов, в освоении

³⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 33.

³⁸ См. Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в., стр. 335—336.

новых земель, распашки заброшенных участков. Таким образом, если барщинные села росли за счет усилий и инициативы в основном феодальной организации, а оброчные владения — за счет притока сюда крестьян, ищущих выгоды в сфере оброчных отношений, в сфере промыслов, ремесла, торговли, то развитие хозяйства на новых участках происходило при активном содействии обеих этих сил — феодальной организации и крестьянства, стремящегося к освоению новых земель с целью не только выйти из барщинных сел, но и в рамках новых, более выгодных оброчных отношений развить собственное хозяйство.

Нам представляется, что в тесной связи с этими тенденциями находится и эволюция форм поселений в XVII в. Для XIV—XVI вв. в условиях значительной натурализации хозяйства, слабых рыночных связей основной формой поселений являлись, как указывал подробно исследовавший этот вопрос С. Б. Веселовский, деревни в 1, 2, 3 двора — редко большие и небольшие села³⁹, не превышающие «среднюю деревню XVII—XIX вв. тех же районов»⁴⁰. Вместе с тем С. Б. Веселовский отметил факт укрупнения селений в XVI в., который он объясняет стремлением феодалов к более рациональному использованию земли, нуждами владельческих хозяйств в пашне⁴¹.

На процесс укрупнения селений, превращения в XVII в. починков, деревень в крупные села указал применительно к XVII в. И. Н. Миклашевский. Правда, он брал при этом ограниченную территорию — лишь Воронежский уезд⁴². Одновременно исследователи отметили и существенную разницу между типом поселений в XIV—XVI вв. и в XVII в. «Деревня XIV—XVI вв. имела другой вид, чем деревня XVII—XIX вв.», — писал С. Б. Веселовский⁴³. В. О. Ключевский говорит о неизменной форме поселений до конца XVII в., причем наиболее характерным видом этих поселений считает деревни в 1—2 крестьянских двора, а изменение этой формы относит уже к более позднему времени (XVIII в. и далее)⁴⁴. Определяющим моментом в форме поселений до конца XVII в. В. О. Ключевский

³⁹ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 78.

⁴⁰ Там же, стр. 22.

⁴¹ Там же, стр. 143.

⁴² И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 117.

⁴³ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 12.

⁴⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1. М., 1956, стр. 309.

считал особенности природных условий: лоса, болота, островки удобной земли на севере. Среди всех этих замечаний и характеристик много интересных наблюдений. Однако вызывают сомнение два основных положения: во-первых, стремление приписать укрупнение владений лишь действию феодалов (С. Б. Веселовский), во-вторых, говоря об эволюции форм поселений до XVII в., представлять поселения с XVII по XIX в. как нечто застывшее, раз и навсегда данное. Наконец вызывает неудовлетворение и отсутствие попыток объяснить характер поселений XVII в.

Не претендуя на исчерпывающее освещение этих проблем, мы попытаемся лишь наметить основные пути их решения.

XVII век русские сельские местности встретили в обстановке разрухи, голода; люди бежали «нивесть куда», села и деревни оказывались «в пусте», церкви стояли «без пения». Именно в это время на русские земли, оказавшиеся в орбите сильных социальных потрясений, иностранной интервенции, надвинулась очередная волна экономического упадка, волна, которая периодически накрывала территорию Северо-Восточной Руси на протяжении многих веков. Можно, конечно, пытаться обозначить в тот или иной период русской феодальной истории отдельные периоды экономического подъема, а затем следовавшие за ним по тем или иным причинам (войны, междоусобицы, опричнина, потрясения крестьянской войны начала XVII в. и т. д.) периоды упадка.

С одной стороны, кажется, что это вполне правомерно, но вместе с тем такой подход к вопросу может породить иллюзию, будто в условиях феодального строя в общем-то возможно развитие экономики без подобных катастрофических упадков. Действительно, не будь войн XVI—XVII вв., опричнины, крестьянской войны под руководством И. И. Болотникова, может быть, не было бы тех экономических бурь, которые потрясли Русское государство в конце XVI—начале XVII в. Нам кажется, что подобные иллюзии, которые неизменно возникают при объяснении экономических кризисов периода феодализма лишь подобными внешними (важными, значительными, но все-таки сопутствующими) моментами, вряд ли имеют право на жизнь. Если мы взглянем на историю России периода феодализма в целом, в перспективе, то увидим, что менялись причины, приводя-

щие к экономическим кризисам, но содержание их, типичность для всех периодов русской истории феодальной эпохи оставались неизменными. По-видимому, глубокие, исходные причины этих кризисов следует искать не во внешних моментах, которые на данном этапе могли быть, но могли и не быть, а во внутреннем развитии хозяйства феодала и хозяйства крестьянина, в глубоком антагонизме между ними, который постоянно держал в напряжении слабое феодальное хозяйство в целом; специфику этих кризисов в каждом отдельном случае следут искать в особенностях экономического строя этих хозяйств (натуральное хозяйство, простое товарное хозяйство и т. д.), в особенностях формы эксплуатации крестьянства, в степени остроты и размахе классовой борьбы крестьян за свои «повседневные», «будничные» интересы. Но это лишь сопутствующие замечания.

Как отмечали многие исследователи, с 20-х годов XVII в. начинается оживление экономической жизни страны. Восстанавливаются села и деревни, ощущается приток населения в сельские местности. Этот процесс прослеживается и в патриарших владениях. Одновременно с восстановлением хозяйства, не выдержавшего потрясений конца XVI — начала XVII в., с 30—40-х годов XVII в. происходит возникновение новых селений. В процессе этого развития, под влиянием общих социально-экономических сдвигов в стране, происходит разделение крестьян на оброчных, барщинных, барщинно-оброчных, в связи с этим углубляется социальное расслоение крестьянства.

Как и в более ранний период времени, деревня является основной формой поселения во вновь осваиваемых районах. Однако по сравнению с XIV—XV вв. и даже с XVI в. в форме этого поселения мы видим нечто новое. Это новое выступает прежде всего в увеличившемся количестве дворов русских деревень. Уже в первой четверти XVII в. мы видим во владениях кафедры деревни с 10—15 крестьянскими дворами⁴⁵. Правда, это не новые поселения, а те, что остались еще от XVI в., как бы подтвердив вывод С. Б. Веселовского об укрупнении владений с конца XVI в. От 40-х годов доходят сведения об отдельных крупных деревнях — дер. Сельна (Каширский уезд), насчитывающая по переписным книгам 1645/1646 г. 62 двора⁴⁶, дер. Головачеве

⁴⁵ ГБЛ, ф. Беляева, кн. 1621, лл. 20 об., 97 об.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 15.

в Баглачевской волости — несколько десятков дворов, дер. Кабаново в Сенезжской волости — также несколько десятков дворов⁴⁷. Есть сведения и об устройстве новых деревень, крестьяне которых садились на льготу⁴⁸. Больше оснований для суждений на этот счет имеется относительно периода 40—90-х годов XVII в.

Согласно переписи 1645/1646 г. в составе обширных патриарших вотчин еще нет тех многочисленных крупных деревень, которые фигурируют в составе патриарших владений в конце века. Причем вполне определенно можно сказать, что большинство из них — именно новые поселения, появившиеся в период между переписью середины века и 90-ми годами (почти все случаи появления подобных владений в составе вотчины путем покупки, обмена, приписки нами учтены). Две характерные черты определяют эти новые деревни: во-первых, резко выросшее в них количество дворов по сравнению с деревнями XVI в.; во-вторых, оброчный характер отношений жителей этих деревень с феодальной организацией. Причем наблюдается это не в одном-двух уездах, а почти во всех владениях кафедры. Так, приходо-расходные книги упоминают в Московском уезде в 80—90-е годы дер. Жулебино, платящую оброк патриаршей кафедре⁴⁹, во второй половине XVII в. дер. Постниково (24 двора) уплачивала кафедре денежный и натуральный оброк⁵⁰. В этом же уезде в 70-х годах находились деревни Петраково (11 дворов) и Горки (8 дворов)⁵¹, а в 90-е годы упоминаются деревни Савелково и Петрищево (17 дворов), платящие оброк 50 руб. в год⁵². Причем указывается, что «домовую пашню и санными покосами владеть им крестьянам»⁵³. Эти деревни, как видим, вышли из состава барщинных владений и стали оброчными. Величина оброка указывает на значительные размеры поселений.

Во Владимирском уезде от 80—90-х годов доходят сведения об оброчных деревнях Корякине (7 дворов, сумма оброка — 14 руб. в год)⁵⁴, Варламов Починок (11 дворов,

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 15.

⁴⁸ Там же, кн. 9, л. 135 об.

⁴⁹ Там же, кн. 25, л. 35 об.

⁵⁰ Там же, кн. 36, л. 16.

⁵¹ ГИМ, Синодальные списки, № 1315.

⁵² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 25, л. 173 об.; кн 36, л. 52 об.

⁵³ Там же, кн. 63, л. 143.

⁵⁴ Там же, кн. 36, л. 95.

сумма оброка — 11 руб.)⁵⁵, Секгу Озеро (5 дворов, сумма оброка — 10 руб.)⁵⁶; заметим, что эта деревня упоминается как новоселская уже в 70-х годах: тогда сумма оброка с ее жителей равнялась 5 руб.)⁵⁷, Овсяниково (10 дворов), Коровья Лука (31 двор), Сельцо (18 дворов), Фалеева (2 двора), Пахирево (4 двора), Хохлово (6 дворов); причем в документах указано, что во всех этих деревнях наличие увеличилось дворов от 2 до 20⁵⁸. Хотя конкретных данных о том, что все эти деревни были на оброке, нет, их упоминание в разделе книги, посвященной записи прихода оброчных денег, указывает на характер отношений их жителей с феодальной организацией: это оброчные отношения.

Здесь же находились деревни Белково (64 двора, платящая оброк в 100 руб. в год)⁵⁹, Суромна, принадлежащая патриаршему Царевоконстантиновскому монастырю (в ней было 32 крестьянских двора, монастырский двор, сарай, скотный двор, житница)⁶⁰, Яновец (25 дворов, упоминающаяся как новая, «льготная», оброчная деревня уже в 1643/1644 г., а в 70-е годы платящая 50 руб. оброка за все виды барщинных работ и натуральные оброки)⁶¹.

В Галичском уезде находилась дер. Курилов Починок, принадлежащая патриаршему Унорожскому монастырю (в ней насчитывалось 188 дворов, сумма оброка равнялась 15 руб.)⁶².

В Коломенском уезде кафедре принадлежала дер. Аргуново (40 дворов, сумма денежного оброка — 20 руб.; ее жители также уплачивали и хлебный оброк)⁶³.

В Муромском уезде находилась дер. Волчиха (22 двора), крестьяне которой к концу века перешли от барщинных повинностей к оброчным; они должны были платить кафедре 40 руб.⁶⁴

В Нижегородском уезде кафедре во второй половине XVII в. принадлежали деревни Верхние Работки (7 дво-

⁵⁵ Там же, кн. 60, лл. 33, 91, 131.

⁵⁶ Там же, лл. 12, 205.

⁵⁷ Там же, кн. 32, л. 84.

⁵⁸ Там же, кн. 54, лл. 51, 195 об., 198, 199 об., 201, 202, 202 об.

⁵⁹ Там же, кн. 25, л. 278; кн. 60, л. 6 об.; кн. 84, л. 393 об.

⁶⁰ Там же, кн. 33, лл. 76 об., 78 об.

⁶¹ Там же, кн. 9, л. 133; кн. 32, л. 79; кн. 36, л. 94.

⁶² Там же, кн. 60, л. 123; кн. 29, л. 58; кн. 25, л. 148.

⁶³ Там же, кн. 25, л. 167; кн. 60, л. 15.

⁶⁴ Там же, кн. 16, л. 718; кн. 60, л. 37; кн. 25, л. 141; кн. 36, л. 107.

ров, сумма оброка — 7 руб. 16 алт. 4 деньги)⁶⁵, а также Лавровка (18 дворов) и Соколица (15 дворов), уплачивающие кафедре 60 руб. оброчных денег⁶⁶.

В Тульском уезде деревни Бурдукова и Страхова уплачивали кафедре по 25 руб. оброчных денег каждая⁶⁷.

В Можайском уезде кафедре принадлежали деревни Лебедка (7 дворов, сумма оброка — 4 руб.; в дальнейшем была отписана к дворцовым землям)⁶⁸, Поповка (3 двора, сумма оброка — 1,5 руб.)⁶⁹, Бурково (5 дворов, сумма оброка — 3 руб. 2 алт. 3 деньги)⁷⁰.

Вполне допустимо, что были деревни и меньших размеров; возможно, что именно они имеются в виду, когда источник говорит, что к тому или иному селу «тянули» деревни, но для нас важно определить тенденцию развития подобного рода поселения, и здесь деревни, еще не известные в первой половине века и ставшие крупными поселениями к концу века, представляют несомненный интерес. Конечно они не явились сразу же в том составе дворов, как отмечены в документах конца века, но есть все основания говорить, что начинали они свою жизнь не с одного-трех дворов, как в XIV—XV вв., и не с укрупнения селений владельцами, как это отмечал С. Б. Веселовский для XVI в., а ставились сразу же по 5—7 дворов и в дальнейшем прогрессировали за счет притока населения извне. Прекрасным образцом в этом отношении может служить заселение уже знакомых нам Павловской и Покровской пустошей в Переяславском уезде. Новоселебные деревни начали возникать здесь на рубеже 70—80-х годов. Количество дворов в этих деревнях было: 3, 4, 6, 6, 6, 6, 6, 10, 10, 11, 14⁷¹. Как видим, среднее количество дворов в деревне равнялось 7,4. Лишь одна деревня насчитывала 3 двора, напоминая о раннем периоде таких поселений, остальные с момента своего возникновения были гораздо больше. Все эти деревни были на денежном оброке, уплачивая в общей сложности с 82 дворов кафедре 200 руб.⁷²

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 236. оп. 5. кн. 32, л. 109; кн. 57, л. 201 об.; кн. 25, л. 127.

⁶⁶ Там же, кн. 32, л. 108 об.; кн. 25, л. 146.

⁶⁷ Там же, кн. 25, л. 151.

⁶⁸ Там же, кн. 60, л. 36 об.

⁶⁹ Там же, л. 30.

⁷⁰ Там же, л. 102; кн. 57, л. 203 об.; кн. 25, л. 150.

⁷¹ Там же, кн. 90, лл. 324—329.

⁷² Там же, л. 271 об.

Чем же объяснялись эти новые тенденции в развитии русской деревни как формы поселения в XVII в.? На наш взгляд, определяющим является изменение формы эксплуатации крестьян, выполнение жителями деревень в основном оброчных повинностей, среди которых преобладал денежный оброк. Еще С. Б. Веселовский замечал, что тенденция крестьян селиться мелкими деревнями во многом объяснялась тем, что они пользовались в этом случае наибольшей свободой хозяйственного выбора⁷³. В условиях натурального хозяйства, широкого развития отработочной и натуральной ренты по-иному и не могло быть. Та же тенденция к хозяйственной свободе проявлялась и в XVII в., однако в условиях складывания всероссийского рынка, развития денежной формы обложения она приводила к тому, что крестьянство начинало ценить и соотносить действительную выгоду оброчных денежных отношений по сравнению с барщиной.

Почти все деревни, появившиеся в вотчине во второй половине XVI в. и ставшие самостоятельными тяглыми единицами, «сидели» на денежном оброке. Большое значение для развития инициативы крестьян имели и льготы, которые предоставляла им феодальная организация для развития хозяйства. Так, льготами в уплате денежного оброка пользовались крестьяне Павловской и Покровской волостей Переяславского уезда⁷⁴, долгое время были обложены тяглом деревни Савелково и Пстрицево⁷⁵, Варламов Починок⁷⁶, Яновец⁷⁷, Корякино⁷⁸ и др.

Наконец примечательны занятия жителей деревень XVII в. Конечно, основным их занятием являлось земледелие (только в более широких масштабах, чем в XIV—XVI вв.), но крестьяне уже выходят из этих традиционных рамок: налицо — отходничество на промыслы, предпринимательская деятельность, развитие арендных операций. Сохранились сведения о том, что крестьяне деревень Вятской волости рядились на работу в Москву в качестве ка-

⁷³ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 31.

⁷⁴ В 1698/1699 г. они, например, заплатили из 200 руб. лишь 150 руб. «а в остальных деньгах до подлинного верстания и для расчистки лесу дать им льготы и сроку» (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 90, л. 272 об.).

⁷⁵ Там же, кн. 36, л. 52 об.

⁷⁶ Там же, л. 94 об.

⁷⁷ Там же, кн. 9, л. 133.

⁷⁸ Там же, кн. 36, л. 95.

менщиков; из дер. Насоновой вышли даже «каменных дел подрядчики», заключавшие «ряды» до 50 руб.⁷⁹ Среди жителей деревень появились откупщики вроде Я. Кондратьева из дер. Подтычевой Карашской волости Ростовского уезда⁸⁰ или М. Исаева из дер. Гридиной Вятской волости Костромского уезда⁸¹. Первый держал на откупе таможенный сбор со всей Карашской волости, второй — занимался откупными операциями, связанными с арендой рыбных ловель. О появлении среди жителей деревень состоятельных людей указывает упоминание о А. Федосееве из дер. Офонасовой (Вятская волость), в доме которого были крепости, купчие записи, кабалы, духовные памяти⁸². Жители деревень включаются в арендную деятельность. Так, крестьяне дер. Сенгу Озеро держали на оброке за 17 руб. в год рыбные ловли⁸³, крестьяне деревень Лавровки и Соколица арендовали бортные ухожен⁸⁴. В дер. Варламов Починок упоминается крестьянин М. Васильев, имеющий 75 ульев и, видимо, продающий мед и воск⁸⁵. В 80—90-е годы XVII в. земли на оброке держали крестьяне деревень Богоявленской (Звенигородский уезд, оброчная плата — 6 руб. в год)⁸⁶, Старые Рыболовы (Московский уезд, оброчная плата — 26 алт. 4 деньги в год)⁸⁷, Яновец (Владимирский уезд, оброчная плата — 6 руб. в год)⁸⁸ и др. Встречаются случаи, когда жители деревни держат на оброке мельницы.

Таким образом, как и всюду, где в жизнь русского крестьянства вторгались оброчные отношения, в деревнях начинаются соответствующие сдвиги; в них растет количество дворов, становятся более разнообразными занятия их жителей, активнее развивается процесс их имущественной дифференциации, подходящий к социальному расслоению, развиваются производительные силы русской деревни (об этом, в частности, говорит и освоение новых промыслов, и арендная деятельность). В условиях денежной

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 57, лл. 354 об., 355; кн. 104, л. 34.

⁸⁰ Там же, кн. 32, л. 52.

⁸¹ Там же, кн. 40, л. 284.

⁸² Там же, л. 67.

⁸³ Там же, кн. 25, л. 288 об.

⁸⁴ Там же, л. 30.

⁸⁵ Там же, кн. 39, л. 82.

⁸⁶ Там же, кн. 58, л. 73 об.

⁸⁷ Там же, кн. 63, л. 35 об.

⁸⁸ Там же, кн. 60, л. 25 об.

ренты заселение маленькими селениями — в 1—3 двора, на отшибе, вдалеке уже ничего не обещало. И, напротив, заселение районов, имеющих выгодные рыночные связи, заселение большим по сравнению с прежним временем количеством дворов обещало и быстрое освоение пустовых, лесных, целинных участков, возможность реализации продукции на рынке и продажи своей рабочей силы, а также получение добавочных прибылей в сфере ремесла, извоза и т. д. Именно эти обстоятельства, по нашему мнению, и явились основой для появления деревень в 5—7 дворов и последующего быстрого роста некоторых из них. Не случайно, что уже во второй половине XVII в. мы все чаще встречаемся с термином «деревня с деревнями»⁸⁹, известным еще в XVI в., который существует наряду с термином «село с деревнями». Причем, как правило, деревня, объединяющая вокруг себя другие деревни, насчитывает не один десяток дворов. По существу начинается процесс ликвидации разницы между деревней и селом. Растущие деревни обгоняют многие села, и, напротив, многие села, оказавшись либо в невыгодных рыночных условиях, либо связанные барщиной, начинают отставать в своем развитии, так и не выйдя за рамки 10—15 дворов. Наконец важно обратить внимание и на следующее: не воля феодала вызывала к жизни это укрупнение деревень в XVII в. (как, возможно, и в XVI в.), а общие социально-экономические сдвиги в стране, тенденции развития как хозяйства крестьянина, так и феодала, взаимозависимость и борьба этих частей феодальной вотчины.

⁸⁹ См., например: там же, кн. 40, л. 15; кн. 84, л. 393 об.: кн. 25, л. 84 об.

9. Формы классовой борьбы крестьянства крупной феодальной вотчины

Во-первых, сразу же следует задать вопрос, правомерно ли вообще говорить о формах классовой борьбы крестьянства в рамках крупной феодальной вотчины? Не будет ли это попыткой искусственно обособить часть крестьян от всей массы русского крестьянства, придать формам борьбы этого отряда крестьян общерусский характер, делая на этой основе широкие обобщения? Нам кажется, что такая опасность не возникает. Отвечая на этот вопрос, необходимо помнить, что и сама общероссийская борьба русского крестьянства против феодального гнета складывалась из суммы отдельных выступлений крестьян различных районов, разных социально-экономических категорий, принадлежащих разным феодальным собственникам. Поэтому характеристика форм борьбы в отдельном хозяйстве не заменяет, а лишь детализирует, углубляет наши выводы об этой борьбе в масштабах всей страны.

При анализе классовой борьбы крестьянства мы должны исходить из общих марксистско-ленинских определений феодального общества как антагонистического, разделенного на враждебные друг другу классы крестьян и феодалов, борьба между которыми была характерной чертой феодального строя. Эта борьба содействует изменению феодальных производственных отношений, их разложению, появлению ростков нового капиталистического уклада, а затем и капиталистической формации. Эта борьба не затихает ни на мгновение, выражаясь то в крупных действиях — крестьянских бунтах, крестьянских войнах, то вновь входя в берега «повседневных», «будничных» противоречий, готовящих новые вспышки народного гнева против феодальной эксплуатации. В ходе этой борьбы возможны

временные компромиссы между феодальными собственниками и крестьянами (хотя и в этом случае каждая сторона преследует свои цели) с тем, чтобы возродить, углубить, расширить эту борьбу на новой основе — общества, уже продвинувшегося вперед в своем развитии.

Представлять дело так, будто отношения между феодалами и крестьянами характеризуются лишь постоянными классовыми схватками, значит понимать классовую борьбу упрощенно. И если крупные выступления крестьянства против феодального гнета необходимо оценивать в масштабах всей страны, то «повседневная» борьба крестьянства за свои интересы против феодального собственника лучше всего познается на примере отдельных хозяйств, так как именно здесь создается возможность проследить формы, содержание, результаты этой борьбы.

История русского крестьянства знает яркие страницы классовой борьбы не только в рамках государства в целом, но и в рамках отдельных его частей, отдельных феодальных хозяйств, и здесь патриаршая вотчина не представляет исключения. Крупные изменения, происшедшие в экономике и социальных отношениях России в XVII в., заметно повлияли на изменение форм классовой борьбы. В свою очередь классовая борьба крестьянства оказывала могучее воздействие на социально-экономическое развитие русской деревни.

Во второй половине XVII в., а точнее в последней трети, в приходо-расходных и записных книгах кафедры часто встречаются упоминания о крестьянском «воровстве», «огурстве», о крестьянах-«колодниках», направляемых для расследования в Москву, о посылке стрельцов то в одно патриаршее владение, то в другое, о непослушании крестьян¹ и т. д. Как правило, в этих записях только упоминается сам факт события и не раскрываются его причины и развитие. Так, в одной из записей о «памяти», посланной в Вятскую волость, говорится: «Велено крестьянам за ослушание учинить наказание. А за какое дело, и то писано в отпуску»². В отношении «огурщиков» с Спасского Пошехонского уезда говорится более определенно: «Учинить наказание, вместо кнута бить плетью за их ос-

¹ ГИМ, Синодальные описки, № 1440; ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 25, лл. 348 об., 359; кн. 94, л. 304 об.; кн. 58, л. 128 об.; кн. 40, л. 574.

² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 163.

лушания, что они по присылкам новинских властей (имеются в виду власти патриаршего Новинского монастыря. — А. С.) во всяких делах и поборах чинятца непослушны»³. Однако и в этих случаях трудно судить о направленности этой борьбы. Какие поборы имеются в виду: государственные подати или оброчные деньги? О каких делах толкует запись? Ответить на эти вопросы невозможно.

Эти записи с упоминаниями о сопротивлении крестьянства феодальной организации ценны в том отношении, что они указывают на далеко не мирный характер отношений непосредственных производителей и феодального собственника, говорят об упорстве и постоянстве борьбы крестьян, и лишь один конкретный вывод можно сделать на основании этих «общих» упоминаний: почти все они относятся к оброчным владениям кафедры — Вятская волость, Карашская волость, Белозерский уезд, дер. Аргуново (Коломенский уезд).

Изучение конкретного материала как бы раскрывает эту общую настроенность крестьянства вотчины на борьбу. Важной частью этой борьбы является стремление крестьянства освободиться от обременительной барщинной повинности, от всяких «педельных» обязанностей. В разделе об эволюции форм ренты мы познакомились с настойчивой и методичной борьбой крестьян за право уплаты денежного оброка вместо несения барщинных повинностей. И патриаршая кафедра вынуждена была пойти на эти перемены не только по соображениям экономического порядка, но и под давлением постоянного сопротивления крестьянства. Так в составе вотчины появились владения оброчные и барщинные. Но подобное разделение отнюдь не означало прекращения борьбы. Напротив, она продолжала обостряться. В этой связи нам кажется целесообразным еще раз вернуться к марксистскому пониманию эволюции феодальной земельной ренты. Переход от барщины к натуральному и денежному оброку не только меняет степень зависимости крестьян от феодальных собственников, но в значительной мере усиливает остроту классово-борьбы. И чем больше эта «независимость» в рамках феодального строя, тем сильнее и шире степень сопротивления крестьянства по всем направлениям. Действительно, крестьянство, вставшее на путь оброчных от-

³ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 28.

ношений, острее реагировало на все случаи проявления власти феодального собственника, потому что каждое такое проявление нарушало уже достигнутую «свободу». И если в барщинных хозяйствах степень противоречия между интересами крестьянина и феодала достигает наибольшей глубины, но еще не реализуется в полной мере в открытой борьбе из-за полной забитости, подавленности крестьянства, то оброчные отношения создают основу для более широкой, осознанной и всесторонней борьбы.

Борьбу против барщины мы наблюдаем во владимирских селах кафедры до того момента, как многие из них встали на путь оброчных отношений. Настойчивую борьбу против барщины за денежный оброк вели крестьяне с. Павловского. В 50—60-е годы, т. е. когда барщинные отношения были здесь господствующими, патриаршая кафедра под натиском крестьян шаг за шагом сдвигала свои позиции не только в с. Павловском. Так, после крестьянских челобитий были отменены «дворовые поделки» в с. Старом Дворе⁴, против различного вида «изделий» (возка бревен, городьба заборов, рыбная ловля) протестовали в своих челобитных крестьяне патриаршего Владимирского Сновидского монастыря⁵. В тесной связи с этим, по-видимому, находится и одна из грамот, отправленная из Москвы монастырским властям, где предписывалось, чтобы домовые «крестьяне во всем были послушны. И буде станут ослушатца, и их смирять»⁶. Против податей и «изделия» начали «мятеж» в 1682 г. крестьяне патриаршего Владимирского Боголюбова монастыря, и в монастырь полетела грамота из Москвы: «За их (т. е. крестьян. — А. С.) непослушание велено чинить наказанье»⁷. Протестуют в челобитных против барщины и подводной повинности крестьяне Ярымовской волости в 50—60-е годы⁸. Батогами грозит кафедра «ослушникам» в с. Игнатовском, отказавшимся в конце 70-х — начале 80-х годов возить лес для строительства церкви⁹. Серьезные волнения произошли в 1682 г. в патриарших владениях в с. Кузьмань

⁴ Там же, кн. 10, л. 296 об.

⁵ Там же, кн. 40, л. 310; кн. 16, л. 663; кн. 58, л. 104.

⁶ Там же, кн. 40, л. 574.

⁷ Там же, кн. 54, л. 13 об.

⁸ Там же, кн. 16, лл. 729, 756.

⁹ Там же, кн. 40, л. 448.

Тульского уезда. Когда кафедра попыталась использовать крестьян на полевых работах и сенокосе «в помочь» домо-вым работникам, крестьяне, видимо, отказались выполнять работы. Как показывают другие записи, привлечение крестьян было вызвано отказом домовых работников выполнять эти работы (недаром в с. Кузьмань патриаршему приказчику был послан приказ, чтобы работники у него «без работы дуrom не гуляли»). Дело кончилось тем, что один из крестьян «за воровство» попал «на губу», остальным было без проезжих памятей «никуда ходить не веле-но». Подобная мера была принята и в отношении работников¹⁰.

Таким образом, борьба крестьян против барщинных повинностей либо тесно смыкалась с борьбой за оброк (как это было в с. Павловском), либо ограничивалась отрицанием самой барщины в том или ином виде. В первом случае дело иногда кончалось компромиссом и кафедра шла навстречу крестьянам, во втором случае результатом были репрессии.

Другой формой борьбы являлась борьба крестьянства против феодальной денежной ренты (за сокращение оброков, отсрочку платежей, уклонение от уплаты оброка) в тех районах, где крестьяне уже были переведены на денежный или денежно-натуральный оброк. Причем эта борьба выражалась не только в форме открытого протеста против уплаты оброка, но и в скрытом виде — путем подачи челобитий. Собственно говоря, подача челобитья — это первая, наименее развитая форма классовой борьбы крестьянства за свои интересы. Порой бывало, что в случае неудовлетворения феодальной организацией крестьянских челобитий крестьяне начинали действия более решительные, выливавшиеся в открытые столкновения с феодальной администрацией. Причем сами челобитья имели различное содержание — здесь и просьба о сокращении оброка, и об отсрочке платежа. Открытый протест, как правило, уже связан с уклонением от уплаты феодальной земельной ренты.

В 60-е годы об отсрочке платежа просили крестьяне Чюровской волости¹¹. С этой же просьбой относительно «столо-

¹⁰ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 40, лл. 316, 324, 337, 509, 601 об.

¹¹ Там же, кн. 16, л. 584.

вых запасов» обращались крестьяне Карашской волости¹². В связи с челобитными крестьян кафедра временно приостановила в 1697 г. сбор денежного оброка со своих владимирских и юрьевских сел¹³.

Но не всегда дело кончалось столь мирно. Там, где кафедра считала невозможным по тем или иным соображениям пойти крестьянам навстречу, дело принимало весьма острый характер. В июле 1677 г., например, в Ярымовскую волость был послан «для сыскных дел» крупный патриарший чин — дьяк Казенного приказа Матвей Кувшинов¹⁴. Другая запись раскрывает нам цель этой миссии. Еще ранее сюда был направлен чин помельче — старец Андрей Базыкин «править за ярымовские подводы денги и для высылки и ямских и полонянничных денег и стрелецкого хлеба»¹⁵. Речь идет о протесте крестьян против уплаты оброчных денег, заменивших подводную повинность, и выплаты государственных податей. Подобные же явления были свойственны и Спасской волости (Нижегородский уезд) в 1676 г., куда «для розыску про домовый хлеб и для правежу оброчных денег» был послан представитель из центра¹⁶. Отказывались платить осенью 1676 г. оброчные деньги и некоторые крестьяне Карашской волости. Здесь дело также кончилось «правежом»¹⁷. Специальная миссия была отправлена для сбора оброчных денег с крестьян Багачевской волости и владимирских сел в марте 1677 г.¹⁸

Подобные факты происходят и позднее. В мае 1683 г. произошел инцидент в с. Старом Дворе, где крестьянин Г. Васильев «учинился силен» и отказывался нести тягло и платить оброк¹⁹. В 1698/1699 г. в Карашскую волость (в который раз!) был послан пристав патриаршего Дворцового приказа К. Прокофьев «для правежу» оброчных и «корабельных» денег. Деньги за оплату проезда К. Прокофьева было приказано взыскать с крестьян. Приказ был выполнен, и в приходной статье одной из книг

¹² Там же, л. 186 об.

¹³ Там же, кн. 58, л. 94 об.

¹⁴ Там же, кн. 32, л. 332.

¹⁵ Там же, л. 218 об.

¹⁶ Там же, л. 208 об.

¹⁷ Там же, л. 184—184 об.

¹⁸ Там же, л. 260.

¹⁹ Там же, кн. 40, л. 375.

появилась соответствующая приходная запись, но об уплате причитающихся платежей документы умалчивают. По-видимому, посылка пристава оказалась безрезультатной²⁰. Порой крестьяне резко выступали против уплаты натурального оброка. На почве «правежа» оброчного хлеба серьезные волнения произошли зимой 1683 г. в патриаршем Нерльском Покровском монастыре (Владимирский уезд). Память, посланная патриаршей администрации во владимирские села, говорила о том, что «крестьяне и слушка Алешка игумену Пахомию чинятся непослушны и во всяких делах неподобострастны». Патриаршим чином во Владимире приказывалось ехать в монастырь и, выбрав пять-шесть человек зачинщиков — наказать их, а двух-трех «заводчиков» и службу прислать к Москве. Из дальнейшего становится ясной причина конфликта: «А запас на прошлой на 191-й год выслать тотчас на крестьянских подводах»²¹. Итак, в данном случае шла борьба вокруг повинности поставлять натуральные оброки в Москву. Иногда борьба принимала и такие формы, как отказ выполнять ту или иную конкретную повинность. В сентябре 1683 г. крестьяне подмосковных сел отказывались собирать для патриаршей кафедры лесные орехи, которые они обязаны были поставлять по 1/2 осмины с выти²².

Одной из форм борьбы крестьянства против феодального гнета являлась борьба против произвола патриаршей администрации. Иногда этот протест выражался также в форме челобитий, где крестьяне жаловались на злоупотребления того или иного управителя. Так, челобитые крестьян с. Пушкино обвиняло заведывавшего здесь в конце 50-х годов XVII в. хозяйством старца Пафнутия «в изгоне и во всякой налоге»²³, а челобитная крестьян с. Старого Двора от этого же времени — местного приказчика — «в лишнях взятках»²⁴. Жаловались на «озорничество», «великие взятки», «разорения» со стороны администрации крестьяне Вятской волости (начало 80-х годов), Карашской волости (сере-

²⁰ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 90, л. 357 об.

²¹ Там же, кн. 40, л. 437.

²² Там же, л. 419.

²³ Там же, кн. 16, л. 230 об.

²⁴ Там же, л. 36.

дина 80-х годов), Сенежской волости (начало 90-х годов)²⁵. Иногда терпению крестьян приходил конец, и они поднимались против местных властей. Такая вспышка произошла в с. Старом Дворе весной 1679 г., когда крестьяне начали открытый бунт всей общиной против патриаршего приказчика М. Всеволодского, избили его самого и его людей. Приказ из центра был весьма выразителен: «А за их бунтовство бить кнутом, вода по селу»²⁶.

Важным элементом классовой борьбы крестьянства в крупной вотчине XVII в. являлось сопротивление различного рода принудительным работам в тех районах, которые уже перешли от барщины к оброку. В патриаршей вотчине это в первую очередь относится к принудительным наборам крестьян в «работные люди» для нужд барщинных сел. Отправка каждой партии «домовых работников» сопровождалась оформлением поручных записей в том, что крестьяне не сбегут от работы и не будут заниматься «огурством» и «воровством». Уже эти предупреждения, ставшие стереотипными, указывают на массовый характер сопротивления этим наборам. Иногда работники, как это было в с. Кузьмань, поднимались на открытую борьбу против феодальной эксплуатации, покидая работу и вынуждая кафедру изыскивать для поправки дела рабочие руки среди своих крестьян.

Порой сопротивление крестьянства выливалось в самые неожиданные и замысловатые формы, характерные вообще для выражения классового протеста периода феодализма.

В связи с этим привлекает внимание известие о массовом отказе крестьян подмосковных сел в 1685 г. от поста и причастья. Религиозная форма протеста была здесь, по видимому, лишь прикрытием классового конфликта крестьянства и феодальной церковной организации. В вотчине имелись и такие традиционные формы протеста крестьянства против феодального гнета, как побеги, однако необходимо специальное исследование, чтобы четко разделить факты побега и отходничества.

²⁵ Там же, кн. 40, лл. 186, 563 об.; ГИМ, Синодальные списки, № 1435.

²⁶ Там же, кн. 40, л. 30 об.

Таким образом, говоря о классовой борьбе крестьянства в рамках крупной феодальной вотчины XVII в. (имеются в виду не периоды крестьянских войн и других крупных социальных потрясений, во время которых и крестьянство тех районов, которые были втянуты в эти потрясения, ставилось в той или иной форме одним из отрядов общего движения, а сравнительно «мирный» период развития), следует отметить, что в это время борьба за фиксированную ренту, свойственная XIV—XV вв. и отмеченная исследователями²⁷, стала уже анахронизмом. Развивался всероссийский рынок, хозяйство и феодала и крестьянина втягивалось в эти рыночные отношения, усложняются и развиваются формы эксплуатации крестьян, растет барщина, и в то же время часть крестьянства добивается освобождения от барщинных повинностей, уйдя в сферу оброка, используя его выгоды. В этих условиях меняет формы и классовая борьба крестьянства: протест против барщины за оброчные отношения, протест против этих оброчных отношений, протест против принудительного набора в состав «домовых работников» — все это уже явления, свойственные началу «нового периода русской истории». Классовая борьба крестьянства в этих направлениях как раз и отражала ту специфику антикрепостнической борьбы в период втягивания крестьянских хозяйств в сферу рыночных отношений, о которой писал П. Г. Рындзюнский²⁸, и не только отражала, но активно способствовала этому «втягиванию». Борьба против барщины за денежный оброк и против самого денежного оброка, борьба за свободу передвижения (за право отходничества, выхода из состава вотчинных крестьян и приписку их к торговому сословию), несомненно, способствовали и эволюции ренты, и росту отхода, и другим явлениям, готовившим созревание капиталистического уклада в недрах феодального общества, и в этом смысле мы можем говорить, что и в «мирные» периоды развития феодальных отношений крестьяне вели ту «повседневную», «будничную» борьбу, которая способствовала расшатыванию феодальных отношений. Крупные социаль-

²⁷ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 277.

²⁸ П. Г. Рындзюнский. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах первой четверти XIX века. — «Из истории крестьянства XVI—XIX веков. Труды Государственного исторического музея», вып. XXVII. М., 1956, стр. 87.

ные движения крестьянства как бы собирали в реки отдельные ручейки, и результат этих движений, несмотря на их поражения и последующее наступление реакции, состоял в том, что они во сто крат усиливали эффект этой «будничной» борьбы, оказывая порой решающее влияние на дальнейшую эволюцию ренты, развитие отхода, свободу торговли и т. д.²⁹

²⁹ См. об этом подробнее: Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России XVII—XVIII вв.— «Вопросы истории», 1964, № 12. При этом мы ограничиваемся лишь сферой социально-экономических отношений, понимая, что влияние этой борьбы как в «мелких», так и особенно в «крупных» формах оставляло заметный след в области идеологии, народной психологии и т. д., знаменуя и здесь удар по феодализму.

Заключение

На основании материалов одной из крупнейших вотчин Русского государства XVII в.— патриаршей вотчины, а также разнообразных данных, содержащихся в исследованиях советских историков, посвященных вопросам социально-экономического развития XVII в., можно сделать вывод о том, что взгляд на историю развития русского крестьянства XVII в. лишь сквозь призму усиления крепостничества, эксплуатации, развития барщины является несколько односторонним. Одновременно с этими тенденциями, которые были отражением глубоких антагонистических противоречий феодального строя, стремления феодальных собственников к постоянному экономическому давлению и «внеэкономическому принуждению» по отношению к крестьянскому хозяйству и личности крестьянина, в практике социально-экономической жизни русской деревни XVII в. все более явно проступают иные тенденции, «антикрепостнические», которые, хотя и не открывали начало новых капиталистических явлений в «чистом виде» в жизни русской деревни, но означали генезис этих отношений. Носителем этих «антикрепостнических» буржуазных тенденций являлось русское крестьянство, которое добивалось их реализации в упорной борьбе с феодальными собственниками. Последние выступали по отношению к крестьянскому хозяйству и личности крестьянина не только с позиций «тащить и не пущать». Экономический резон порой диктовал феодалам желание не только «давить» на крестьянское хозяйство, но и временами поддерживать его, чтобы иметь возможность получать с крестьян феодальную земельную ренту и увеличивать ее размеры. Сама эта «поддержка» лишь

с другой стороны освещала антагонистический характер отношений в феодальную эпоху и эксплуатацию крестьянства феодальным собственником в изменившихся условиях.

В России XVII в., когда начал складываться всероссийский рынок, когда зарождались буржуазные связи, «антикрепостнические» тенденции оказывались обусловленными этими переменами и связанными с ними.

Анализ материалов патриаршего хозяйства показывает, что за период второй половины XVI — конца XVII в. в формах эксплуатации крестьянства произошли существенные перемены. Главное заключается в том, что во всех районах вотчины повинности значительно выросли. Одновременно происходит их унификация и деление районов на «барщинные» и «оброчные». Вместе с тем наблюдается и другая тенденция — постепенное развитие в отдельных районах денежной ренты, медленно, но верно вытесняющей все остальные формы повинностей. Эти тенденции прослеживаются на примере всех патриарших владений, что, несомненно, говорит, с одной стороны, о частичном ослаблении непосредственной личной зависимости крестьян от феодального собственника, с другой — об усилении барщинных повинностей в районах преобладания барщины.

Переход к денежной ренте возникает в силу определенных экономических условий и прежде всего достаточного уровня развития в том или ином районе, как и в государстве в целом, товарно-денежных отношений, при которых крестьянство ясно осознавало выгоду «оброчных обязательств» по сравнению с барщиной; эту выгоду не могли не видеть и феодалы, хозяйство которых также вовлекалось в орбиту этих отношений.

В том случае, когда феодальные собственники при изменившихся условиях пытались искать выгоду в расширении барщины, это приходило в резкое противоречие с интересами крестьян, и тогда многое определялось степенью сопротивления последних и хозяйственными расчетами самого феодала, учитывающего это сопротивление как отражение хозяйственных устремлений крестьянства.

Если с этих позиций взглянуть на патриаршую вотчину, можно заметить что «оброчные» села расположены в районах, где уровень развития товарно-денежных отношений был достаточно высоким и где хозяйство развива-

лось по сравнению с другими районами довольно быстрыми темпами.

Эволюция форм ренты под воздействием развивающихся товарно-денежных отношений в стране приводила к увеличению подвижности населения, к ослаблению зависимости части крепостного крестьянства от феодальных собственников.

Установление хронологических рамок отхода и количества отходников в это время показывает, что распространение во владениях патриаршей кафедры отходничества и тенденции к переходу на денежный оброк по времени примерно совпадают. Одновременность этих явлений наводит на мысль о том, что эволюция феодальной ренты в сторону денежного оброка являлась одним из факторов расширения отхода крестьянства.

Материалы патриаршего хозяйства также показывают, что с тенденцией развития феодальной земельной ренты в XVII в. тесно связан вопрос о генезисе наемного труда в сельском хозяйстве.

Изменение повинностей, ослабление личной зависимости крестьянина от феодального собственника и появление между ними «оброчных» отношений приводит к развитию в сельском хозяйстве в рамках феодальной вотчины таких форм труда, которые отличаются по своему характеру от барщины.

Массовые «наемщики» середины века (40—60-е годы) представляют собой по существу феодально зависимое население, а сами «наемные деньги» являются кратковременной платой, обеспечивающей скорее всего «корм» для привлеченных на различные работы крестьян.

Вместе с тем материалы вотчинного хозяйства выделяют и другую категорию «наемного» труда в вотчине этого периода. Речь идет о действительно свободных людях, осуществлявших реальный, а не эфемерный наем.

Однако сразу бросаются в глаза одинаковые нормы оплаты как для свободных «наемщиков», так и для крепостных. Это подводит к важному выводу о том, что сам по себе наемный труд в сфере сельского хозяйства в рамках крупной вотчины в первой половине XVII в. мало чем отличался от труда крепостных крестьян, и единственная разница уходила пока в область их юридического положения. Одни были юридически независимы от вотчинника, другие являлись, согласно законам, его крепостными.

Иные явления начинают преобладать в вотчинах кафедр с конца 40-х годов XVII в. К этому времени крестьяне многих владений кафедры переставали нести барщину и превращались в оброчных крестьян, становясь в новые, менее зависимые отношения от феодальной организации. Эти изменившиеся отношения повлияли и на эволюцию наемного труда в крупной феодальной вотчине.

Начиная со второй половины 40-х годов XVII в. в патриарших владениях четко выделяется новая повинность крестьян — периодически поставлять определенное количество «работников» из данного владения в другие районы вотчины. Эта обязанность в основном падает на те села и волости, которые уже расстались с барщинными повинностями. А труд «работников» в основном применялся в барщинных селах. Сами барщинные повинности к этому времени там, где они существовали, значительно увеличились (до 6—8 дес. на выть). В этих условиях расширение в «барщинных» районах барской запашки, увеличение времени, проводимого крестьянами на «домовой пашне», сокращение количества барщинно-обязанных крестьян и барской запашки в большинстве районов вотчины приводили к острой нехватке рабочих рук, необходимых для дальнейшего развития непосредственно «домового» хозяйства. В условиях феодального строя кардинальным образом этот вопрос мог решаться только за счет труда феодально зависимого населения. И вот на смену труда сотен барщинных крестьян, исполнявших работы «из найму» на наиболее трудоемких участках «домового» хозяйства, начиная со второй половины XVII в, приходят, с одной стороны, увеличившийся труд барщинно-обязанных крестьян, с другой — труд «домовых работников», ставших ежегодной и постоянной данью освободившихся от барщины «оброчных сел». Это еще раз подчеркивает тезис о том, что развитие товарно-денежных отношений в стране привело не просто к усилению эксплуатации крестьян, а содействовало в условиях господства феодальных производственных отношений дифференциации отдельных частей крупного феодального хозяйства или ряда самостоятельных хозяйств, дифференциации, при которой часть владений шла по «оброчному» пути, а другая часть делала шаг по еще более тяжелому пути — барщинному.

Крестьяне оброчных владений пытались откупиться и от этой повинности. Когда это не удавалось, крестьяне

прибегали к найму вместо себя «работников» в барщинные села из числа «пришлых», «сторонних» людей. Таким образом, обязанность поставлять «работников» привела к появлению определенной категории людей, работающих «из найму» за оброчных патриарших крестьян. Следовательно, появление категории «работников» сопровождалось сложными процессами, происходящими в рамках хозяйства феодальной организации и крестьянского хозяйства и указывающими в направлении буржуазного развития.

Проблема взаимозависимости феодального и крестьянского хозяйства хорошо прослеживается на примере арендной деятельности патриаршего крестьянства, которая достигает значительного развития в XVII в.

Тенденция к отдаче на оброк «домовым» крестьянам церковных земель и передача этих земель крестьянам от других оброчников наблюдается начиная с 30-годов вплоть до конца столетия.

В ходе освоения церковных земель выделялись аренды общинные и отдельных крестьян, арендующих небольшие участки земли за малые суммы индивидуально или сообща, что, однако, не позволяло крестьянам выйти из нужды, как об этом говорят статьи недоимок.

Церковные земли были лишь одним из фондов для крестьянских аренд. Другим таким фондом являлись непосредственно домовые патриаршие земли. В процессе арендной деятельности крестьянства наряду с общинными арендами выделяются отдельными яркими пятнами индивидуальные аренды крестьян за значительную оброчную сумму от 1 руб. и выше. Порой такие аренды оговариваются условием не продавать продукты земли, что указывает на стремление этой части крестьянства использовать арендованные земли для дальнейшего развития своего хозяйства за счет увеличения его товарности. Аренда земли становилась, таким образом, одним из средств расслоения крестьянства патриарших владений. Мобилизация земельных владений частью крестьянства неукоснительно связывается в документах с процессом выделения деревенской верхушки, закабаляющей бедных крестьян.

Аренда оброчных участков отдельными крестьянами вызывала противоречие в среде деревни. Известны факты борьбы крестьян против богатых односельчан-арендаторов.

В любом пункте, в любом отдельно взятом факте мы можем усмотреть эту борьбу «крепостнических» и «антикрепостнических» тенденций: для того чтобы существовать, феодальная организация должна была поддерживать хозяйство крестьян на определенном уровне и прислушиваться к требованиям крестьянства. В то же время, для того чтобы существовать, феодальная организация должна была усиливать эксплуатацию крестьянства. Выхода из этого противоречия не было. Так в борьбе тенденций крестьянского хозяйства и феодального хозяйства, борьбе, в которой феодалы частично учитывали стремления крестьянства, и шло развитие социально-экономических процессов в русской деревне XVII в. Классовая борьба крестьянства являлась ускорителем развития «антикрепостнических» тенденций, содействуя не только движению вперед феодального строя, но и готовя этим самым почву для развития капиталистических отношений, к которым неизменно вело русское «антикрепостничество» во всех его проявлениях.

Оглавление

Введение	3
1. Источники	21
2. Развитие патриаршего землевладения в XIV—XVII вв.	39
3. Тенденции развития феодальной ренты	49
4. Развитие отходничества	73
5. Генезис наемного труда в крупной вотчине	88
6. Роль аренды в крестьянском хозяйстве	116
7. Эволюция категорий крестьянства	151
8. Причины и источники развития вотчинного хозяйства	192
9. Формы классовой борьбы крестьянства крупной феодальной вотчины	214
Заключение.	224

Андрей Николаевич Сахаров

**Русская деревня XVII в.
По материалам патриаршего хозяйства**

Ответственный редактор *Н. Соломадина*
Верстальщик *М. Глаголева*

Сдано в набор 02.04.2014
Подписано к печати 01.04.2014
Формат 60х90/16
Печ. л. 14,44
Тираж 500
Заказ 02-4-15

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Отпечатано в ООО «Леттер Групп»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16